

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

**Научный журнал
№ 2, 2026**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)

Абашев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Арустамова Анна Альбертовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Архипова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Власова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Гордиенко Татьяна Петровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Симферополь, Крымский индустриально-педагогический университет им. Ф. Якубова)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Косолапова Лариса Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Поздеев Вячеслав Алексеевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Сыктывкар, Федеральный исследовательский центр Коми, научного центра Уральского отделения РАН)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Роготнев Илья Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Старооскольский технологический институт имени А. А. Угарова НИТУ «МИСИС»)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф. М. Достоевского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Шумилова Елена Аркадьевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Краснодар, Кубанский государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Международный университет «МИТСО»)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Нижнева Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Ширинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 2, 2026**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

- Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Vladimir V. Abashev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)
- Anna A. Arustamova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Irina V. Arkhipova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)
- Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)
- Elena G. Vlasova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Perm, Perm State University)
- Tatyana P. Gordienko** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Simferopol, Crimean Industrial and Pedagogical University named after F. Yakubov)
- Natalia P. Dvortsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)
- Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)
- Tamara I. Zelenina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)
- Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)
- Aza D. Joseliani** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)
- Boris V. Kondakov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)
- Natalia V. Kopteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
- Victoria M. Kosteva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Russian State University for the Humanities)
- Larisa A. Kosolapova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Perm, Perm State University)
- Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)
- Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)
- Nadezda N. Menshakova** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)
- Vyacheslav A. Pozdeev** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Syktyvkar, Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)
- Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)
- Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky)
- Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Russian State Academy of Intellectual Property)
- Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)
- Ilya Yu. Rogotnev** – Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)
- Natalia N. Semenenko** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Starooskolsky Technological Institute named after A. A. Ugarov of NITU MISIS)
- Olga G. Sidorova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)

Oleg I. Syromyatnikov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Olga V. Felde – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)

Alexander S. Fetisov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)

Dmitry A. Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F. M. Dostoyevsky House-Museum)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Irina A. Shumilova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Krasnodar, Kuban State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, International University «MITSO»)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Mekhrinisso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph. D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

Editorial Board, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	6
<i>С. В. Андросова</i> ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ ОБУЧАЕМЫХ АМЕРИКАНСКОМУ ВАРИАНТУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	6
<i>Р. Е. Сёмкин</i> АББРЕВИАТУРЫ И АКРОНИМЫ КАК ПРОИЗВОДЯЩИЕ ОСНОВЫ ДЛЯ ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	13
<i>Т. Г. Горин</i> ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА <i>МОЛОТИТЬ</i>	18
<i>Е. В. Малахова</i> КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ.....	24
<i>Е. С. Койкова</i> НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С АНИМАЛИЗМАМИ	34
<i>Дун Сяобинь</i> АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ (ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ ЖУРАВЛЬ)	43
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	48
<i>И. В. Архипова</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНСЕКУТИВНОГО ТАКСИСА В ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ СУБКОМПЛЕКСЕ	48
<i>Т. А. Куделько</i> АВТОКАУЗАТИВНОСТЬ КАК ТИП КАУЗАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛОГАХ ЧЕЛОВЕКА С ИИ	54
СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА	61
<i>Л. Д. Цыгульская</i> ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА ТРУДОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ РАЗНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ	61
<i>А. М. Исакова</i> СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА ...	67
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	73
<i>А. В. Лесевецкий, Е. В. Ляхин</i> ЧЕТЫРЕ БЛАГОРОДНЫЕ ИСТИНЫ ДЛЯ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»: ОПЫТ БУДДИСТСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА М. ГОРЬКОГО	73
ДИСКУРСОЛОГИЯ	86
<i>Е. Г. Власова</i> МЕДИА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕСБОРКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЛУЧАЙ АЛЕКСАНДРОВСКА ПЕРМСКОГО КРАЯ	86
<i>Е. С. Дурсенева-Кризьская</i> ЛОКАЛЬНЫЕ МЕДИА МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ)	93
ЛИНГВОДИДАКТИКА	99
<i>М. В. Боровикова</i> ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	99
<i>А. М. Гоголев, И. И. Кац, А. В. Лесевецкий</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУ ДИДАКТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ	104
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	119

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 6–12.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 6-12.

Научная статья
УДК 81'34
EDN: OPXWFM
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-6-12

<https://elibrary.ru/opxwfm>

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ ОБУЧАЕМЫХ АМЕРИКАНСКОМУ ВАРИАНТУ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Светлана Викторовна Андросова

Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия, androsova_s@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – выявить особенности восприятия русскоязычными преподавателями английского языка степени естественности и близости к американскому варианту (АЕ) английской речи русскоязычных студентов, обучающихся по авторской методике. Суть этой методики состоит в отходе от обучения долготе английских гласных через физическую длительность и в целенаправленном внедрении явлений связной речи и слабых форм слов в процесс обучения иностранному языку. Материалом для исследования послужили образцы речи 10 студентов, рассказавших наизусть известную скороговорку «Betty Botter». Материал и контрольные образцы были предъявлены для прослушивания 8 преподавателям английского языка, специализирующимся в области английской фонетики, для выявления комплекса перцептивных характеристик каждого речевого образца. Анализ ответов показал, что речь четверых из 10 обучаемых преподаватели восприняли как полностью сопоставимую с носителями языка по естественности и близости к АЕ, еще двух – как близкую к эталону, еще четырех – как средней и средне-низкой степени близости к эталону. Как самые проблемные были восприняты гласные /ɔ, æ/. Полученные результаты свидетельствуют, во-первых, об эффективности авторской методики, во-вторых, о достаточно хорошо развитой фонетической компетентности, обусловленной высокой мотивацией обучаемых.

Ключевые слова: американский английский, фонетическая интерференция, гласный, согласный, явления связной речи, перцептивная характеристика.

Информация о финансировании: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 26-18-20146 «Фонетическая интерференция через призму слабых форм слов и явлений связной речи в языках Амурского трансграничья: русский, китайский, эвенкийский, английский».

Для цитирования: Андросова С. В. Особенности восприятия преподавателями фонетической стороны речи обучаемых американскому варианту английского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 6–12. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-6-12>. EDN: OPXWFM

Original article

TEACHERS' PERCEPTION OF PHONETIC SKILLS OF LEARNERS STUDYING AMERICAN ENGLISH AS L2

Svetlana S. Androsova

Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, androsova_s@mail.ru

Abstract. The paper aims to examine how Russian teachers of English perceive the degree of naturalness and closeness to American English (AE) the English speech of Russian learners of English studying within the framework of an alternative approach. The essence of the approach is (i) the departure

from using duration in opposing historically long and short vowels and in having vowel-quality-based practice instead, (ii) the exposure of connected speech processes and weak forms to intentional L2 practice. 10 experimental samples of “Betty Botter” tongue twister spoken by 10 learners and 2 control samples pronounced by one male and one female Standard American speaker were taken as the material for this study. The material and the control samples were played to 8 Russian teachers of English specializing in English phonetics in order to obtain a complex of perceptual features for each sample. The data analysis showed that the speech samples of 4 out of 10 learners were perceived by the teachers as fully compatible with native speakers in naturalness and closeness to AE, another 2 were perceived as rather close and the remaining 4 – half close or less. Vowels /ɔ, æ/ were perceived as most challenging. The obtained results enabled to prove the effectiveness of the alternative teaching method and the high level of phonetic competence in students determined by their high motivation.

Keywords: American English, phonetic interference, vowel, consonant, connected speech phenomena, perceptual feature

Funding information: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 26-18-20146 “Phonetic interference through the prism of weak forms of words and phenomena of coherent speech in the languages of the Amur transboundary region: Russian, Chinese, Evenki, English”.

For citation: Androsova S. V. Teachers’ perception of phonetic skills of learners studying American English as L2. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:6-12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-6-12>. EDN: OPXWFM

Введение

Когда мы говорим о фонетической интерференции, мы обычно имеем в виду ошибочную реализацию гласных, согласных, акцентно-ритмической структуры слова и фразовой интонации. Однако, по глубокому убеждению автора настоящей работы, к фонетической интерференции следует также относить нереализацию или неверную реализацию явлений связной речи и слабых форм слов, типичных для речи носителей языка. Для естественной английской речи носителей английского языка в этом плане типичны и универсальны три типа фонетических феноменов: одноударные (точечные удары и скольжения, в английской фонетической традиции обозначаемые как *tap* и / или *flap*), глоттализация как дополнительная и основная артикуляция, и выпадения гласных и согласных [Медведева 1994; Bermúdez-Otero 2004; Гусева и др. 2010; Андросова, Караваева 2015; Андросова и др. 2016; Lems 2019; Безбородова 2023; Androsova, Karavaeva 2024; Онищенко 2025; Rattanasak 2025]. При этом в разных вариантах английского языка так называемого первого круга специфика комбинаторно-позиционных условий и частотность проявления могут быть разными.

Если сравнивать британский вариант с американским, то в первом имеет место изобилие глоттализированных и глоттальных реализаций, а гортанная смычка (возможно, скорее, гортанный взрыв) в интервокальной позиции внутри слова, хотя и остается пока за пределами нормы, претендует на то, чтобы со временем стать ее частью или, по крайней мере, одним из вариантов нормы, о чем свидетельствует рост частоты употребления данного феномена [Онищенко 2025]. При этом точечные удары и скольжения не так частотны, особенно внутри слова. Во втором (американском) точечные удары и скольжения имеют высокую частотность и реализуются в 100 % потенциальных позиций внутри слова, что уже давно нашло отражение в словарной транскрипции [Longman 1997], и более чем в 80 % потенциальных позиций на словесной границе, где иногда они могут заменяться на гортанный взрыв для большего смыслового выделения.

В настоящее время все чаще можно слышать о необходимости внедрения этих общеупотребительных частотных модификаций в процесс обучения [Онищенко 2025; Cauldwell 2002, 2014; Levis, Challis 2024; Rattanasak 2025], методика их тренировки, созданная автором настоящей статьи с группой единомышленников ещё в начале 2000-х гг. (см. подробнее [Андросова 2025]) и опубликованная в ряде учебных пособий (напр., [Андросова и др. 2017; Караваева и др. 2023]), пока не получила должного масштабирования. Соответственно, и исследований того, как эти модификации в своей речи используют обучаемые, крайне мало [Areej 2019; Андросова и др. 2024]. Указанные обстоятельства обусловили выбор тематики исследования и побудили на проведение эксперимента, который был начат в 2024 г.

Цель статьи – выявить особенности восприятия русскоязычными преподавателями английского языка степени естественности и близости к американскому варианту английской речи (АЕ) русскоязычных студентов, обучающихся по авторской методике. Данная статья является продолжением начатого ранее исследования, выполненного на материале независимых фонетических данных, а именно подготовленного самими студентами короткого монологического высказывания по одной из тем на ее завершающей стадии [Андросова и др. 2024]. В настоящей работе используются зависимые фонетические данные, а сам эксперимент носит более контролируемый характер.

Основная часть

Материалом для исследования послужили экспериментальные образцы речи 10 студентов (все, кроме одного, женщины), рассказавших наизусть известную скороговорку «Betty Botter». Студенты находились на третьем году обучения, успешно прошли курс практической фонетики американского варианта английского языка по авторской методике, согласно которой их тренировали в производстве качественных, а не количественных различий английских гласных, в произнесении эризованных гласных, а также намеренно обучали трём типам явлений связной американской речи: альвеолярному удару (=tap), разным видам глоттализации (glottalization and glottaling) и частотным случаям выпадения согласных и гласных. По окончании фонетического курса тренировка этих фонетических явлений систематически производилась в виде соответствующих упражнений на этапе предпрослушивания. В материал были также включены контрольные образцы – скороговорка в произнесении двух американцев – носителей стандартного произношения (мужчины и женщины).

Скороговорка содержит гласные, на которых ярко проявляются особенности американского акцента в отличие от британского, которому испытуемые обучались до поступления в университет. Кроме того, она включает 11 позиций для реализации альвеолярного удара внутри и на границах слов, который также известен как характерная черта американского акцента. Наконец, в конце нескольких слов находится эризованный безударный гласный, а эризация – это ещё один признак изучаемого акцента. Обучаемых просили повторить скороговорку трижды. Для перцептивного эксперимента было взято только второе повторение. Носители языка произнесли скороговорку по одному разу. Полученный от обучаемых материал и контрольные образцы были предъявлены для прослушивания 8 преподавателям английского языка, специализирующимся в области английской фонетики. Количество прослушиваний не ограничивалось. Перед прослушиванием аудиторов просили указать свой возраст, пол, город и стаж преподавания английского языка. Ниже приведен опросник, который выполняли аудиторы. Опросник содержит два критерия, по каждому предложено оценивание методом шкалирования, а также анализ произносительных сложностей, касающихся гласных, согласных и просодии. Кроме того, предоставлялась возможность дать комментарий о произношении в свободной форме.

1. Естественность произношения

1.1. Насколько естественно произношение диктора? Пожалуйста, оцените от 0 до 10, где 0 – вообще неестественное, 10 – максимально естественное

1.2. В чём Вы видите проблему (можно выбрать несколько):

- 1.2.1. Неестественно произнесённые гласные
- 1.2.2. Неестественно произнесённые согласные
- 1.2.3. Неестественная интонация
- 1.2.4. Неестественно медленный темп
- 1.2.5. Отсутствуют явления связной речи
- 1.2.6. Слишком много пауз
- 1.3. Общий комментарий.

2 Близость к стандартному американскому произношению

2.1. Насколько близко произношение к стандартному американскому? Пожалуйста, оцените от 0 до 10, где 0 – вообще не близкое, 10 – максимально близкое

2.2. В чём Вы видите проблему (можно выбрать несколько):

- 2.2.1. Неверно произнесённый ударный гласный как в *Botter*
- 2.2.2. Неверно произнесённый гласный как в *bought*
- 2.2.3. Неверно произнесённый ударный гласный как в *butter*
- 2.2.4. Неверно произнесённый гласный как в *she*
- 2.2.5. Неверно произнесённый ударный гласный как в *bitter, bit*
- 2.2.6. Неверно произнесённый ударный гласный как в *batter*
- 2.2.7. Неверно произнесённый ударный гласный как в *better*
- 2.2.8. Неверно произнесённый межзубный согласный как в *the iz the butter's*
- 2.2.9. Диктор не произносит конечный /r/ в словах *Botter, butter, bitter, batter, better*
- 2.2.10. Неверная интонация
- 2.3. Общий комментарий.

Опросник предъявлялся к каждому из 12 образцов. Опрос проводился дистанционно через Google-форму. Полученные ответы в виде баллов были количественно обработаны. Выбранные варианты ответов также подверглись количественной обработке. Наконец, были проанализированы комментарии. Данные по двум контрольным образцам сравнивались с данными по обучаемым.

Данные анкетирования выявили следующие социолингвистические параметры участников перцептивного эксперимента: возрастной диапазон – от 38 до 53 лет; пол – только женский; география – 6 человек из г. Благовещенска, 2 человека – из г. Москвы; стаж преподавания английского языка в вузе – от 14 до 30 лет. Полученные результаты по оценке аудиторами речи испытуемых-студентов и контрольных образцов речи американцев нельзя назвать однозначными, во-первых из-за разброса во мнениях, во-вторых, из-за того, что часть аудиторов сочла речь в контрольных образцах недостаточно естественной и близкой к АЕ.

Прежде всего опишем данные по двум контрольным образцам. Половина аудиторов оценила естественность диктора-американки на 10 баллов (как максимально естественную), в то время как ответы другой половины аудиторов варьировали от 4 до 7 баллов, демонстрируя большой разброс мнений. Речь диктора-американца тремя аудиторами была оценена как максимально естественная, у остальных пяти аудиторов баллы варьировали от 7 до 9. В целом речь мужчины была оценена как более естественная, чем речь женщины. Для диктора-женщины среди проблем, приводящих к снижению естественности речи, были выбраны неестественность интонации и неестественность гласных. По образцу речи американца отмечался более широкий спектр проблем: неестественность интонации, гласных, согласных и даже неестественно медленный темп. Однако количество выбравших эти проблемы было малым (1–2 человека), что говорит о большом разбросе мнений. Что касается близости контрольных образцов к АЕ, то половина аудиторов оценили диктора-женщину на максимальный балл, двое – на 8 баллов и двое – на 6 баллов. Проблемы половина аудиторов увидела в гласном /ɔ/ в *bought*, /i/ в *she*. Речевому образцу диктора-мужчины аудиторы присвоили очень схожее количество баллов (на 1 выше). Среди отмеченных проблем оказалось больше вариантов: неверно произнесенные гласные /ɔ, ʌ, i, æ, ε/ в словах *bought, butter, she, batter, better* соответственно и даже нереализацию конечного /r/, хотя объективно он был везде реализован диктором. Однако и здесь количество выбравших эти проблемы было малым (1–2 человека).

Перейдем к анализу оценки образцов интерферированной речи обучаемых. Прежде всего отметим, что четверо из 10 испытуемых получили баллы по обоим критериям аналогичные контрольным образцам. Среди проблем, вызывающих неестественность, фигурирует единичный выбор гласных и / или согласных, и / или интонации. Среди проблем, отдаляющих образцы от стандартного АЕ, отмечены ударные гласные в словах *Botter / bought / butter* (каждое только у одного из четырех испытуемых), *she* (у трёх из четырех), *bitter* (у трех из четырех), *batter* (у всех четырех), *better* (у трёх из четырех), а также межзубный согласный в артикле *the* (только у одного) и нереализация конечного плавного ретрофлексного /r/ (только у одного). Еще двое испытуемых показали результат, который можно оценить как довольно близкий к контрольным образцам. Естественность их речи и ее близость к стандартному АЕ была оценена большинством аудиторов-преподавателей как

высокая и средне-высокая. По близости к АЕ основной проблемой было качество ударного гласного в слове *batter* и нереализация конечного /r/. Выбор остальных проблем носил единичный характер. У остальных четырех испытуемых зафиксирован большой разброс баллов по обоим критериям, но в целом баллы средние и низкие. Среди самых частых проблем фигурирует неестественная либо неверная интонация, ударные гласные в словах *bought* и *batter* (у всех четверых), нереализация конечного /r/ (у троих), а у одного из четверых – явная проблема со звонким межзубным в артикле. Особо подчеркну, что эти проблемы были отмечены не единично, а 3–5 аудиторами-преподавателями для каждого из этих обучаемых.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что для четырех из 10 испытуемых обучение по авторской методике имело результатом естественность речи и близость к стандартному АЕ, полностью сопоставимую с носителями АЕ, а еще у двух – достаточно близкую к АЕ. Вместе с тем четверо из 10 показали средний и средне-низкий результат по обоим критериям. Среди общих проблем аудиторами неоднократно отмечалась неестественная или неверная интонация, даже для образцов носителей языка. Среди самых проблемных гласных явно выделяются /ɔ, æ/ в словах *bough*, *batter*, поскольку они были отмечены аудиторами как неверно реализованные для всех испытуемых и даже для носителей языка. Немногочисленные согласные, представленные в скороговорке, были реализованы успешно, но аудиторы часто отмечали нереализацию конечного /r/ – для всех испытуемых с разной частотностью и даже для одного из носителей языка. Только для одного из испытуемых межзубный согласный в артикле *the* неоднократно выбирался как неверно реализованный. Выявленный большой разброс вариантов ответов и баллов по обоим критериям может означать разные представления русскоязычных преподавателей английского языка, даже специалистов в области фонетики, о естественности речи и ее близости к стандартному АЕ.

Перспективу данной работы составит, во-первых, акустический анализ сегментов, отмеченных аудиторами как проблемные, во-вторых, перцептивный анализ речевых образцов носителями языка и сравнение двух видений фонетической интерференции.

Список литературы

1. Андросова С. В. И вновь о важных фонетических явлениях в английском языке: к 20-летию аудиопрактикума спонтанной речи // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе: материалы XIII Междунар. науч.-метод. видеоконф. (17 января 2025 г.). Благовещенск : Амурский государственный университет, 2025. С. 19–25. EDN: UWAAFJ
2. Андросова Е. Е., Андросова П. Е., Андросова С. В. Естественные модификации в связной английской речи русских студентов : пилотный эксперимент // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 16. С. 82–89. DOI: 10.24412/2713-0231-2024-16-82-89 EDN: QKYUMW
3. Андросова С. В., Барретт Е. В., Деркач С. В., Морозова О. Н., Пирогова М. А., Шепелина Г. Р. Изучаем спонтанные английские тексты. Ч. 1-2. 3-е изд. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2017.
4. Андросова С. В., Гусева С. И., Деркач С. В., Морозова О. Н. К вопросу об эллипсисе и элизии в спонтанной речи (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/413/1 EDN: XRFVVD
5. Андросова С. В., Караваева В. Г. Одноударные аллофоны в американском и британском вариантах английского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 2. С. 5–20. EDN: UGQSGN
6. Безбородова М. В. Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи) // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 17–24. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_1_869_17 EDN: DEFWTL
7. Гусева С. И., Иванашко Ю. П., Мусаева Е. Г. Переключение произносительных кодов в ситуациях формального и неформального общения (на материале речей британских политиков) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. № 2. С. 168–173. EDN: MWHDRX
8. Караваева В. Г., Абрамова Г. С., Борботько Л. А., Андросова С. В. Слушая и анализируя подкасты : контекст, культура, коммуникация. М. : Перо, 2023, 120 с. https://elibrary.ru/download/elibrary_53327743_49356820.pdf.
9. Медведева Т. В. Явление глоттализации в спонтанной речи (на материале британского варианта английского языка) // Филологические науки. 1994. № 4. С. 93–97. EDN: NOSURS

10. Онищенко Ю. В. Гендерная и возрастная вариативность консонантизма британского национального варианта английского языка (на материале речи участников комедийного ток-шоу) // Иностранные языки в высшей школе. 2025. № 1 (72). С. 76–87. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.010 EDN: EKOLWM
11. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Intervocalic /t/ acoustic patterns in British news analytical discourse // 3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2024. Vol. 30. Iss. 3. P. 177-192. DOI: 10.17576/3L-2024-3003-13
12. Areej M. Perception of American English allophonic variant /r/ by Arabic speakers in an EFL context // 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies. 2019. Vol. 25. Iss. 2. P. 127-142. DOI: 10.17576/3L-2019-2502-10 EDN: BOVFAC
13. Bermúdez-Otero R. Raising and flapping in Canadian English: Grammar and acquisition. Handout of paper presented at the CASTL colloquium, University of Tromsø, 2 November 2004. URL: <https://www.bermudez-otero.com/tromsoe.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
14. Cauldwell R. 2002. Phonology for listening: Relishing the messy, Speech in action. [S. l.], 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy (дата обращения: 12.12.2025).
15. Cauldwell R. Phonology for listening: Teaching the stream of speech. e book Speech in Action. [S. l.], 2014.
16. Lems K. All about the American flap // Illinois Reading Council Journal. 2019. Vol. 47. Iss. 4. P. 72-76. DOI: 10.33600/IRCJ.47.4.2019.72
17. Levis J. M. & Challis, K. (2024). Connected speech. In A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis and M. Prikazchikov (eds.), Teaching pronunciation with confidence. A Resource for ESL/EFL teachers and learners, Iowa University Digital Press. URL: <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/> (дата обращения: 12.12.2025).
18. Longman Dictionary of American English. 2nd ed. [S. l.]: Longman, 1997. 935 p.
19. Rattanasak S. Phonological Processes in English Connected Speech: Implications for L2 Speech Learning and Communication // Cogent Education. 2025. Vol. 12. Iss. 1. DOI: 10.1080/2331186X.2025.2472474 EDN: GUHGEM

References

1. Androsova S. V. I vnov' o vaznykh foneticheskikh yavleniyah v anglijskom yazyke: k 20-letiyu audiopraktikuma spontannoï rechi [Once again about important phonetic phenomena in the English language: on the 20th anniversary of the audio workshop on spontaneous speech]. *Obuchenie inostrannomu yazyku studentov vysshih i srednih obrazovatel'nyh uchrezhdenij na sovremennom eh tape* [Teaching foreign languages to students of higher and secondary educational institutions at the present stage]. Blagoveshchensk, Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2025, pp. 19-25. EDN: UWAAFJ (In Russ.).
2. Androsova E. E., Androsova P. E., Androsova S. V. Estestvennye modifikacii v svyaznoj anglijskoï rechi russkikh studentov: pilotnyj ehksperiment [Natural modifications in coherent English speech of Russian students: a pilot experiment]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2024, no. 16, pp. 82-89. DOI: 10.24412/2713-0231-2024-16-82-89 EDN: QKYUMW (In Russ.).
3. Androsova S. V., Barrett E. V., Derkach S. V., Morozova O. N., Pirogova M. A., Shepelina G. R. Izuchaem spontannye anglijskie teksty [Studying spontaneous English texts]. Part 1-2, 3th ed., Blagoveshchensk, Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2017. (In Russ.).
4. Androsova S. V., Guseva S. I., Derkach S. V., Morozova O. N. K voprosu ob ehllipse i ehlyzii v spontannoï rechi (na materiale anglijskogo yazyka) [On the issue of ellipsis and elision in spontaneous speech (based on the English language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2016, no. 413, pp. 5-13. DOI: 10.17223/15617793/413/1 EDN: XRFVVD (In Russ.).
5. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Odnoudarnye allofony v amerikanskom i britanskom variantah anglijskogo yazyka [Single-stress allophones in American and British English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2015, iss. 1, no. 2, pp. 5-20. EDN: UGQSGN (In Russ.).
6. Bezborodova M. V. Razvitie sistemy soglasnykh britanskogo varianta anglijskogo yazyka (na primere molodezhnoj rechi) [The development of the consonant system of British English (using youth speech as an example)]. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities]. 2023, iss. 1 (869), pp. 17-24. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_1_869_17 EDN: DEFWTL (In Russ.).
7. Guseva S. I., Ivanashko Yu. P., Musaeva E. G. Pereklyuchenie proiznositel'nykh kodov v situacijah formal'nogo i neformal'nogo obshcheniya (na materiale rechej britanskikh politikov) [Switching pronunciation codes in formal and informal situations (based on the speeches of British politicians)]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of KSU named after N. A. Nekrasov]. 2010, no. 2, pp. 168-173. EDN: MWHDRX (In Russ.).
8. Karavaeva V. G., Abramova G. S., Borbot'ko L. A., Androsova S. V. Slushaya i analiziruya podkasty: kontekst, kul'tura, kommunikaciya [Listening to and Analyzing Podcasts: Context, Culture, Communication]. Moscow, Pero, 2023, 120 p. (In Russ.). Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_53327743_49356820.pdf
9. Medvedeva T. V. Yavlenie glottalizacii v spontannoï rechi (na materiale britanskogo varianta anglijskogo yazyka) [The phenomenon of glottalization in spontaneous speech (based on British English)]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences]. 1994, no. 4, pp. 93-97. EDN: NOSURS (In Russ.).
10. Onishchenko Yu. V. Gendernaya i vozrastnaya variativnost' konsonantizma britanskogo nacional'nogo varianta anglijskogo yazyka (na materiale rechi uchastnikov komedijnogo tok-shou) [Gender and age variability of

consonantism in the British national variety of English (based on the speech of participants in a comedy talk show)]. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign languages in higher education]. 2025, no. 1 (72), pp. 76-87. DOI: 10.37724/RSU.2025.72.1.010 EDN: EKOLWM (In Russ.).

11. Androsova S. V., Karavaeva V. G. Intervocalic /t/ acoustic patterns in British news analytical discourse. *3L: Language, Linguistics, Literature. The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 2024, vol. 30, iss. 3, pp. 177-192. DOI: 10.17576/3L-2024-3003-13

12. Areej M. Perception of American English allophonic variant /t/ by Arabic speakers in an EFL context. *3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 2019, vol. 25, iss. 2, pp. 127-142. DOI: 10.17576/3L-2019-2502-10 EDN: BOVFAC

13. Bermúdez-Otero R. Raising and flapping in Canadian English: Grammar and acquisition. Handout of paper presented at the CASTL colloquium, University of Tromsø, 2 November 2004. URL: <https://www.bermudez-otero.com/tromsoe.pdf> (accessed: 12.12.2025).

14. Cauldwell R. 2002. Phonology for listening: Relishing the messy, Speech in action. [S. l.], 2002. URL: https://www.researchgate.net/publication/228779527_Phonology_for_listening_relishing_the_messy (accessed: 12.12.2025).

15. Cauldwell R. Phonology for listening: Teaching the stream of speech. e book Speech in Action. [S. l.], 2014.

16. Lems K. All about the American flap. *Illinois Reading Council Journal*. 2019, vol. 47, iss. 4, pp. 72-76. DOI: 10.33600/IRCJ.47.4.2019.72

17. Levis J. M. & Challis, K. (2024). Connected speech. In A. Guskaroska, Z. Zawadzki, J. M. Levis, K. Challis and M. Prikazchikov (eds.), Teaching pronunciation with confidence. A Resource for ESL/EFL teachers and learners, Iowa University Digital Press. URL: <https://iastate.pressbooks.pub/teachingpronunciation/chapter/chapter-10-connected-speech/> (accessed: 12.12.2025).

18. Longman Dictionary of American English. 2nd ed. [S. l.]: Longman, 1997, 935 p.

19. Rattanasak S. Phonological Processes in English Connected Speech: Implications for L2 Speech Learning and Communication. *Cogent Education*. 2025, vol. 12, iss. 1. DOI: 10.1080/2331186X.2025.2472474 EDN: GUHGM

Информация об авторе

С. В. Андросова – доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Амурский государственный университет.

Information about the author

S. V. Androsova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Foreign Languages Department, Amur State University.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 25.03.2026; принята к публикации 20.04.2026;.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 25.03.2026; accepted for publication 20.04.2026;

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 13–17.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 13-17.

Научная статья
УДК 811.111'373.43
EDN: RPWFBG
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-13-17

<https://elibrary.ru/rpwfbg>

АББРЕВИАТУРЫ И АКРОНИМЫ КАК ПРОИЗВОДЯЩИЕ ОСНОВЫ ДЛЯ ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Роман Евгеньевич Сёмкин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
semkinroman2019@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается глагольный неологизм *to ICE*, образованный от одноимённого акронима и ещё не зафиксированный в словарях. *ICE* расшифровывается как *Иммиграционная и таможенная полиция США*, в полномочия данной службы входят задержание и депортация нелегальных иммигрантов. На основании контекстов употребления на американском интернет-форуме *Reddit* определяется значение данного глагола и его оттенки, особенности функционирования глагола, степень его экспрессивности, даётся авторский перевод контекстов на русский язык. Согласно результатам исследования, *ICE* является глаголом политической тематики и употребляется говорящими с целью осуждения действия этой службы. Анализ контекстов показывает, что люди испытывают страх и недоверие к *ICE* и желают применения тех же санкций к лицам, которые им неприятны. Это обусловлено тем фактом, что значительная часть пользовательской базы форума *Reddit* не приветствует политику Д. Трампа и относится к Республиканской партии США отрицательно. Представляется, что аббревиатуры и акронимы являются продуктивными основами для образования глаголов путём конверсии в английском языке, особенно в разговорной интернет-среде, где важен быстрый обмен информацией с сохранением выразительности сообщения. Возникновение подобных слов обусловлено посредством закона языковой экономии и самоорганизации языка как системы. Отсубстантивные глаголы включают инкорпорированный актант, что делает эти единицы вдвойне экономными, фактически они представляют собой компрессированные словосочетания с глаголом. Идентификация глагольных образований подобного типа возможна благодаря контексту и фоновым знаниям исследователя. Количество глагольных неологизмов с аббревиатурами и акронимами в качестве производящей основы со временем будет расти.

Ключевые слова: акронимы, аббревиатуры, инкорпорация, глагольные неологизмы, отсубстантивные глаголы, английские глаголы.

Для цитирования: Сёмкин Р. Е. Аббревиатуры и акронимы как производящие основы для глагольных неологизмов в английском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 13–17. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-13-17>. EDN: RPWFBG

Original article

ABBREVIATIONS AND ACRONYMS AS GENERATING BASES FOR VERBAL NEOLOGISMS IN ENGLISH

Roman E. Syomkin

Perm State University, Perm, Russia, semkinroman2019@mail.ru

Abstract. The article examines the verbal neologism *to ICE*, formed from the acronym of the same name and not recorded in dictionaries at the moment. *ICE* stands for *US Immigration and Customs Enforcement*: this agency is engaged in the detention and deportation of illegal immigrants. Based on the contexts of use from the American forum *Reddit*, the shades of meaning of this verb, the features of its

functioning, and the degree of expressiveness are determined, and a translation of the contexts into Russian is given. According to the results of the study, ICE is a politically themed verb and is used by speakers to condemn the actions of said agency. An analysis of the contexts shows that people are afraid and distrustful of ICE and want the same sanctions to be applied to the people they dislike. This is due to the fact that a significant part of the user base of the Reddit forum does not welcome Donald Trump's policy and perceives the US Republican Party negatively. It appears that abbreviations and acronyms are productive bases for the formation of verbs by conversion in the English language, especially in the colloquial Internet environment which values rapid exchange of information while maintaining the expressiveness of the message. The emergence of such words turns out to be the implementation of the law of linguistic economy and self-organization of language as a system. Such verbs include an incorporated actant which makes these units as twice as economical. In fact, these verbs equal to compressed phrases with a verb. Identification of verb formations of this type is possible due to the context and background knowledge of the researcher. The number of verbal neologisms with abbreviations and acronyms as a generating base will grow over time.

Keywords: acronyms, abbreviations, incorporation, verbal neologisms, denominal verbs, English verbs.

For citation: Syomkin R. E. Abbreviations and acronyms as generating bases for verbal neologisms in english. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:13-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-13-17>. EDN: RPWFBG

Введение

Любой язык постоянно обогащается новыми словами, процессы словообразования идут непрерывно по мере возникновения новых явлений, предметов, технологий. Язык находится в бесконечном движении и развитии, его функционирование при этом регулируется законом экономии, «синтезом действующих сил», который «включает всё: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения» [Мартине 1960: 130]. Принцип экономии в речевой среде способствует более оптимальному выражению мыслей носителями, что отражается в самой системе языка.

Появление новых глаголов и анализ их функционирования представляет особый интерес для исследователей, поскольку семантика глагола включает модель ситуации. Как отмечал В. фон Гумбольдт, глагол – «нерв самого языка» [Гумбольдт 2000: 199].

Широкой продуктивной базой для глагольных неологизмов оказываются имена существительные, собственные и нарицательные. К числу таковых относят акронимы и аббревиатуры – единицы, которые по своей природе являются экономными. Стоит отметить, что в отечественной традиции понятие «акроним» распространено не так широко. В англоязычной лингвистике акронимы – это вид аббревиатур, которые произносятся как единое слово (NATO, laser) [Crystal 2008: 1], что фактически совпадает с определением звуковой инициальной аббревиатуры [Ахманова 2004: 22; БЭС: 9; Жеребило 2010: 20].

Одной из характерных особенностей английского языка, безусловно, является его аналитический строй, который благоприятствует конверсному словообразованию. Интернет, социальные сети и цифровые технологии играют решающую роль в создании и распространении таких слов. В частности, за последние годы в английский язык вошли глаголы, образованные от названий социальных сетей: *to YouTube*, *to Pinterest* и т. п. [Король 2020: 57–59].

Помимо тех глаголов, что уже находятся в словарях, непрерывно появляются окказиональные единицы, потенциально обладающие высоким уровнем экспрессивности. Так, на сегодняшний день известны следующие глаголы, образованные от акронимов и аббревиатур: *to DM*, *PM*, *IM*, *NFT*, *IPO*, *TL*; *DR*, *SWAT*, *ICE*, *DOGE* и др.

Основная часть

Исследование посвящено анализу актуализации семантических особенностей глагола *to ICE* (встречается также вариант написания *to ice*). Данный глагол не является частотным (29 контекстов употребления на американском форуме Reddit) и не зафиксирован в словарях. Глагол образован от акронима ICE (произносится как английское слово *ice*), расшифровка которого – US Immigration and Customs Enforcement; Иммиграционная и таможенная полиция США. Эта служба была создана в 2003 г. и занимается, в основном, борьбой с

незаконной миграцией [Who We Are: эл. ресурс]. Широкое внимание общественности действия ICE привлекли после вступления Дональда Трампа в должность Президента США в 2025 г., когда агенты данной службы начали устраивать массовые задержания иммигрантов и туристов.

Поскольку глагол *to ICE* образован от имени существительного, он является отсубстантивным. С точки зрения семантики это глагол с инкорпорированным актантом; участник ситуации «встроен» в его семантическую структуру. По мнению Е. А. Смирновой, инкорпорирование актанта происходит следующим образом: семантика производящей основы заимствуется, к ней прибавляется семантика нового слова, определённая статусом новой части речи, что приводит к усложнению семантической структуры глагола. В процессе вербализации сема предметности, занимающая центральное место в семантической структуре существительного, модифицируется в сему глагольного актанта, а ведущей становится сема действия. Существительное, выступившее в качестве производящей основы, получает в производной глагольной основе статус семантического компонента [Смирнова 2012: 104–105].

Как утверждает М. А. Анохина, глаголы с инкорпорированным актантом реализуют принцип семантической компрессии и фактически эквивалентны сочетаниям с глаголом: *to babysit – to sit with a baby; to speed-read – to read with high speed; to spacewalk – to walk in the space* [Анохина 2006: 76]. Так, глагол *to ICE* фактически эквивалентен сочетанию «*to detain someone as an illegal immigrant*», чем и занимается данная служба, и обладает значением *задержать с целью депортации*.

None of the tourists want to get ICED. (www.reddit.com...) – Никто из туристов не хочет, чтобы его **задержали [и выдворили из страны]**¹.

Then come the stories every day of Trump voters crying because someone they actually care about is ICED (www.reddit.com...) – А потом каждый день случаются истории про то, как избиратели Трампа режут, потому что их родных **задержали ICE [чтобы депортировать]**.

This isn't a case of some tourist getting ICE'd. (www.reddit.com...) – Это не тот случай, когда какого-то туриста **задержали и депортировали**.

Значение глагола *to ICE* обладает разными контекстуальными оттенками, в отдельных примерах значение задержания перевешивает значение депортации. Подразумевается, что людей, задержанных ICE, ждёт депортация, хотя в некоторых контекстах говорящие ставят акцент на самом задержании, включая процесс нахождения человека в неволе, без указаний на высылку из страны.

You are about four weeks late, there's that girl that was ICED and not even her lawyer knows where she is being held. (www.reddit.com...) – Вы опоздали где-то на месяц, одна девушка **попалась ICE**, и даже адвокат не знает, где её держат.

There's a terrifying reality where instead of being SWAT'd people are going to start getting ICE'd. (www.reddit.com...) – Мы живём в страшном мире, где вместо облав SWAT на людей **будут насыпать ICE**.

Встречаются случаи, когда глагол реализует только значение задержания, но значение депортации вынесено за пределы слова и реализуется иными средствами, например, однородными членами.

I'm going to guess the justices on the appeals court are afraid of getting iced and sent to CECOT without being allowed to even make a phone call. (www.reddit.com...) – Мне кажется, что судьи апелляционного суда боятся, что их **задержат** и отправят в CECOT², не дав им даже права на звонок.

В других контекстах, напротив, в значении доминирует именно компонент насильственного перемещения в другую местность.

Its designed so that people like Mamdani can be declared a non-citizen and then ICED out of the country. (www.reddit.com...) – Система устроена так, чтобы лишать гражданства людей типа Мамдани и **высылать** их из страны.

¹ Здесь и далее перевода наш.

² CECOT – центр содержания террористов, тюрьма в Сальвадоре.

В ходе анализа было обнаружено, что глагол употребляется в пассивном залоге с глаголами *get* и *be*, случаев использования глагола в активном залоге (ср.: «they ICED my neighbor») выявлено не было. Таким образом, *ICED*, *iced*, *ICED*, *ICE'd* являются не чем иным, как причастиями прошедшего времени *Past Participle*, формами исходного глагола.

Мы полагаем, причин этому может быть несколько: во-первых, название организации, от которого был образован глагол, уже содержится в его основе, что делает употребление подлежащего в активном залоге избыточным (ср.: *ICE ICED) и ставит на его место прямое дополнение, перенося действие с субъекта на объект. Во-вторых, говорящему важно сделать центром высказывания именно объект, то есть лицо, по отношению к которому совершаются репрессивные меры.

Являясь продуктом современного интернет-сленга, глагол обладает высокой степенью экспрессивности.

Oh shit did they get iced? (www.reddit.com...) – Чёрт, их что, **загребли**?

... *better tone down that accent, honey – or you'll get ICED.* (www.reddit.com...) – ... смягчи свой акцент, дорогуша, или **за тобой придут**.

Dis girl need to get ICED (www.reddit.com...) – Эту девчонку должны **забрать ICE**.

Примечательно, что глагол употребляется в контекстах, в которых говорящие осуждают действия этой службы, испытывают страх и недоверие к ней, желают применения таких санкций к людям, которые им неприятны. Вероятно, это обусловлено тем, что значительная часть пользовательской базы форума Reddit не приветствует политику Д. Трампа и относится к Республиканской партии США отрицательно.

Заключение

На примере глагола *to ICE* можно говорить о высокой продуктивности акронимов как основ для глагольных неологизмов в английском языке, которые являются ещё более экономными единицами. Подобным глаголам, возникающим в интернет-среде, наравне с экономностью свойственна также высокая степень экспрессивности.

Знание контекста и общих сведений позволяют идентифицировать такие глаголы и оттенки их значений. На наш взгляд, количество глагольных неологизмов с аббревиатурами и акронимами в качестве производящей основы будет со временем расти.

Список литературы

1. Анохина М. А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) // Ползуновский вестник. 2006. № 3. С. 73–82. EDN: KZCHPF
2. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послел. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
3. Король Ю. А. О семантике английских глагольных неологизмов последних десятилетий (на материале глаголов, образованных от наименований социальных сетей) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2020. № 6 (109). С. 57–64. EDN: FLYOZU
4. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 262 с.
5. Смирнова Е. А. Инкорпорированные актанты в семантике отсубстантивных глаголов английского языка // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. С. 104–107. EDN: PJBQIZ
6. Who We Are | ICE. URL: <https://www.ice.gov/about-ice> (дата обращения: 05.09.2025).

Список словарей

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с. ISBN: 5-354-00600-7 EDN: QQUQNX
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с. ISBN: 978-5-98993-133-0 EDN: RUSOUC
3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд. 2-е. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
4. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th edition. Blackwell Publishing, 2008. 529 p.

References

1. Anohina M. A. Semanticheskaya inkorporaciya kak odin iz sposobov realizacii kognitivnoj modeli glagola (na materiale anglijskogo yazyka) [Semantic incorporation as one of the ways of implementing the cognitive model of the verb (based on the English language)]. *Polzunovskij vestnik* [Polzunovskij vestnik]. 2006, no. 3, pp. 73-82. EDN: KZCHPF (In Russ.).

2. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected Works on Linguistics]. Moscow, OAO IG «Progress», 2000, 400 p. (In Russ.).
3. Korol' Yu. A. O semantike anglijskih glagol'nyh neologizmov poslednih desyatiletij (na materiale glagolov, obrazovannyh ot naimenovanij social'nyh setej) [On the semantics of English verb neologisms of recent decades (based on verbs derived from the names of social networks)]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya* [Bulletin of Minsk State Linguistic University. Series 1: Philology]. 2020, no. 6 (109), pp. 57-64. EDN: FLYOZU (In Russ.).
4. Martine A. Princip ehkonomii v foneticheskikh izmeneniyah [The principle of economy in phonetic changes]. Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1960, 262 p. (In Russ.).
5. Smirnova E. A. Inkorporirovannye aktanty v semantike otsubstantivnyh glagolov anglijskogo yazyka [Incorporated actants in the semantics of substantive verbs of the English language]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. 2012, no. 2, pp. 104-107. EDN: PJBQIZ (In Russ.).
6. Who We Are | ICE. URL: <https://www.ice.gov/about-ice> (accessed: 05.09.2025).

List of dictionaries

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 2th ed., Moscow, Editorial URSS, 2004, 576 p. ISBN: 5-354-00600-7 EDN: QQUQNX (In Russ.).
2. Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed., Nazran, Pilgrim, 2010, 486 p. ISBN: 978-5-98993-133-0 EDN: RUSOUC (In Russ.).
3. Yazykoznanie. Bol'shoj ehnciklopedicheskij slovar' [Linguistics. The Complete Encyclopedic Dictionary]. Chief Ed. V. N. Yarceva, 2th ed., Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 1998, 685 p. (In Russ.).
4. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th edition, Blackwell Publishing, 2008, 529 p.

Информация об авторе

Р. Е. Сёмкин – аспирант, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

R. E. Syomkin – Postgraduate Student, Department of Foreign Philology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 18–23.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 18-23.

Научная статья
УДК 811.161.1'36
EDN: XBCNPU
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-18-23

<https://elibrary.ru/xbcnpu>

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА *МОЛОТИТЬ*

Тимофей Георгиевич Горин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
tgjrin567@gmail.com

Аннотация. В статье представлен дефиниционный анализ глагола инструментальной семантики *молотить*, выполненный на материале шести авторитетных лексикографических источников: толковых словарей под редакцией Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, В. И. Даля, А. П. Евгеньевой, С. А. Кузнецова, а также Малого академического словаря. В ходе исследования выявлены и систематизированы прототипические и непрототипические семы данного глагола, установлена их представленность в различных словарях, выделены уникальные значения. Установлено, что центральной является сема «выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок», зафиксированная в большинстве источников и всегда занимающая первую позицию в словарных статьях. На ближней периферии располагаются значения «ударять, колотить», «избивать, нанося сильные, частые удары», «говорить без умолку, болтать», «подвергать сильному обстрелу». Уникальные семы зафиксированы в словарях В. И. Даля («расплющить, разбить», «вбить во что-то») и Д. Н. Ушакова («выколачивать зерна из колосьев предметом»). С опорой на Национальный корпус русского языка выявлены новые, ранее не зафиксированные в словарях значения – «играть на музыкальном инструменте» и «употреблять в пищу». Особое внимание уделено проявлениям инструментальности: в прямых значениях она эксплицирована через структуру субъект – инструмент – объект, в переносных – реализуется имплицитно или метафорически. Результаты исследования вносят вклад в изучение семантики инструментальных глаголов, динамики их полисемии и особенностей лексикографического представления.

Ключевые слова: функциональная грамматика, семантика, инструментальность, глагол, *молотить*.

Для цитирования: Горин Т. Г. Дефиниционный анализ глагола *молотить* // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 18–23. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-18-23>. EDN: XBCNPU

Original article

DEFINITIONAL ANALYSIS OF THE VERB *МОЛОТИТЬ*

Timofey G. Gorin

Perm State University, Perm, Russia, tgjrin567@gmail.com

Abstract. The article presents a definitional analysis of the instrumental verb *molotit'* ('to thresh'), based on six authoritative lexicographic sources: the explanatory dictionaries edited by D. N. Ushakov, S. I. Ozhegov, V. I. Dahl, A. P. Evgenieva, and S. A. Kuznetsov, as well as the Small Academic Dictionary. The study identifies and systematizes the prototypical and non-prototypical semes of this verb, establishes their representation in different dictionaries, and highlights unique meanings. The central seme is found to be 'to beat out grain from ears or panicles', recorded in most sources and consistently occupying the first position in dictionary entries. On the near periphery are the meanings 'to strike, beat', 'to thrash, delivering strong, repeated blows', 'to chatter incessantly', and 'to subject to heavy shelling'. Unique semes are recorded in V. I. Dahl's dictionaries ('to flatten, smash', 'to drive something into something') and in D. N. Ushakov's dictionary ('to thresh grain from ears using a tool'). Based on the Russian National Corpus, new meanings not previously recorded in dictionaries are identified: 'to play a musical instrument' and 'to eat heartily'. Special attention is paid to manifestations of instrumentality: in literal meanings, it is explicitly expressed

through the subject–instrument–object structure, while in figurative meanings it is realized implicitly or metaphorically. The results of the study contribute to the research on the semantics of instrumental verbs, the dynamics of their polysemy, and the specifics of lexicographic representation.

Keywords: functional grammar, semantics, instrumentality, verb, to thresh.

For citation: Gorin T. G. Definitional Analysis of the Verb *молотить*. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:18-23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-18-23>. EDN: XBCNPU

Введение

Изучение инструментальных глаголов является одним из заслуживающих внимания направлений современной лексической семантики, поскольку данные глаголы фиксируют сложные отношения между субъектом, орудием действия и объектом, на который оно направлено. Дефиниционный анализ лексем позволяет выявить глубинные смысловые слои языка и определить особенности языкового представления процессов «инструментализации». В российской лингвистической традиции фундаментальный вклад в разработку этой проблематики внесли такие ученые, как Ю. Д. Апресян [Апресян 1966, 2009], Л. Г. Бабенко [Бабенко 2012], Н. П. Сюткина [Сюткина 2020], В. В. Яркова [Яркова 2025], С. В. Шустова [Шустова 2023], И. В. Архипова [Архипова 2025], Н. Н. Меньшакова [Меньшакова 2025] и др., чьи теоретические подходы и методы анализа сформировали базу для последующих исследований в этой области.

Данная работа посвящена дефиниционному анализу глагола инструментальной семантики. К рассмотрению предлагается глагол *молотить* и его словарные толкования, представленные в ряде словарей: Толковом словаре Д. Н. Ушакова [ТСУ], Толковом словаре С. И. Ожегова [ТСО], Малом академическом словаре [МАС], Толковом словаре В. И. Даля [ТСД], Большом толковом словаре русского языка С. А. Кузнецова [БТСК], Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой [СЕ]. В исследовании также анализируются контексты употребления в речи.

Основная часть

Для изучения поставленного вопроса требуется провести систематизацию и анализ семантики глагола *молотить*, опираясь на данные лексикографических источников. В соответствии с этой целью из указанных словарей были извлечены следующие словарные толкования.

1. Выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок и др. [МАС, БТСК, ТСД, ТСО, СЕ]. «Молотить рожь, овёс. Молотить цепом. Молотилки молотят пшеницу. Вчера весь день молотили» [БТСК].

2. Цепами или с помощью молотилки выколачивать зерна из колосьев [ТСУ]. «Схватил старик цеп, да и ну молотить» [П. Мельников-Печерский. В лесах, 1874, НКРЯ].

3. Ударять, колотить [МАС, БТСК, ТСО, СЕ]. «Молотить в дверь кулаками. Молотить по барабану палками» [БТСК]. «Я бью ломом в старую стену, чертовски крепкую стену. Молочу по кирпичам и между ними. Раз, раз, два и три!» [В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961, НКРЯ].

4. Избивать, нанося сильные, частые удары [МАС, БТСК, СЕ]. «Боксёры молотили друг друга» [БТСК]. «Первый упал на меня и стал молотить кулаками по груди и по лицу» [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора, 1963, НКРЯ].

5. Расплющить [ТСД]. «Размолотить» [ТСД]. Вот сломать, не напрягаясь, уничтожить, размолотить в труху – это пожалуйста. [Е. Прошкин. Механика вечности, 2001, НКРЯ].

6. Вбить во что-то [ТСД]. «Вмолотить кол в землю» [ТСД].

7. Говорить без умолку, болтать [МАС, БТСК, СЕ]. «Надо пить да правду молотить. Правды ни молотить, ни веять не надо» [ТСД]. «Он уже не ждет реплик собеседника, а молотит сам, это самое, за двоих» [А. Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001, НКРЯ].

8. Подвергать сильному обстрелу, вести сосредоточенный и длительный обстрел [МАС, БТСК, СЕ]. «Артиллерия молотила по позициям противника. Молотить укрепления из пушек. С утра так и молотят» [БТСК]. «Найдут непременно, как нашли недавно какую-

то виллу, окружили ее кордоном танков и морских пехотинцев, молотили сутки из всех калибров, заливали огнеметами, бомбили иштурмовиками, направили ракеты» [А. Проханов. Прокуратура – кастет с программным управлением // «Завтра», 2003, НКРЯ].

После того, как были изучены дефиниции из лексикографических источников, а также выявлены семы, полученные данные в графическом виде были представлены в графическом виде. Кроме того, нами выделяются и уникальные семы. Исходя из этого, предложена следующая таблица (таб. 1), демонстрирующая наличие («+») / отсутствие («–») каждой семы в том или ином источнике.

СЕМЫ							
	БТСК	ТСО	МАС	ТСД	ТСУ	СЕ	
Выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок и др.	+	+	+	+	–	+	5
Выколачивать зерна из колосьев предметом	–	–	–	–	+	–	1
Ударять, колотить	+	+	+	–	–	+	4
Избивать, нанося сильные, частые удары	+	–	+	–	–	+	3
Расплющить, разбить	–	–	–	+	–	–	1
Вбить во что-то	–	–	–	+	–	–	1
Говорить без умолку, болтать	+	–	+	–	–	+	3
Подвергать обстрелу	+	–	+	–	–	+	3
Представленность в словарях	5	2	5	3	1	5	

Исходя из полученных результатов, мы наблюдаем, что сема «выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок и др.» является главенствующей во всех лексикографических источниках в связи с тем, что данное значение всегда первое при перечислении дефиниций во всех словарях, а также это значение есть в большинстве указанных источников. Следующее сема ближней периферии сема «ударять, колотить» (4 упоминания), реже встречаются семы «избивать, нанося сильные, частые удары» (3 упоминания), «говорить без умолку, болтать» (3 упоминания) и «подвергать обстрелу» (3 упоминания). Самые редко встречающиеся семы – «расплющить» (1 употребление), «выколачивать зерна из колосьев предметом» (1 употребление) и «вбить во что-то» (1 употребление). Данные значения нами признаются уникальными, поскольку имеют дополнительные коннотативные аспекты, которые фиксируются только в одном из словарей.

Представленные дефиниции, как и все семы, демонстрируют направленность на получение определенного результата, достижение цели. Рассмотрим это на примерах из выбранных лексикографических источников: «Молотилки молотят пшеницу» [БТСК]. В рамках данного примера предположительной целью может являться получение пшеничных зерен для дальнейшей их обработки. Действительно, наблюдается направленность на достижение конечной цели.

«Русский крестьянин вспахивает землю, сеет зерно, жнет, собирает снопы, молотит, мелет муку...» [митрополит Тихон (Шевкунов). Несвятые святые, 2011, НКРЯ]. В данном случае наблюдается актуализация главенствующей семы. Целью в рамках данного примера может являться помощь своей деревне в пропитании и одновременное обеспечение ее необходимыми ресурсами. Более того, фиксируется абсолютное сохранение структуры субъект – средство – объект.

Рассмотрим реализацию семы «ударять, колотить» в примерах: «Их коричневые рубашки были хорошо известны берлинцам. Многим были знакомы и их дубинки, которыми они принялись молотить по столам, спинкам стульев и стенам, словно подстегивая пьесу абсурда» [Е. Съянова. Брызги на знамени // «Знание-сила», 2012, НКРЯ]. В данном случае наблюдается целенаправленность действия для достижения конечного результата. Предполагаемым результатом здесь может являться привлечение внимания к себе или создание беспорядков. Базовая семантическая структура категории инструментальности также сохранена.

«Никто даже не заметил, что, молотя по струнам, Андрей разбил средний палец на правой руке, испачкал кровью струны, обечайку гитары и любимую футболку» [С. Каминский. Сладкие радости индейского лета // «Ковчег», 2015, НКРЯ]. Данный пример показывает процесс усердной игры на гитаре с целью воспроизведения звуков или музыкальной композиции. Таким образом, наблюдается целенаправленность описываемого глаголом действия. Кроме того, фиксируется переносное значение глагола, которое актуализирует ранее не выявленную в лексикографических источниках сему «играть на музыкальном инструменте». Данный пример демонстрирует расширение значения глагола *молотить*.

«Может я и не права, но мне кажется пройдет год – другой, и дети в период созревания будут молотить за обе щеки все, что попало» [Наши дети: Подростки (2004), НКРЯ]. Данный пример описывает целенаправленность, но не актуализирует прототипическую ситуацию, поскольку глагол используется в переносном смысле. Сема «употреблять в пищу» также не была выявлена в словарях. Кроме того, следует отметить, что эти две семы не представлены в словарях жаргонов М. А. Грачева [Грачев 2007] и О. П. Ермаковой [Ермакова 1999]. Это демонстрирует тот факт, что глагол приобретает новые значения.

«Не молотят чернушку молотилкой, тмин – колесами телеги: палкой обмолачивают чернушку, и тмин – палкой» [Библия. Современный русский перевод Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета Канонические. Ветхий завет. Книга пророка Исайи, 2011, НКРЯ]. В случае реализации семы «выколачивать зерна из колосьев предметом» наблюдается ситуация, которая описывается в Толковом словаре Д. Н. Ушакова, фиксируется использование дополнительного предмета для совершения действия. Также стоит отметить, что в данном примере структура субъект – средство – объект видоизменена. А именно, не наблюдается субъект действия, но при этом, мы понимаем, что в виду имеются те люди, которые занимаются описываемым делом на постоянной основе.

«В один прыжок подскочив к ползущему монстру, Озирис принялся со страшной скоростью молотить его веером – подпрыгивая, кувыряясь, зависая в воздухе, – и вообще совершая огромное количество невозможных с точки зрения биологии и физики движений» [В. Пелевин. Бэтман Аполло, 2013, НКРЯ]. В данном примере фиксируется использование глагола в переносном значении «избивать, нанося сильные, частые удары». Базовая семантическая структура категории инструментальности также сохранена.

«А потом избил всех служащих и разнес все вокруг. Молотком размолотил коллекционный рояль. Директор погладил рукой огромную шишку на лбу, похожую на синеватый рог» [А. Троицкий. Удар из прошлого, 2000, НКРЯ]. В рамках данного контекста реализуется сема «расплющить, разбить». В примере нет упоминания субъекта.

«Вмолотил ему в подбородок колено» [Ю. Балабанов. Страж Балтики: Восточная Пруссия в литературе, 2008, НКРЯ]. Этот пример актуализирует значение «вбить во что-то». Субъект в примере не эксплицирован.

Сема «говорить без умолку, болтать» фиксируется в следующем примере: «Весь день Иваныч как-то с особой теплотой думал о Сереге, а тут снова почувствовал раздражение, увидев как болтает Серега, сядя еле живые батареи, тем более с Коваленко, который мог молотить языком сутками» [М. Тарковский. Стройка бани // «Роман-газета», 2018, НКРЯ]. Данный контекст демонстрирует непрототипическое значение глагола, при этом используется полная структура субъект – средство – объект.

«Знаете приказ: «Ни шагу назад»? Вот молотит немец по сотням людей, а стоит отвести их за обратный скат высоты, и люди будут в безопасности, и тактического проигрыша никакого, и техника сохранится» [В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2, 1960, НКРЯ]. Этот пример демонстрирует реализацию непрототипической семы «подвергать обстрелу» и указывает на все три аспекта структуры инструментальной ситуации.

Заключение

В ходе дефиниционного анализа глагола *молотить* на материале лексикографических источников было выявлено и систематизировано 8 сем, отражающих как прототипические (например, «выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок»), так и непрототипические

(«ударять, колотить», «избивать, нанося сильные, частые удары», «говорить без умолку, болтать», «подвергать обстрелу») значения. Также были выявлены и уникальные семы, встречающиеся только в определенных словарях – «выколачивать зерна из колосьев предметом» в Толковом словаре Д. Н. Ушакова и «расплющить, разбить» и «вбить во что-то» в Толковом словаре В. И. Даля. Установлено, что сема «выколачивать, выбивать зерна из колосьев, метелок» является центральной и фиксируется в большинстве словарей. Помимо указанных в лексикографических словарях сем, благодаря работе с Национальным корпусом русского языка, были выделены и новые ранее не указанные значения – «играть на музыкальном инструменте» и «употреблять в пищу». Особое внимание уделено проявлениям инструментальности – в прямых значениях она выражена явно через субъект – инструмент – объект, а в переносных часто реализуется имплицитно или метафорически.

Список принятых обозначений и сокращений

ТСО – Толковый словарь С. И. Ожегова.
 МАС – Малый академический словарь.
 ТСД – Толковый словарь В. И. Даля.
 БТСК – Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова.
 ТСУ – Толковый словарь Д. Н. Ушакова.
 СЕ – Словарь русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики: Крат. Очерк. М.: Просвещение, 1966. 302 с. EDN: PVZSJV
2. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с. ISBN: 978-5-9551-0304-4 EDN: PXVECT
3. Архипова И. В., Шустова С. В. Поликатегориальный семантический комплекс (на примере категорий таксиса и инструментальности) // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 21–27. DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-21-27 EDN: CGUOCS
4. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2007. 672 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Azbyka.ru. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-r/1381> (дата обращения: 16.03.2026).
6. Евгеньева А. П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. 702 с.
7. Ермакова О. П., Земская, Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов/ Под общим руководством Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с. EDN: PVXKYV
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка // Грамота.ру. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=резать&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=резать&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 15.03.2026).
9. Малый академический словарь. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 15.03.2026).
10. Меньшакова Н. Н., Рябкин С. А., Шустова С. В. Актуализация категории инструментальности во фразеологизмах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 4-2. С. 193–198. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.04-2.23 EDN: JXQLNP
11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.03.2026).
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26869> (дата обращения: 16.03.2026).
13. Сюткина Н. П. К вопросу о расширении семантического потенциала немецкого глагола “schüren” // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 49–54. EDN: ZHFHAM
14. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. С-Я. М.: Рус. словари, 1994. 754 с.
15. Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 49–61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT
16. Яркова В. В. Дефиниционный анализ глаголов инструментальной семантики // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 10–25. EDN: HYFPXK

References

1. Apresyan Yu. D. Idei i metody sovremennoj strukturnoj lingvistiki [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966, 302 p. EDN: PVZSJV (In Russ.).
2. Apresyan Yu. D. Issledovaniya po semantike i leksikografii [Research in semantics and lexicography]. Vol. I, Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009, 568 p. ISBN: 978-5-9551-0304-4 EDN: PXVECT (In Russ.).

3. Arhipova I. V., Shustova S. V. Polikategorial'nyj semanticheskij kompleks (na primere kategorij taksisa i instrumental'nosti) [Polycategorical semantic complex (using the categories of taxis and instrumentality as an example)]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal]. 2025, no. 4, pp. 21-27. DOI: 10.17072/2587-6589-2025-4-21-27 EDN: CGUOCS (In Russ.).
4. Grachev M. A. Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona [Dictionary of modern youth slang]. Moscow, Ehksmo, 2007, 672 p. (In Russ.).
5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. *Azbyka.ru*. (In Russ.). Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-r/1381> (accessed: 16.03.2026).
6. Evgen'eva A. P. Slovar' russkogo yazyka [Russian language dictionary]. 4th ed., Moscow, Poligrafresursy, 1999, vol. 1, 702 p. (In Russ.).
7. Ermakova O. P., Zemskaya, E. A., Rozina R. I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyj slovar' russkogo obshchego zhargona [Words We've All Encountered: A Dictionary of Common Russian Jargon]. Moscow, Azbukovnik, 1999, 320 p. EDN: PVXKYV (In Russ.).
8. Kuznecov S. A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. *Gramota.ru*. (In Russ.). Available at: [https://gramota.ru/poisk?query=rezat'&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=rezat'&mode=slovari&dicts[]=42) (accessed: 15.03.2026).
9. Mal'j akademicheskij slovar' [Small Academic Dictionary]. (In Russ.). Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed: 15.03.2026).
10. Men'shakova, N. N., Ryabkin S. A., Shustova S. V. Aktualizaciya kategorii instrumental'nosti vo frazeologizmah [Actualization of the instrumentality category in phraseological units]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities]. 2025, no. 4-2, pp. 193-198. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.04-2.23 EDN: JXQLNP (In Russ.).
11. Nacional'nyj Korpus Russkogo Yazyka [National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 15.03.2026).
12. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26869> (accessed: 16.03.2026).
13. Syutkina N. P. K voprosu o rasshirenii semanticheskogo potentsiala nemeckogo glagola "schüren" [On the issue of expanding the semantic potential of the German verb "schüren"]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal]. 2020, no. 2, pp. 49-54 EDN: ZHFHAM (In Russ.).
14. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Rus. slovari, 1994, 754 p. (In Russ.).
15. Shustova S. V. Instrumental'nost' v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka [Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istorija i filologiya* [Humanities. History and Philology]. 2023, no. 11, pp. 49-61. DOI: 10.24412/2713-0231-2023-11-49-61 EDN: IRXAJT (In Russ.).
16. Yarkova, V. V. Definicionnyj analiz glagolov instrumental'noj semantiki [Definitional analysis of instrumental semantic verbs]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal]. 2025, no. 2, pp. 10-25. EDN: HYFPXK (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Горин – аспирант, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T. G. Gorin – Postgraduate Student, Department of Foreign Philology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 24–33.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 24-33.

Научная статья

УДК 81:1

EDN: SBCFYK

doi:10.17072/2587-6589-2026-2-24-33

<https://elibrary.ru/sbcfyk>

КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Елизавета Вадимовна Малахова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
lisaveet@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой междисциплинарное исследование, посвященное комплексному анализу понятия «категория» в философской и лингвистической традициях. Основная цель работы – проследить историческую эволюцию и выявить диалектическую взаимосвязь между логическими формами мышления и средствами их языкового воплощения. Методологическую основу составляет историко-сравнительный анализ ключевых философских систем и лингвистических теорий. Исследование начинается с анализа аристотелевского учения, в котором категории впервые систематизированы как фундаментальные роды бытия и предикаты высказывания. Далее рассматривается трансцендентальный подход И. Канта, перенесшего категории в сферу априорных структур рассудка, и объективно-идеалистическая диалектика Г. В. Ф. Гегеля. Особое внимание уделяется материалистической трактовке категорий как отражения исторической практики. В статье рассматривается лингвистический подход, связанный с идеей Э. Бенвениста о производности аристотелевских категорий от грамматического строя древнегреческого языка. В работе систематизируется разграничение между собственно языковыми (грамматическими) и надязыковыми (смысловыми) категориями, вслед за И. И. Мещаниновым. Рассматривается современное лингвистическое понимание категорий, включающее как строгие грамматические классы, так и широкие функционально-семантические поля (по А. В. Бондарко), объединяющие разноуровневые средства выражения общего смысла. В заключении делается вывод о неразрывной диалектической связи философских и лингвистических категорий, где первые представляют собой предельные логические понятия, а вторые – исторически изменчивые инструменты их языкового воплощения и объективации в мышлении. Статья носит междисциплинарный характер, интегрируя методы философского и лингвистического анализа.

Ключевые слова: категория, философия, лингвистика, функциональная грамматика, философия языка.

Для цитирования: Малахова Е. В. Категории в философии и лингвистике // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 24–33. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-24-33>. EDN: SBCFYK

Original article

CATEGORIES IN PHILOSOPHY AND LINGUISTICS

Elizaveta V. Malakhova

Perm State University, Perm, Russia, lisaveet@mail.ru

Abstract. The article presents an interdisciplinary study devoted to a comprehensive analysis of the concept of «category» in the philosophical and linguistic traditions. The main goal of the work is to trace the historical evolution and identify the dialectical relationship between logical forms of thought and the means of their linguistic embodiment. The methodological basis is formed by historical-comparative analysis of key philosophical systems and linguistic theories. The study begins with an analysis of Aristotle's doctrine, in which categories were first systematized as fundamental genera of being and predicates of utterance. It then examines the transcendental approach of I. Kant, who transferred categories to the sphere of a priori

structures of understanding, and the objective-idealistic dialectics of G. W. F. Hegel. Special attention is paid to the materialist interpretation of categories as a reflection of historical practice. The article considers the linguistic approach associated with E. Benveniste's idea of the derivability of Aristotelian categories from the grammatical structure of the Ancient Greek language. The work systematizes the distinction between properly linguistic (grammatical) and supralinguistic (conceptual, logical) categories, following I. I. Meshchaninov. The modern linguistic understanding of categories is examined, encompassing both strict grammatical classes and broad functional-semantic fields (according to A. V. Bondarko), which unite multi-level means of expressing common meaning. The conclusion draws an inference about the inseparable dialectical connection between philosophical and linguistic categories, where the former represents ultimate logical concepts, and the latter represent historically variable instruments of their linguistic embodiment and objectification in thought. The article has an interdisciplinary character, integrating methods of philosophical and linguistic analysis.

Keywords: category, philosophy, linguistics, functional grammar, philosophy of language.

For citation: Malakhova E. V. Categories in philosophy and linguistics. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:24-33. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-24-33>. EDN: SBCFYK

Введение

Основанием для систематического изучения категорий послужили труды Аристотеля – выдающегося мыслителя древности, «отца логики» и ученика Платона. Именно Аристотель создал учение о формах мышления, постигающего истину, то есть логику. Корпус его логических сочинений, составленный Андроником Родосским, открывается трактатом «Категории». Аристотель предпринимает фундаментальную для всей западной логики и философии языка попытку систематизировать все возможные предикаты, то есть способы высказывания о любой сущности: «Сущностью является, например, человек, лошадь. Количество – например, в два локтя, в три локтя. Качество – например, белое, сведущее в грамматике. Отношение, например, двойное, половинное, большое. Где – например, на площади, в Ликее. Когда – например, вчера, в прошлом году. Положение – например, лежит, сидит. Обладание – например, обут, вооружен. Действие – например, режет, жжет. Страдание – например, его режут, жгут. Каждое из перечисленных слов само по себе не обозначает никакого утверждения, < или отрицания >, но утверждение, < или отрицание > по видимому, или истинно, или ложно; из слов же, высказываемых вне всякой связи, ни одно не является ни истинною, ни ложью, как, например, человек, белое, бежит, побеждает» [Аристотель 1939: 6].

Понятие *категория* в философии определяется как предельно общее, фундаментальное понятие, выражающее существенные, всеобщие свойства, связи и отношения явлений как реальности, так и процесса её познания [Радченко, Гудзенко 2013]. Как отмечает Г. Александров, порядок категорий с точки зрения Аристотеля также вполне объясним. Сущность – реальная основа всех остальных общих понятий [Александров 1939: XII]. Если бы не существовало первичных сущностей, то не могло бы существовать и ничего другого. Вполне понятно, что она должна стоять на первом месте. На второе место Аристотелем вслед за греческой наукой V в. ставится количество: «Без изменения количества невозможен переход бытия из одного состояния в другое, с количеством связаны различия предметов, отсюда оно предшествует качеству. После количества и качества идет отношение, место которого также строго и логично определено: отношение дает возможность сравнивать количество и качество явлений, проникать в строгую зависимость и связь предметов. С несколько меньшим основанием Аристотель устанавливает порядок следующих категорий, часто меняя его самым радикальным образом» [Александров 1939: XII].

Основная часть

Аристотель выстраивает категории по принципу метафизической и логической иерархии: сущность – первая и главная категория. Всё остальное существует только как принадлежащее сущности или высказываемое о ней. Без сущности другие категории не имеют смысла (например, *белое* или *длиной в три локтя* должны относиться к чему-то – к человеку, лошади, статуе). Количество и качество – следующие по важности, так как определяют основные характеристики сущности: количество (длина, вес, число) и качество

(цвет, умение, характер). Они отвечают на вопросы «сколько?» и «какое?», что естественно следует после вопроса «что это?» (сущность). Отношение – категория, которая зависит от предыдущих. Отношение возникает между сущностями, обладающими количеством или качеством. Место и Время – условия существования сущности в мире. Положение, Обладание, Действие, Претерпевание – описывают состояние или деятельность сущности в конкретный момент.

Исследователи выделяют типы категорий: 1) общефилософские (сущность, форма, содержание и др.); 2) общенаучные (материя, движение и т. д.); 3) общелингвистические (локальность, оценка, акцентность и т. д.); 4) текстовые (проспекция, ретроспекция и др.) [Жеребило 2010].

В учении Аристотеля категории обладают двойственным характером. С одной стороны, они отражают то, как организована сама действительность – то есть являются онтологическими формами бытия. С другой стороны, эти же понятия определяют способы её вербального описания – выступая как логико-лингвистические формы высказывания о сущем. Его система категорий служит связующим звеном между структурой мира и структурой мысли, выраженной в языке: «В учении Аристотеля можно выделить два аспекта: категории – то, как организована сама действительность и одновременно то, как её можно описать вербальными средствами. Важно отметить, что категория сущности является субстанцией, а остальные 9 категорий – акциденции – «случайные, несущественные» свойства вещи» [БСЕ].

В своей философской системе И. Кант проводит фундаментальное различие между непознаваемой «вещью в себе» (ноуменом) и миром явлений, доступных нашему опыту. Поскольку сама реальность как таковая недоступна для познания, её невозможно и подвергнуть категориальному анализу. Однако, согласно И. Канту, человеческий рассудок обладает априорными (доопытными) структурными формами – «чистыми понятиями рассудка», или категориями. Объективное познание становится возможным благодаря тому, что данные категории структурируют чувственный опыт, придавая форму явлениям. В «Критике чистого разума» И. Кант выводит систему этих категорий из формальной логики, а именно из классификации возможных типов суждений. Он исходит из того, что поскольку рассудок проявляет себя в актах суждения, анализ логических форм суждения должен выявить и основные категории, которые рассудок вносит в познание. Все суждения могут быть охарактеризованы по четырём основаниям: количеству, качеству, отношению и модальности. Каждое из этих оснований, в свою очередь подразделяется на три вида (например, суждение по количеству бывает общим, частным или единичным). И. Кант выделяет 12 чистых категорий рассудка: количество (единство, множество, целокупность); качество (реальность, отрицание, ограничение); отношение (субстанция и принадлежность (акциденция), причина и действие, взаимодействие (общность)); модальность (возможность – невозможность, существование – несуществование, необходимость – случайность) [БРЭ 2009 т.13: 355].

И. Кант пишет: «Мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий; мы не можем познать ни одного мыслимого предмета иначе как с помощью созерцаний, соответствующих категориям» [Кант 1964: 117]. Это утверждение раскрывает центральную роль категорий в познании по И. Канту. В первой части говорится, что такие понятия, как причина или субстанция, являются необходимыми формами нашего мышления, без которых мы не можем осмыслить что-либо как целостный предмет. Однако, как уточняется во второй части, для получения знаний одних категорий недостаточно – к ним должен присоединиться материал чувственного опыта, или созерцание. Объективное знание возникает только в результате синтеза чувственного содержания и категориальной формы, что и создаёт мир доступных нам явлений.

Развитие учения о категориях получило в трудах Г. В. Ф. Гегеля. Философ основывается на идее о том, что языковое мышление человека категориально: «формы мысли выявляются и отлагаются, прежде всего, в человеческом языке. Во все, что он делает своим, проник язык, а все то, что человек превращает в языки, выражает в языке, содержит в себе некоторую категорию; в такой мере свойственно его природе логическое» [Гегель 2013:

6–7]. В отличие от кантовского понимания категорий как априорных форм рассудка, применяемых субъектом к хаосу ощущений, Г. В. Ф. Гегель видит в категориях не субъективную схему, а объективное содержание самой реальности. Для него категории – это прежде всего формы и ступени саморазвития абсолютной идеи, которые обнаруживают себя как в мышлении, так и в бытии. Именно поэтому язык, пронизывающий всю человеческую деятельность, становится для Г. В. Ф. Гегеля непосредственным свидетельством объективности логического: в грамматических и смысловых структурах языка «отлагается» сама работа мышления, совпадающего с устройством мира.

Категориальность мышления перестаёт быть лишь свойством познающего субъекта, а становится выражением внутренней логики универсума, постигаемой в процессе диалектического движения от абстрактных понятий к конкретному единству. Это снятие противоположности между мышлением и бытием, субъектом и объектом, и составляет суть гегелевского абсолютного идеализма.

Наследие Г. В. Ф. Гегеля было кардинально переосмыслено в марксистской философии, где предпринимались попытки развития материалистической концепции категорий. В этом ключе категория трактуется как отражение наиболее общих и существенных свойств объективного бытия и общественно-исторической практики, закреплённое в философских понятиях. В отличие от гегелевского абсолютного идеализма, марксизм утверждает, что категории не являются априорными формами рассудка, ни ступенями саморазвития абсолютного духа. Они представляют собой исторически развивающуюся систему мышления, которая формируется и преобразуется вместе с развитием человеческой практики познания.

Следовательно, категориальный строй не абсолютен, а относителен и изменчив. В ходе индивидуального развития (онтогенеза) человек усваивает эту систему прежде всего через язык, который оказывается носителем исторически сложившегося логического опыта. Становление категориального мышления приравнивается к становлению собственно человеческого мышления как в истории общества (филогенезе), так и в жизни индивида. Познавательная и практическая сущность категорий была выражена В. И. Лениным, который отмечал: «Моменты познания человеком природы – вот что такое категории логики» [Ленин 1969: 180].

Проведенный обзор эволюции философских взглядов на категории демонстрирует их неразрывную связь с лингвистикой. Эта взаимосвязь была раскрыта французским лингвистом Э. Бенвенистом. Исследователь пришел к выводу, что категории отражают не столько структуру бытия, сколько грамматический строй конкретного языка: «категории Аристотеля являются классификацией частей речи: сущность – существительное, качество – прилагательное, количество – числительное, отношение – сравнительная степень прилагательного, действие и страдание – активный и пассивный залог глагола и т. д.» [Бенвенист 1974: 6].

Философские категории предстают не как чистые, вневременные формы мысли или бытия, а как концепты, опосредованные и сформированные структурой естественного языка. Следовательно, исследование категориального аппарата любой философской системы требует учёта его лингвистического фундамента, что открывает путь к сравнительному анализу картин мира, скрытых в грамматиках различных языков.

Следует согласиться с И. И. Мещаниновым в его важном различении о том, что «существует разница между категориями, выраженными в строе языка, и категориями, выраженными посредством языка» [Мещанинов 1945: 5]. Иными словами, существует два типа категорий: собственно языковые (грамматические) и надязыковые (смысловые, логические). Это разграничение позволяет преодолеть крайности в интерпретации связи языка и мышления. С одной стороны, оно признаёт, что конкретные грамматические формы (как, например, система падежей или видовременная система глагола) исторически изменчивы и специфичны для каждого языка. С другой стороны, оно оставляет пространство для существования универсальных логико-смысловых категорий (таких как причинность, отношение, количество и т. д.), которые, хотя и находят своё воплощение в языке, по своей сути направлены на отражение объективных связей действительности и потому могут выражаться различными языковыми средствами.

Анализируя собственно языковые категории, ключевое место занимают грамматические категории, понимаемые как системы взаимно противопоставленных грамматических форм, объединенных однородным значением.

В современной лингвистике принято разделять грамматические категории на два основных типа: морфологические и синтаксические. Морфологические категории отражают внутреннее строение слова и его форму. В русском языке к ним относятся, например, категории времени, наклонения, залога и лица у глагола, а также категории рода, числа и падежа у имени существительного, прилагательного и некоторых местоимений. Синтаксические категории описывают не внутреннюю форму слова, а отношения и зависимости между словами и их формами в рамках предложения (высказывания). Они отвечают за связи управления, согласования и примыкания. Помимо этого, отдельно выделяют словообразовательные категории. Они представляют собой совокупности словообразовательных моделей (типов), которые объединены общим словообразовательным (деривационным) значением, даже если формальные средства его выражения различны. Например, к такой категории можно отнести имена существительные со значением «исполнитель действия» (учитель, писатель, читатель).

В противоположность собственно языковым (грамматическим) категориям, которые закреплены в формальном строе конкретного языка, существуют надязыковые категории. Это категории мыслительные, выделяемые на основе общих смысловых (семантических) функций. Их изучением активно занимается функциональное направление в лингвистике, в рамках которого они получили название функционально-семантических категорий. Согласно одному из центральных определений, «функционально-семантическая категория – обобщённое значение, представленное системой единиц различных уровней языка, которые взаимодействуют на основе общности их смысловой функции» [Бондарко 2004: 7–10]. Функционально-семантическая категория представляет собой не формальную, а содержательную доминанту, которая может выражаться разнородными средствами: лексическими, морфологическими, синтаксическими.

В рамках функциональной грамматики выделяется ряд таких категорий, например, инструментальность (выражение орудия действия), временная локализованность (указание на конкретный временной план), таксис (отношение одновременности / разновременности действий), каузативность (отношение причины и следствия) и другие. Данный список не является фиксированным, он открыт для пополнения, что отражает динамический характер самого языка и его способности к смысловой организации. Вышеупомянутый подход позволяет описывать, как разные уровни языковой системы объединяются для реализации единой коммуникативной задачи.

Категории рассматриваются: «в широком смысле как любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле как некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [ЛЭС 1990].

В «широком смысле» оно охватывает разнородные группировки, основанные на общности функции или значения (что сближает его с понятием функционально-семантических категорий), тогда как «строгий смысл» соответствует традиционным грамматическим категориям, построенным на оппозиции формальных признаков (например, число, время, падеж). Данная дихотомия подчеркивает двойственную природу языковых категорий, которые служат одновременно инструментом структурирования формальной системы языка и средством организации смысла в речи.

Любая научная дисциплина оперирует системой категорий, составляющих её понятийный аппарат. В философии категория понимается как фундаментальная форма мышления, отражающая наиболее общие отношения между бытием и сознанием [ФЭС 1983: 251]. Применительно к языку категории выступают инструментом осмысления и упорядочивания действительности, не существуя как объективная данность, но формируясь в процессе познания. Понятия, выступая дискретными единицами сознания, объединяются в более сложные образования – понятийные категории. Сама структура мышления

формируется, с одной стороны, набором этих понятий, а с другой – речевыми (синтаксическими) механизмами, которые обеспечивают порождение связанных мыслительных структур [Кацнельсон 2001: 449].

О. Есперсен отмечает, что «наряду с синтаксическими категориями, или кроме них, или за этими категориями, зависящими от структуры каждого языка, в том виде, в каком он существует, имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственной деятельности или к логике» [Есперсен 1958: 57]. Именно эти категории О. Есперсен называет понятийными категориями.

Семантические функции, реализуемые элементами языкового поля, представляют собой «поверхностную» репрезентацию инвариантных понятийных категорий глубинного уровня, носящих универсальный характер [Бондарко 1973: 12]. Организация языковых средств, распределение семантической нагрузки между морфологическими, синтаксическими, лексическими и словообразовательными механизмами – всё это относится к поверхностной семантике, которая, базируясь на глубинных инвариантах, приобретает конкретно-языковую специфику.

Понятийные категории, таким образом, выполняют функционально активную роль на обоих уровнях: на глубинном они реализуются в общезначимых вариантах, лишенных национального своеобразия, а на поверхностном – в вариантах, составляющих отличительную особенность данного языка или группы языков [там же]. В дальнейшем А. В. Бондарко уточняет эту модель, разделяя сами понятийные категории на фундаментальные (облигаторные и универсальные) и нефундаментальные (факультативные и неуниверсальные) [Бондарко 1976: 78], что свидетельствует о тонком осознании сложности иерархических отношений между сущностями, не данными в непосредственном чувственном опыте.

Н. А. Кобрина выделяет три типа понятийных категорий, различающихся по характеру их соотношения с языковыми формами. К первому типу относятся категории, непосредственно отражающие реальность в виде форм и предметов мысли; их семантика практически неотделима от понятийного содержания, а в семантическом синтаксисе они выступают как актанты. Соотнесённость таких категорий с языковыми формами зависит от типа языка: в синтетических языках закрепление идёт по принципу «одно понятие – одна или несколько форм», в изолирующих – «несколько понятий – одна форма», что служит функционально значимым критерием типологической дифференциации [Кобрина 1989: 43–44]. Второй тип образуют понятийные категории-параметры (вид, время залог, наклонение, род, число, падеж), для которых однозначная соотнесённость с формой, как правило, отсутствует, и их реализация требует взаимодействия морфологических и синтаксических средств. Третий, релятивный (операционный), тип представляет собой схемы организации понятий, лежащих в основе пропозиции и построения различных структурных и коммуникативных типов предложения; такие категории реализуются через семантические сущности языка [там же].

При этом, согласно позиции исследователя, семантическое содержание не отделено от понятийного и в ряде случаев может рассматриваться как его эквивалент, однако семантика уже и конкретнее понятийных категорий: некоторые из последних (например, экспрессивность, эмоциональность, некоторые виды оценочности и модальности) не получают в семантическом плане чёткого выражения [там же].

Различные аспекты и уровни языка, взаимодействуя между собой, образуют иерархическую систему, в которой понятийные категории выступают необходимой предпосылкой адекватного функционирования всего языкового механизма. При этом каждый уровень и аспект языка по-разному соотносится с понятийной сферой: если единицы фонетического уровня определяются физиологическими возможностями артикуляционного аппарата и в целом не соотносятся с понятийными единицами, то лексическая система регулярно коррелирует с фондом понятий. Наиболее же явно на понятийную сферу

реагирует грамматическая система, что обусловлено её приближенностью к общим законам организации мышления и, следовательно, её особой ролью в концептуализации и структурировании внеязыковой деятельности [Шустова 2009: 65].

Разные языки демонстрируют многообразие способов выражения одних и тех же понятийных категорий, при том, что сами эти понятия являются продуктом исторического развития человеческого общества и, следовательно, обладают единой содержательной основой [Мещанинов 1946: 7].

Иными словами, понятийные категории носят универсальный характер, поскольку формируются в процессе общественно-исторической практики, однако средства их языковой реализации могут существенно варьироваться от языка к языку. При внешнем различии грамматических и лексических форм исследователь может исходить из предположения о глубинном понятийном единстве, что позволяет сопоставлять языки не на уровне поверхностных структур, а на уровне категориального содержания, общего для человеческого мышления в целом: «понятийные категории, которые получают в языке синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями и, таким образом, в грамматических категориях отображаются не все выявляемые в языке понятия, а только те, которые получают в языке формальное выражение» [Мещанинов 1978: 237–238].

Одни языковые категории обладают эксплицитным формальным выражением – к их числу относятся морфологические категории числа, времени и степени сравнения, которые закреплены в грамматической системе с помощью аффиксации и других показателей. Другие категории, напротив, не имеют формальных маркеров, однако выполняют важную регулятивную функцию в процессе построения высказывания: они обуславливают лексическую сочетаемость и предопределяют выбор грамматических форм в структуре предложения.

Б. Л. Уорф вводит принципиальное разграничение между двумя типами категорий – открытыми (явными) и скрытыми. Открытая категория, или фенотип, характеризуется тем, что получает формальное выражение в каждом предложении, где присутствует элемент, принадлежащий данной категории (например, категория множественного числа в английском языке). Скрытая категория, или криптотип, напротив, выражается с помощью специальной морфемы или особой синтаксической конструкции лишь в некоторых случаях, но не во всех предложениях, содержащих соответствующий элемент (например, категория рода в английском языке) [Уорф 1972].

Ш. Балли выделяет лексические категории, определяя их как категории знаков, выражающих понятия и комбинируемых в речи посредством грамматических связей [Балли 1955: 128]. К лексическим категориям относятся слова, или, виртуальные семантемы – знаки, которые репрезентируют чисто лексические (простые или сложные) понятия независимо от их формального выражения. Эти семантемы обозначают предметы, качества, процессы, а также разновидности качества или действия, что соответствует таким частям речи, как существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

В современной лингвистике грамматические категории рассматриваются как ядро функционально-семантических полей (ФСП), которые объединяют разноуровневые средства языка на основе общности семантических функций [Бондарко 1983: 24]. Функционально-семантическое поле представляет собой содержательно-формальное единство, охватывающее конкретные языковые средства со всеми особенностями их формы и содержания [там же].

Языковые элементы, входящие в состав ФСП, характеризуются следующими признаками: 1) наличие общих инвариантных семантических функций; 2) взаимодействие парадигматических и синтагматических явлений; 3) структурная организация по принципу «центр (ядро) – периферия», где в ядре сосредоточен комплекс грамматических оппозиций, максимальная функциональная нагрузка, высокая специализированность и регулярность употребления; на периферии оппозиции непоследовательны, функциональная нагрузка снижена, специализированность и частотность уменьшаются; центральные явления выполняют регулирующую и консолидирующую функцию по отношению к периферийным; 4) наличие постепенных переходов, позволяющих элементу принадлежать к нескольким полям [Бондарко 1976, 1983].

Заключение

Проведенное исследование эволюции понятия «категория» в философской и лингвистической традициях позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Историко-философский анализ демонстрирует, что учение о категориях зарождается в античности как попытка систематизации предельно общих родов бытия и одновременно форм высказывания о нем. В аристотелевской системе категории выполняют двойственную функцию: они выступают и как онтологические характеристики сущего (сущность, количество, качество, отношение и др.), и как логико-лингвистические предикаты, структурирующие речь. Эта двойственность закладывает фундамент для последующего осмысления связи между устройством мира, мышлением и языком.

В теории И. Канта категории перемещаются из сферы бытия в сферу познающего субъекта, становясь необходимым условием структурирования чувственного опыта. Г. В. Ф. Гегель, напротив, возвращает категориям объективное содержание, рассматривая их как ступени развития абсолютной идеи, обнаруживающие себя как в мышлении, так и в языке. Марксистская традиция переосмысляет категории как исторически развивающиеся формы отражения объективной реальности и общественной практики, закрепленные в языке и усваиваемые индивидом в процессе социализации.

В лингвистике развитие учения о категориях идет по пути дифференциации типов категориальных явлений. Принципиальным оказывается разграничение И. И. Мещанинова между категориями, выраженными «в строе языка» (грамматическими), и категориями, выраженными «посредством языка» (понятийными). Это позволяет признать историческую изменчивость грамматических форм, сохраняя представление об универсальных логико-смысловых категориях.

Дальнейшая разработка понятийных категорий в трудах О. Есперсена, А. В. Бондарко, Н. А. Кобриной выявляет их иерархический характер. Так, выделяются категории, отражающие реальность (актанты), категории-параметры (время, вид, залог) и релятивные категории, лежащие в основе пропозициональных структур. Важным вкладом становится разграничение глубинного (универсального) и поверхностного (конкретно-языкового) уровней реализации понятийных категорий.

Современная лингвистика рассматривает грамматические категории как ядро функционально-семантических полей – содержательно-формальных единств, объединяющих разноуровневые средства выражения общего смысла. Полевая организация (центр-периферия) позволяет моделировать сложную структуру языковой категории.

Проведенное исследование подтверждает неразрывную связь философских и лингвистических категорий. Философские категории выступают как предельно общие формы мышления, отражающие фундаментальные связи действительности. Лингвистические категории представляют собой исторически изменчивые инструменты языкового воплощения этих смысловых форм. Язык выступает не просто средством выражения готовых категорий, но активной средой их формирования. Дальнейшее изучение этой системы требует продолжения междисциплинарного диалога и интеграции методов философского и лингвистического анализа.

Список литературы

1. Аристотель. Категории / под ред. Г. Ф. Александрова (с примечаниями и предисловием), Перевод А. В. Кубицкого. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 130 с. URL: <https://www.calameo.com/books/004859225a74ecf7aa86b> (дата обращения: 21.07.2024).
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. 412 с.
3. Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1974. С. 104–114.
4. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / Председатель науч.-ред. совета Ю. С. Осипов. Отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 13. М. : Большая Российская энциклопедия, 2008. 783 с.
5. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 208 с.
6. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. 255 с.

7. Бондарко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1973. 192 с.
8. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1983. 208 с.
9. БСЭ – Большая советская энциклопедия / В. В. Соколов // Акциденция. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Акциденция> (дата обращения: 03.07.2024).
10. Гегель Г. В. Ф. Наука логики // Сочинения. М. : Книга по Требованию, 2013. Т. V. 816 с.
11. Есперсен О. Философия грамматики. URL: www.franklang.ru. (дата обращения: 03.11.2025).
12. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги Т. И. Ойзермана. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
13. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления. Из научного наследия. М. : Языки славянской культуры, 2001. 864 с. (Классики отечественной филологии).
14. Кобрин Н. А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л. : ЛГПИ, 1989. С. 40–49. EDN: NNKTYH
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969. Т. 29. 783 с.
16. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 20.02.2026).
17. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. М., 1945. № 1. С. 5–17.
18. Мещанинов И. И. Понятийные категории и грамматические понятия // Вестник Московского университета, 1946, № 1. С. 7–24.
19. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л. : Наука, 1954, 1978. 387 с.
20. Радченко Е. В., Гудзенко Д. В. Термины и понятия современной лингвистики // Проблема категории отношения в современной философии, логике и языкознании. 2013. Том 10. № 2. URL: D:/_User/_Downloads/problema-kategorii-otnosheniya-v-sovremennoy-filosofii-logike-i-yazykoznanii.pdf (дата обращения: 20.02.2026).
21. Уорф Б. Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М. : Наука, 1972. 282 с.
22. Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 251.
23. Шустова С. В. Типы и функции понятийных категорий // Pazhuheshe Zabanhaye Khareji. Scientific Publication of the Faculty of Foreign Languages. University of Tehran, 2009. No. 47, Special Issue, Russian. С. 59–70. EDN: USDFHL

References

1. Aristotel'. Kategorii [Aristotle. Categories]. Ed. by G. F. Aleksandrova. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo, 1939, 130 p. (In Russ.). Available at: <https://www.calameo.com/books/004859225a74ecf7aa86b> (accessed: 21.07.2024).
2. Balli Sh. Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, Izd-vo inostrannoj literatury, 1955, 412 p. (In Russ.).
3. Benvenist Eh. Kategorii mysli i kategorii yazyka [Categories of thought and categories of language]. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress, 1974, pp. 104–114. (In Russ.).
4. Bol'shaya rossijskaya ehnciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. Vol. 13, Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya, 2008, 783 p. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Teoreticheskie problemy russkoj grammatiki [Theoretical problems of Russian grammar]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2004, 208 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Teoriya morfologicheskikh kategorij [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1976, 255 p. (In Russ.).
7. Bondarko A. V. O nekotoryh aspektah funkcional'nogo analiza grammaticheskikh yavlenij [On some aspects of the functional analysis of grammatical phenomena]. *Funkcional'nyj analiz grammaticheskikh kategorij* [Functional analysis of grammatical categories]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1973, 192 p. (In Russ.).
8. Bondarko A. V. Principy funkcional'noj grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1983, 208 p. (In Russ.).
9. BSEh – Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya [BSE – Great Soviet Encyclopedia]. V. V. Sokolov, Akcidenciya. (In Russ.). Available at: <https://gufo.me/dict/bse/Akcidenciya> (accessed: 03.07.2024).
10. Gegel' G. V. F. Nauka logiki [The science of logic]. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2013, vol. V, 816 p. (In Russ.).
11. Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of grammar]. (In Russ.). Available at: www.franklang.ru. (accessed: 03.11.2025).
12. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, Mysl', 1964, vol. 3, 799 p. (In Russ.).
13. Kacnel'son S. D. Kategorii yazyka i myshleniya. Iz nauchnogo naslediya [Categories of language and thinking. From scientific heritage]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001, 864 с. (In Russ.).
14. Kobrina N. A. Ponyatijnye kategorii i ih realizaciya v yazyke [Conceptual categories and their implementation in language]. *Ponyatijnye kategorii i ih yazykovaya realizaciya* [Conceptual categories and their linguistic realization]. Leningrad, LGPI, 1989, pp. 40–49. EDN: NNKTYH (In Russ.).

15. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1969, vol. 29, 783 p. (In Russ.).
16. LEHS – Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' [LES – Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Editor-in-chief V. N. Yarceva. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. (In Russ.). Available at: <http://tapemark.narod.ru/les/> (accessed: 20.02.2026).
17. Meshchaninov I. I. Ponyatijnye kategorii v yazyke [Conceptual categories in language]. *Trudy Voennogo instituta inostrannyh yazykov*. [Proceedings of the Military Institute of Foreign Languages]. Moscow, 1945, no. 1, pp. 5-17. (In Russ.).
18. Meshchaninov I. I. Ponyatijnye kategorii i grammaticheskie ponyatiya [Conceptual categories and grammatical concepts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. 1946, no. 1, pp. 7-24. (In Russ.).
19. Meshchaninov I. I. Chleny predlozheniya i chasti rechi [Sentence members and parts of speech]. Leningrad, Nauka, 1954, 1978, 387 p. (In Russ.).
20. Radchenko E. V., Gudzenko D. V. Terminy i ponyatiya sovremennoj lingvistiki [Terms and concepts of modern linguistics]. *Problema kategorii otnosheniya v sovremennoj filosofii, logike i yazykoznanii* [The problem of the category of relation in modern philosophy, logic and linguistics]. 2013, vol 10, no. 2. (In Russ.). Available at: D:/_User_/Downloads/problema-kategorii-otnosheniya-v-sovremennoy-filosofii-logike-i-yazykoznanii.pdf/ (accessed: 20.02.2026).
21. Uorf B. L. Grammaticheskie kategorii [Grammatical categories]. *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of languages of different systems]. Moscow, Nauka, 1972, 282 c. (In Russ.).
22. Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya, 1983, pp. 251. (In Russ.).
23. Shustova S. V. Tipy i funkcii ponyatijnyh kategorij [Types and functions of conceptual categories]. *Pazhuheshe Zabanhaye Khareji. Scientific Publication of the Faculty of Foreign Languages*. University of Tehran, 2009, no. 47, Special Issue, Russian, pp. 59-70. EDN: USDFHL (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Малахова – аспирант, преподаватель, кафедра зарубежной филологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

E. V. Malakhova – Postgraduate Student, Lecturer, Department of Foreign Philology,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 25.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 25.03.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 34–42.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 34-42.

Научная статья
УДК 811.112.2'373
EDN: UOCODQ
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-34-42

<https://elibrary.ru/uocodq>

НЕМЕЦКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С АНИМАЛИЗМАМИ

Елена Семеновна Койкова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
pastuhova-lena@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию анималистических единиц во фразеологизмах немецкого языка. Анималистические фразеологизмы являются одной из самых больших и внутренне разнообразных групп фразеологического фонда современного немецкого языка. В отечественной лингвистике объектом изучения многих известных языковедов становятся так называемые фразеологизмы-анимализмы (анималистические фразеологизмы, фразеологизмы-зоонимы, зоонимные метафоры). Национально-культурная специфика фразеологизмов-анимализмов проявляется в различных сферах человеческой деятельности, а также в разных положительных или отрицательных чертах характера человека. Животным могут приписываться различные человеческие качества, а совокупность черт характера, отраженных во фразеологических единицах, составляет своеобразный «портрет» человека. Основная цель исследования заключается в выявлении и описании культурных смыслов указанных выше единиц в составе фразеологизмов. С точки зрения лингвокультурологии, фразеология, как ценностное содержание культуры в языке, является универсальным средством номинации. Лингвокультурология изучает отражение менталитета и материальной культуры в национальном языке. В свою очередь, они реализуются в языковых процессах, а также передают языковой и культурный опыт определенной этнической группы. Лингвокультурологический анализ даёт возможность охарактеризовать национально-культурную специфику немецкого менталитета. Объектом нашего исследования являются фразеологические единицы, имеющие в своем составе компонент-зооним. Термин «зооним», широко распространенный в лингвистике, является общим наименованием всех живых существ. Целью исследования является выявление универсальных и национально специфических особенностей фразеологизмов с компонентом-зоонимов. В статье реализован анализ следующих компонентов-зоонимов: *der Hase, der Hund, der Bär*.

Ключевые слова: фразеологизмы, анимализмы, немецкий язык, лингвокультурный код, анималистический код.

Для цитирования: Койкова Е. С. Немецкие фразеологические единицы с анимализмами // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 34–42. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-34-42>. EDN: UOCODQ

Original article

GERMAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ANIMALISMS

Elena S. Koikova

Perm State University, Perm, Russia, pastuhova-lena@mail.ru

Abstract. This article examines animalistic phraseological units in German phraseological units. Animalistic phraseological units constitute one of the largest and most diverse groups of phraseological units in modern German. In Russian linguistics, so-called animalistic phraseological units (animalistic phraseological units, zoonym phraseological units, and zoonym metaphors) have become the subject of study for many renowned linguists. The national and cultural specificity of animalistic phraseological units is manifested in various spheres of human activity, as well as in various positive and negative character traits.

Animals can be ascribed various human qualities, and the combination of character traits reflected in phraseological units constitutes a unique «portrait» of a person. The main goal of this work is to identify and describe the cultural meanings of the above units within phraseological units. From a cultural linguistics perspective, phraseology, as the value-laden content of culture in language, is a universal means of nomination. Cultural linguistics studies the reflection of mentality and material culture in a national language. In turn, these are realized in linguistic processes and also convey the linguistic and cultural experience of a particular ethnic group. Cultural linguistic analysis allows us to characterize the national and cultural specificity of the German mentality. The object of our study is phraseological units containing a zoonym component. The term «zoonym» widely used in linguistics, is a general term for all living beings. The purpose of this article is to identify the universal and nationally specific features of zoonym phraseological units. The following animalisms were presented: der Hase, der Hund, der Bär.

Keywords: phraseological units, animalisms, German language, linguistic and cultural code, animalistic code.

For citation: Koikova E. S. German phraseological units with animalisms. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:34-42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-34-42>. EDN: UOCODQ

Введение

В настоящее время наблюдается стремительное развитие лингвокультурологии, которая занимается изучением языка в неразрывной связи с культурой. «Лингвокультурология, с одной стороны, направлена на человеческий (культурный) фактор, с другой – на языковой... лингвокультурология – часть науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия 1996: 217]. В. А. Маслова рассматривает лингвокультурологию как гуманитарную дисциплину, изучающую воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах. Исследователь считает, что данная наука позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка. Цель лингвокультурологии – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру [Маслова 2001: 30].

С. Г. Тер-Минасова понимает лингвокультурологию «как комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающей этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Тер-Минасова 2000: 18].

Природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно историческими традициями народа, говорящего на данном языке [Аверина 2015]. Фразеологические единицы (ФЕ) являются устойчивым образованием. А. В. Кунин относит к фразеологическим единицам все «устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой» от «двусловных образований» до сложных предложений, то есть пословиц [Кунин 1996: 31]. А. В. Кунин выделяет 5 типов устойчивости: устойчивость употребления, семантическая устойчивость, лексическая устойчивость, синтаксическая устойчивость и устойчивость употребления [там же: 4]. Примечательно, что исследование фразеологизмов с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте позволяет выявить особенности представления человека о себе и об окружающем его мире.

С точки зрения лингвокультурологии, фразеология, как ценностное содержание культуры в языке, является универсальным средством номинации. Лингвокультурология изучает отражение менталитета и материальной культуры в национальном языке. Ключевым понятием лингвокультурологии является культурная коннотация. Лингвокультурологические исследования в первую очередь анализируют характеристики менталитета, которые формируют основу культурной коннотации [Фелицына, Мокиенко 1990: 189].

Следует отметить, что лингвокультурологический анализ фразеологических единиц отражает процессы, происходящие в языковом сознании человека при порождении и восприятии этих единиц. Кроме того, лингвокультурологическое направление во фразеологии исследует взаимодействие языка и культуры в контексте культурно-национального сознания и его фразеологической репрезентации. В этом контексте развивается система эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев и ритуалов, которая находит свое выражение во фразеологизмах

как особых символических кодах [Янь 2020: 132]. Наиболее распространенным является термин «фразеологическая единица», под которым понимается устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением [Авербух 2009: 10].

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом являются одной из самых больших и внутренне разнообразных групп фразеологического фонда современного немецкого языка. В отечественной лингвистике объектом изучения многих известных языковедов становятся так называемые фразеологизмы-анимализмы (анималистические фразеологизмы, фразеологизмы-зоонимы, зоонимные метафоры и т. п.) [Архипова 2014: 11].

Понятие «зооним» в области фразеологии и лингвистики был впервые использован отечественным лингвистом В. В. Виноградовым, который ввел понятие «зоонимической лексики» для обозначения слов и выражений, связанных с названиями животных и их переносными значениями. В. В. Виноградов исследовал структуру и смысловые особенности фразеологизмов, уделяя внимание семантическим и культурным функциям зоонимов в языке, что оказало значительное влияние на последующие работы по фразеологии и лингвокультурологии [Виноградов 1986: 330]. Ученый рассматривает фразеологизм как лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [Виноградов 1977: 118].

Фразеологические единицы становятся синтаксически неделимыми в составе предложения вследствие смысловой спаянности элементов, которые входят в состав фразеологизмов. Они выступают в качестве единого члена предложения. Это их качество обуславливает необходимость их классификации с позиции грамматической структуры и синтаксической функции в предложении. К вербальным фразеологическим единицам относят те, которые функционально соотносятся с глаголом, то есть фразеологизмы, где ключевым словом является глагол: *Hünde flöhen* – выполнять какую-то грязную работу. Чаще всего в предложении глагольные фразеологические единицы выполняют функцию сказуемого.

К субстантивному фразеологическим единицам следует относить те, которые функционально соотносятся с существительным: *kein heuriger Hase mehr sein* – стать самостоятельным, *alter Hirsch* – старый служака. К адъективным фразеологическим единицам относятся те, которые функционально соотносятся с прилагательным: *voll wie ein Schwein* – нализовавшийся как свинья. К адverbиальным фразеологическим единицам можно отнести те, которые функционально соотносятся с наречием: *wie ein Hund leben* – жить как собака.

О. В. Галимова определяет зооним как «лексико-семантический вариант слова, выступающий в качестве родового названия животного, и как метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения эмоционально-оценочной характеристики человека, эталонным носителем которого для языкового сознания людей выступает определенный представитель фауны» [Галимова 2004: 12].

Несмотря на то, что термин зооним был введен ещё в 1960-х гг., до сих пор ведутся дискуссии относительно его точного определения. Среди наиболее часто встречающихся определений выделяются следующие формулировки: зооним может пониматься как название, присвоенное животному человеком, либо рассматриваться в качестве лексико-семантических вариантов слов, служащих для обозначения родового названия животного [Кунин 1996: 60].

Основная часть

Фразеологизмы, как средство выражения мыслей, являются неотъемлемой частью языковой системы и играют важную роль в повседневной коммуникации. Изучение значения, семантики и употребления фразеологизмов позволяет понять, как язык отражает отношение к животному миру, национальным традициям, религиозным и культурным особенностям различных народов [Амерханова 1995: 31].

Проявление анимализмов «присутствует» в традициях каждой национальной культуры (в социально-бытовой и аграрной обрядности, в верованиях, приметах, песнях, сказках, фразеологизмах) [Завгороднева 2021: 156]. Внимание многих лингвистов привлекают анимализмы, так как функционирование данных слов позволяет не только детально описать

лексическую систему языка, но и обнаружить систему ценностей его носителей. Описанию зооморфного фонда посвящены многочисленные исследования, проводимые на основе различных языков [см., например, Шустова, Тяпутина 2020, 2020a].

Цель данной статьи состоит в исследовании фразеологизмов с компонентом-зоонимом в немецком языке, чтобы выявить универсальные особенности употребления их в речи. Животные являются составной частью повседневной жизни человека. Поэтому многие явления окружающего мира воспринимаются и изображаются через сравнение с представителями фауны [Меньшакова 2020: 9].

Объектом исследования является группа фразеологизмов немецкого языка, имеющая в качестве одного из компонентов название животного.

Научная новизна проявляется в предпринятой попытке систематизации фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, а также в попытке анализа особенностей их функционирования в немецкой языковой картине мира.

Материал исследования – немецкоязычный корпус DWDS (<https://www.dwds.de>), немецко-русский фразеологический словарь под редакцией Л. Э. Биновича, словари немецкого языка (<http://www.duden.de>), Лейпцигский корпус текстов (<https://corpora.uni-leipzig.de>), словарь немецкой фразеологии (<https://www.redensarten>), Мангеймский корпус текстов (korap.ids-mannheim.de), база данных фразеологизмов Штефана Эттингера (www.ettinger-phraseologie.de), а также словарь немецких фразеологизмов (phraseo.de).

Семантика фразеологизмов для обозначений лица тесно связана с их грамматической структурой. Данное положение объединяет исследуемые фразеологизмы в следующие классы:

- 1) предметные;
- 2) процессуальные;
- 3) качественно-обстоятельственные;
- 4) атрибутивные;
- 5) количественные [Амерханова 1995: 31].

В семантике предметных фразеологизмов с зооморфным компонентом наименование животного переносится на значение лица. Во фразеологии обоих языков функционируют образы различных животных, насекомых, птиц.

Популярностью пользуются фразеологизмы с зоонимом собака *der Hund*. Для немца собака, прежде всего, верный спутник. Она сопровождает его с древних времён и до наших дней [Буренкова 2008: 30]. Образ собаки отражается в многочисленных пословицах, поговорках: *Hunde, die bellen, beißen nicht* (не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой); *den letzten beißen die Hunde* (на бедного Макара все шишки валятся (букв. последнего собаки рвут)), *der einsame Hund hüte sich, gegen die Wölfe zu bellen* (не годится одинокой собаке лаять на волчью стаю), *er schüttelt's ab wie der Hund den Regen* (с него как с гуся вода) и др. [РН].

В немецком языке зооним *der Hund* имеет ассоциации с тяжелой жизнью – *Hundeleben, ein armer Hund* (бедняжка, несчастный человек), неопытностью – *ein junger Hund* (щенок, молодой неопытный человек), униженности – *frieren wie ein junger Hund* [Буренкова 2008: 30].

Во время возникновения соответствующих фразеологизмов, имеющих многовековую историю, собаки жили в тяжелых условиях и часто были подвержены жестокому обращению со стороны человека.

С одной стороны, во фразеологизмах с компонентом *der Hund* образному переосмыслению подвергается опасность, которая может исходить от собак: *Schlafende Hunde soll man nicht wecken* [DWDS] / (букв. спящих собак не следует будить) – следует быть осторожным, не создавать опасную ситуацию, не привлекать излишнего внимания к проблемам.

Однако, с другой стороны, проявление агрессивности и ненависти со стороны собак может вызывать не только презрение, но и страх, что, в свою очередь, говорит о подчинённости собаки человеку: *Bellende Hunde beißen nicht* [DWDS] / (букв. лающие собаки не кусают) – люди, которые громко кричат и угрожают, на самом деле не опасны; *Der Hund bellt, die Karawane zieht weiter* [DWDS] / (букв. собака лает, караван идёт дальше) – несмотря на критику, дела делаются; *Was kümmert es den Mond, wenn ihn ein Hund anbellt* [DWDS] / (букв. луну мало волнует, если на неё лает собака) – не следует серьёзно реагировать на критику.

Doch Draghi ist es bisher erstaunlich gut gelungen, sein Regierungsprogramm durchzuziehen, teilweise mit dem disziplinierenden Rückgriff auf die Vertrauensfrage. Kurzum: **Die Hunde bellen, die Karawane zieht weiter** [LC].

Hunde, die bellen, beißen nicht. Wer pausenlos über das Buch spricht, das er eines Tages schreiben wird, ist noch nicht mal über die ersten drei ungelenken Worte hinaus [LC].

Die Hunde bellen – die Karawane zieht weiter **Hundegebell und Karawane**, das war die Abwehrformel oder auch der Schlachtruf von Richard P. Lohse. Er hatte sie stets zur Hand oder besser: auf der Zunge, denn er sah oder wähnte Gefahr allenthalben [PH].

Бедность, экономические и жизненные неудачи у носителя немецкого языка тоже связаны с собакой – *müde sein wie ein Hund, auf den Hund kommen* (обнищать; прийти в упадок; (морально) опуститься) [Бинович 1995: 324].

Vor allem während der Corona-Pandemie sind viele Menschen buchstäblich auf den Hund gekommen [LC].

Der seltsame Held dieser Geschichte ist auf den Hund gekommen [LC].

Sind wir jetzt auf den Hund gekommen? Verdopplung der Schulden – Ausgeglicherer Haushalt, aber wie? [RI]

Образ собаки часто рассматривается с двойственной коннотацией.

С одной стороны, человек может быть верным, преданным (*treu wie ein Hund*), работать, как собака, выполняя все поручения (*ein scharfer Hund sein*).

С другой стороны, немецкие фразеологизмы с компонентом *Hund* характеризуют отрицательные черты характера человека: глупость (*ein blöder Hund*), лицемерие (*ein falscher Hund*), эгоистичность (*der Hund auf dem Heu*), гнусность (*ein gemeiner Hund*), боязливость (*ein feiger Hund*), предательство (*dieser Hund von einem Verräter*), настырность (*ein sturer Hund*), изворотливость (*er schüttelt ab wie der Hund den Regen*).

Наряду с положительной, отмечаются фразеологизмы с негативной коннотацией, ср.: уклоняться от чего-либо, быть ненадёжным (*der Hund hinken lassen*), доводить /-вести до нищеты кого-н. (*jdn. auf den Hund bringen*), этим никого не соблазнишь, на это никто не польстится (*damit lockt man keinen Hund hinter dem Ofen (her) vor*), уходить (уйти) как побитая собака, поджимать /-жать хвост (*sich wie ein Hund verkriechen*), делать какую-нибудь трудную, скучную, невыгодную работу (*die Hunde bis Bautzen tragen*), он полон всякой дряни (то есть морально нечистоплотен) (*er steckt voller Unarten wie der Hund voll Flöhe*), его ни одна собака знать не хочет (*es nimmt kein Hund ein Stück Brot von ihm*), злая собака жиром не обрастет (*ein blöder Hund wird selten fett*), отдать что-либо на поругание (*etw. vor die Hunde werfen*), на воре шапка горит (*getroffener Hund bellt*) [Schemann 2008: 376].

Es kann passieren, was will, der Rolf unterstützt dich immer, nicht? Der ist treu wie ein Hund. So etwas von Treue gibt es heute über haupt gar nicht mehr [Schemann 2008: 375].

Ist das ein frecher Hund, dieser Baumann! Sagt der dem Chef doch ins Gesicht: «Sie haben das doch alles nur geerbt und kapieren von der Sache überhaupt nichts!» So was von Frechheit ist mir noch nicht begegnet [Schemann 2008: 376].

Фразеологизм *Es regnet junge Hunde* – дождь льёт как из ведра встречается довольно часто в немецких текстах. *Donner grollt, Blitze zucken und es regnet junge Hunde! In weiser Voraussicht der Dinge, die da (zwangsläufig) kommen bzw. durch den Saal fliegen würden, hatten die Hausherren des Kölner Musical-Domes raumpflegerisch aufgerüstet und die Crew der Reinigungskräfte vorsichtshalber verdreifacht. Auch so hatten die Saubermänner und -frauen alle Hände voll zu tun* [DWDS].

Nach einigermaßen Sonne am Vormittag überrollen uns nun die fiesesten Regenwolken überhaupt und es regnet junge Hunde (wie aus Kübeln) [DWDS].

Употребление компонента *der Hase* можно интерпретировать как опытный работник, мастер своего дела [DWDS].

Sie ist ein alter Hase im Geschäft, weiss genau, wo sie stehen muss, worauf sie achten muss [LC].

Manchmal kommt sie sich mittlerweile doch immer wieder mal als ein alter Hase vor, lässt Stürmer im Gespräch durchblicken, lacht jedoch darüber [LC].

Фразеологизм *der Hase im Pfeffer* имеет вариант перевода на русский язык: *вот где собака зарыта!* [DWDS].

Und genau hier liegt der Hase im Pfeffer, denn das kleine Extra könnte bald für ordentlich Wirbel sorgen [LC].

Моя хата скраю – я ничего не знаю соответствует немецкому эквиваленту: *Mein Name ist Hase*. Эти слова были сказаны неким Виктором Хазе, привлеченным к допросу по делу в 1854 / 1855 году о противозаконном использовании студенческого удостоверения в одном из университетов [Бинович 1995: 289].

Auch hier agierte Gusenbauer offenbar nach dem Motto: Mein Name ist Hase, ich weiß von fast nichts [LC].

(Schlagzeile:) *Bundesverkehrsminister Raumsauer und der BER-Skandal – Mein Name ist Hase* [RI].

Und warum jemand, der seine Unschuld beteuert, von sich sagt «Mein Name ist Hase» – darauf kann man von allein nun wirklich nicht kommen [RI].

На территории Германии обитало большое количество зайцев и диких кроликов. Заяц является любимым героем немецких сказок и басен. Образ жизни, повадки зайцев и кроликов послужили основанием для возникновения целого ряда фразеологизмов в немецком языке. Кролики – очень увёртливые, так что поймать взрослого кролика трудно даже опытным собакам. Зайцы стараются спутать следы, делая громадные скачки в стороны и назад. На этом наблюдении основываются фразеологизмы: *wissen wie der Hase läuft* – «знать толк (разбираться) в деле / знать, как взяться за дело»; *sehen wie der Hase läuft* – «смотреть, как идут дела, в каком направлении развиваются события»; *merken wo der Hase liegt* – «видеть, куда дело идёт» [DWDS].

Wir werden ja sehen, wie der Hase läuft [Бинович 1995: 288].

Wenn die Polizei mal wieder keine belastbare Informationen heraus gibt, weiß man, wie der Hase läuft [LC].

Также образ зайца в современных контекстах употребляется в значении «трусость, трусливый»: *«einen Hasen im Busen haben»*, *«einen Hasen in der Tasche haben»*, *«Hasenfuss sein»* – «иметь заячью душу / сердце». Сема «быстрота» выявляется у немецких фразеологических единиц, например, *«wie ein Hase hin und her laufen»* и *«Wer zwei Hasen zugleich hetzt, fängt keinen»*, аналогом которых в русском языке будут фразеологизмы с тем же денотативным значением: «метаться как заяц», «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь». Скорее всего, один и тот же образ в русском и немецком языках объясняется общим источником происхождения – заимствованием из охотничьего языка [Рамазанова 2022: 289].

Процессуальные фразеологизмы обозначают процессы, связанные с человеком или осуществляемые им. Категориальное значение предметности формируется глаголом и обозначает действия человека, напоминающие повадки животных. Внутренняя форма данных фразеологизмов обусловлена наблюдениями человека за животными.

Анимализм *wo sich Fuchs und Hase gute / Gute Nacht sagen* означает *в захолусты, в глуши*.

Wo sich Fuchs und Hase »Gute Nacht« sagen, da sind auch Wölfe und Bären nicht weit! [RI].

Bei uns schlafen Sie buchstäblich dort, wo sich Fuchs und Hase gute Nacht sagen. An unserem Haus endet die Dorfstraße, hinter dem Garten beginnt der Wald und davor liegen Wiesen und Felder [RI].

Анимализм *der Bär* также частотный в немецкой культуре. В немецкой пословице *der Bär schnappt stets nach Honig* = *волк луняет, но нрава своего не меняет* [DWDS].

Bär bleibt Bär, fährt man ihn auch übers Meer = *как волка ни корми, он все в лес глядит* [DWDS]. В русском языке актуализируется образ волка, а не медведя.

Атрибутивные фразеологизмы обозначают признаки человека и могут относиться к таким тематическим группам, как «внешность человека», «ум», «способность, жизненный опыт», «человек и коллектив», «черты характера».

Ein ungeleckter Bär – грубый, неотёсанный человек, «сиволапый» [Бинович 1995: 76]. *Gesund (или stark) wie ein Bär* = *здоров как бык* [DWDS].

Пословицы с компонентом *der Bär*. В словаре *Duden der Bär* определяется следующим образом: *«großes Raubtier mit dickem Pelz, gedrungenem Körper und kurzem Schwanz»* [DWDS] – большой хищник с толстым мехом, плотным туловищем и коротким хвостом. Также в словаре приведены прилагательные, наиболее часто используемые с данным словом – *«klein, rot, Appenzeller, grau, russisch, golden, silbern»* [DWDS]. *Zwei Bären können*

nicht in einer Höhle wohnen. – Два медведя в одной берлоге не живут. *Ein gelehrter Bär kommt im Walde nicht weit.* – Умный медведь далеко в лес не заходит. *Bär bleibt Bär, fährt man ihn auch über Meer.* – Медведя хоть за море своди, он останется медведем.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы содержат в своем составе слово «как» и представляют собой не отождествление, а сравнение человека с животным. У каждого народа, наряду с эталонами, общими с другими народами существуют свои особые ассоциации о «соизмеримости» человека и животных. По мнению В. Н. Телия, «такие эталонизированные в традиционных сравнениях представления как бы «задают» образцы здоровья, красоты, глупости и т. д.» [Телия 1996: 242].

Kein Wunder, daß ich von dem Sturm in der letzten Nacht nichts gemerkt habe! Nach dem anstrengenden Tag gestern habe ich geschlafen wie ein Bär [Бинович 1995: 59].

Медведь всегда ассоциируется с шумом и праздником: *da steppt / tanzt der Bär.*

Am Boxberger Ufer steppt der Bär. Auf der Seebühne gibt es bereits heute die erste Party [RI].

Фразеологизм *das Fell / den Pelz aufteilen / verteilen, bevor der Bär erlegt ist* соответствует русскому эквиваленту – делить шкуру неубитого медведя.

Keinesfalls darf das Fell verteilt werden, bevor der Bär erlegt ist», warnt der Planungssprecher der ÖVP Wien [IDS].

Заключение

В настоящее время в русском языке наряду с зоонимами наблюдается большое разнообразие сверхсловных единиц с анималистическим компонентом. Поэтому на базе общности черт символики и сходства смыслового содержания можно выстроить цепочку анималистических языковых единиц: лексема-зооним, фразеологизм, поговорка, пословица. Между этими единицами наблюдается тесная связь и взаимодействие, именно поэтому особенно важно не возводить барьеров между знаками разной природы и разных уровней, а рассматривать их во взаимосвязи.

В центре внимания современного носителя немецкого языка часто находятся не сами животные, а отношение к ним человека. В связи с этим данный фактор используется сегодня в манипулятивных технологиях. Отношение к животным может быть средством идентификации своих и чужих, иными словами, может быть средством дискредитации или повышения имиджа политика или страны, что активно применяется в политической коммуникации.

Таким образом, анималистическим фразеологизмам характерны как универсальные, так и национально-специфические особенности. Анималистические фразеологизмы отражают многовековые наблюдения человека над внешним видом и повадками животных, передают отношение людей.

Список литературы

1. Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода : учебное пособие. М. : Академия, 2009. 176 с.
2. Аверина М. А. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом : семантико-типологический аспект (на материале русского и английского языков) // Universum: Филология и искусствоведение. 2015. № 6 (19). С. 1–10. EDN: TWTVCV
3. Амерханова Г. Фразеологизмы с наименованиями животных в разных языках // Магариф. 1995. № 7. С. 30–32.
4. Бинович Л. Э., Немецко-русский фразеологический словарь. М. : Аквариум, 1995. 324 с.
5. Буренкова С. В. Зооморфные образы немецкой и русской фразеологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 29–40. EDN: MUVNXZ
6. Виноградов В. В. Категория состояния // Русский язык: Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М. : Высшая школа, 1986. С. 330–347.
7. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. Труды. М. : Наука, 1977. 318 с.
8. Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков) : автореф. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 22 с. EDN: ZMXFXV
9. Завгороднева М. П., Шустова С. В., Шестакова О. В. Лингвокультурные коды: образ «Gras» в немецком языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 155–158. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.02.10 EDN: QOIWYX
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М. : Изд. центр Феникс: Высшая школа, Дубна, 1996. 282 с.
11. Маслова В. Л. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.

12. Меньшакова Н. Н., Шустова С. В. Развитие лингвокультурной компетенции при изучении паремий на занятиях по иностранному языку // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 1. С. 76–88. DOI: 10.24411/2712-827X-2020-10108 EDN: DZQQJC
13. Телия В. Н. Русская фразеология в контексте культуры: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 260 с.
14. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 624 с. EDN: YQOZJO
15. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. М. : Русский язык, 1990. 220 с.
16. Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Анимализмы в русской и английской лингвокультурах // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 45–53. EDN: QQMOCQ
17. Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Актуализация анималистического кода культуры во фразеологии русского и английского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020а. Т. 6. № 4. С. 190–199. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_190_199 EDN: BKQOLP
18. Янь Кай. Основные направления лингвокультурологии // Казанская наука. 2020. № 2. С. 131–135.
19. Schemann H. Deutsche Idiomatik: die deutschen Regewendungen im Kontext. Dresden, 1993 [Schemann].
7. Wahrig, Wörterbuch der deutschen Sprache, 2008. 1215 S.
20. LC - Leipzig Corpora Collection - English. URL: https://corpora.wortschatz-leipzig.de/en?corpusId=eng_news_2024 (дата обращения: 26.02.2026).
21. DWDS - Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 25.02.2026).
22. IDS - URL: www.ids-mannheim.de (дата обращения: 01.03.2026).
23. PH - URL: www.phraseo.de словарь немецких фразеологизмов (дата обращения: 01.03.2026).
24. RI - URL: <https://www.redensarten> словарь немецкой фразеологии (дата обращения: 03.03.2026).

References

1. Averbuh K. Ya., Karpova O. M. Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda [Lexical and phraseological aspects of translation]. Moscow, Akademiya, 2009, 176 p. (In Russ.).
2. Averina M. A. Frazeologizmy s komponetnom-zoonimom: semantiko-tipologicheskij aspekt (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Phraseologisms with a component-zoonym: semantic-typological aspect (based on the Russian and English languages)]. *Universum: Filologiya i iskusstvovedenie* [Universe: Philology and Art Criticism]. 2015, no. 6 (19), pp. 1-10. EDN: TWTVCV (In Russ.).
3. Amerhanova G. Frazeologizmy s naimenovaniyami zhivotnyh v raznyh yazykah [Phraseologisms with names of animals in different languages]. *Magarif* [Magarif]. 1995, no. 7, pp. 30-32. (In Russ.).
4. Binovich L. Eh., Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar' [German-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, Akvarium, 1995, 324 p. (In Russ.).
5. Burenkova S. V. Zoomorfnye obrazy nemeckoj i russkoj frazeologii [Zoomorphic images of German and Russian phraseology]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2008, no. 30, pp. 29-40. EDN: MUVNXZ (In Russ.).
6. Vinogradov V. V. Kategoriya sostoyaniya [Condition category]. *Russkij yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: Grammatical teaching about the word]. 3th ed., Moscow, Vysshaya shkola, 1986, pp. 330-347. (In Russ.).
7. Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya [Lexicology and lexicography]. Moscow, Nauka, 1977, 318 p. (In Russ.).
8. Galimova O. V. Ehtnokul'turnaya specifika zoonimicheskoy leksiki, harakterizuyushchej cheloveka (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov) [Ethnocultural specificity of zoonymic vocabulary characterizing a person (based on the Russian and German languages)]. PhD dissertation abstract, Ufa, 2004, 22 p. EDN: ZMXFXV (In Russ.).
9. Zavgorodneva M. P., Shustova S. V., Shestakova O. V. Lingvokul'turnye kody : obraz «Gras» v nemeckom yazyke [Linguistic and Cultural Codes: The Image of "Gras" in German]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Contemporary Science: Current Issues of Theory and Practice. Series: Humanities]. 2021, no. 2, pp. 155-158. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.02.10 EDN: QOIWYX (In Russ.).
10. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka [A course in phraseology of modern English]. 2th ed., Moscow, Feniks, Vysshaya shkola, Dubna, 1996, 282 p. (In Russ.).
11. Maslova V. L. Lingvokul'turologiya [Linguistics]. Moscow, Akademiya, 2001, 208 p. (In Russ.).
12. Men'shakova N. N., Shustova S. V. Razvitie lingvokul'turnoj kompetencii pri izuchenii paremij na zanyatiyah po inostrannomu yazyku [Development of linguocultural competence in the study of paremias in foreign language classes]. *Gumanitarnye issledovaniya. Pedagogika i psihologiya* [Humanities Research. Pedagogy and Psychology]. 2020, no. 1, pp. 76-88. DOI: 10.24411/2712-827X-2020-10108 EDN: DZQQJC (In Russ.).
13. Teliya V. N. Russkaya frazeologiya v kontekste kul'tury: semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty [Russian phraseology in the context of culture: semantic, pragmatic and 4. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. Moscow, Slovo, 2000, 624 p. EDN: YQOZJO (In Russ.).
15. Felicya V. P., Mokienko V. M. Russkie frazeologizmy: Lingvostranovedcheskij slovar' [Russian phraseological units: Linguistic and cultural dictionary]. Moscow, Russkij Yazyk, 1990, 220 p. (In Russ.).
16. Shustova S. V., Tyapugina A. E. Animalizmy v russkoj i anglijskoj lingvokul'turah [Animalisms in Russian and English linguistic cultures]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2020, no. 3, pp. 45-53. EDN: QQMOCQ (In Russ.).

17. Shustova S. V., Tyapugina A. E. Aktualizaciya animalisticheskogo koda kul'tury vo frazeologii russkogo i anglijskogo yazykov [Actualization of the animalistic code of culture in the phraseology of the Russian and English languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 190-199. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_4_190_199 EDN: BKQOLP (In Russ.).
18. Yan' Kaj. Osnovnye napravleniya lingvokul'turologii [Main directions of linguacultural studies]. *Kazanskaya nauka* [Kazan science]. 2020, no. 2, pp. 131-135. (In Russ.).
19. Schemann H. Deutsche Idiomatik: die deutschen Regewendungen im Kontext. Dresden, 1993 [Schemann].
7. Wahrig, Wörterbuch der deutschen Sprache, 2008, 1215 p.
20. LC - Leipzig Corpora Collection - English. URL: https://corpora.wortschatz-leipzig.de/en?corpusId=eng_news_2024 (accessed: 26.02.2026).
21. DWDS - Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de> (accessed: 25.02.2026).
22. IDS - URL: www.ids-mannheim.de (дата обращения: 01.03.2026).
23. PH - URL: www.phraseo.de словарь немецких фразеологизмов (accessed: 01.03.2026).
24. RI - URL: <https://www.redensarten> словарь немецкой фразеологии (accessed: 03.03.2026).

Информация об авторе

Е. С. Койкова – старший преподаватель, кафедра английского языка для специальных целей; соискатель, кафедра зарубежной филологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. S. Koikova – Senior Lecturer, Department of English for Special Purposes; Applicant, Department of Foreign Philology, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 25.05.2026.

The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 43–47.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 43-47.

Научная статья
УДК 811.161.1'373
EDN: ETBYLQ
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-43-47

<https://elibrary.ru/etbylq>

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ (ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ ЖУРАВЛЬ)

Дун Сяобинь

Соискатель, Китай, e406056492@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена изучению образа журавля в русском языке и культуре, с акцентом на его многозначность и культурно символическое значение. В рамках исследования проведён анализ лексических и фразеологических единиц, связанных с журавлём, а также выявлены ключевые аспекты его восприятия в народных верованиях, пословицах и народных приметах. В русской культурной традиции журавль выступает как символ божественных сил, посланник высших сил, а также как предвестник благополучных событий и всеобщего благосостояния. В народной мифологии и фольклоре птица зачастую ассоциируется с духовной связью между мирами – она уносит души умерших и сопровождает души новорождённых, что подчеркивает её сакральное значение. Образ журавля многократно используется во фразеологических оборотах и пословицах, отражающих его двоякую символическую природу: с одной стороны, он олицетворяет возвышенность, вдохновение, мечты и стремления к недостижимому, а с другой – символизирует нарушение границ, нередко ассоциируясь с бесцеремонностью и неограниченной свободой действия. Анализ частотных показателей функционирования данных выражений выявил их динамическое развитие и вариативность в ходе истории русского языка, что позволяет проследить эволюцию культурных представлений о журавле и его роли в народном мировосприятии. Таким образом, образ журавля является многогранным символом, сочетающим в себе идеи духовности, свободы, недостижимости и границ. Он отражает ценности и мировоззрение русского народа, выступая как мост между материальным и духовным мирами, оставаясь важной частью наследия национальной культуры. Исследование позволяет расширить понимание культурных кодов и символических образов, лежащих в основе народных представлений и художественных концепций.

Ключевые слова: анималистический код, фразеологические выражения, зоонимы, анималистические фразеологизмы, анимализмы.

Для цитирования: Дун Сяобинь. Анималистический код культуры (фразеологизмы с компонентом-зоонимом журавль) // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 43–47. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-43-47>. EDN: ETBYLQ

Original article

THE STUDY OF THE ANIMALISTIC CODE IN THE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE CONTAINING THE ZOONYM «CRANE»

Dong Xiaobin

Applicant, China, e406056492@gmail.com

Abstract. This article is devoted to a comprehensive study of the image of the crane in the system of the Russian language and culture, with an emphasis on its ambiguity and cultural symbolic significance. The study analyzes the lexical and phraseological units associated with the crane, as well as identifies key aspects of its perception in folk beliefs, proverbs and folk signs. In the Russian cultural tradition, the crane acts as a symbol of divine powers, a messenger of higher powers, as well as a harbinger of prosperous events and general prosperity. In folk mythology and folklore, the bird is often associated with a spiritual connection

between the worlds – it carries away the souls of the dead and accompanies the souls of newborns, which emphasizes its sacred significance. The image of the crane is repeatedly used in phraseological phrases and proverbs reflecting its twofold symbolic nature: on the one hand, it embodies sublimity, inspiration, dreams and aspirations for the unattainable, and on the other hand, it symbolizes the violation of boundaries, often associated with brusqueness and unlimited freedom of action. The analysis of the frequency indicators of the functioning of these expressions revealed their dynamic development and variability during the history of the Russian language, which allows us to trace the evolution of cultural ideas about the crane and its role in the national perception of the world. Thus, the image of the crane is a multifaceted symbol that combines the ideas of spirituality, freedom, unattainability and boundaries. It reflects the values and worldview of the Russian people, acting as a bridge between the material and spiritual worlds, as well as remaining an important part of the heritage of national culture. The research allows for a broader understanding of the cultural codes and symbolic images underlying folk beliefs and artistic concepts.

Keywords: animalistic code, phraseological expressions, zoonyms, animalistic phraseological units, animalisms.

For citation: Dong Xiaobin. The animalistic code of culture (phraseological units with the component-zoonome crane). *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:43-47. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-43-47>. EDN:

Введение

Образ журавля занимает значимое место в системе культурных и лингвистических кодов русской традиции, проявляясь в народных пословицах, приметах и фразеологических оборотах. Согласно данным авторитетных словарей и исследовательских источников, журавль ассоциируется с памятью, счастьем и тоской по родным местам, выступая как носитель глубоких эмоциональных и духовных смыслов.

В рамках русской языковой картины мира журавль служит одновременно символом недостижимости и олицетворением народной мудрости, изобретательности, а также свободолюбия. Кроме того, образ журавля занимает центральное место в мифологических, религиозных и духовных представлениях, выступая в роли посланника высших сил и предвестника перемен, что подчеркивает его сакральное значение.

Во фразеологической системе журавль символизирует как мечты и возвышенные идеалы, так и границы, нередко указывая на что-то недостижимое или связанные с закономерностями природной и социальной жизни. В совокупности, образ журавля отражает богатство русской культурной и народной символики, объединяя в себе высокие духовные ценности и реалии народных представлений, что подтверждает его важность как культурного символа, пронизывающего национальную идентичность и художественно-эстетические традиции.

Основная часть

Согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [1999], журавль – это большая болотная птица с длинными ногами и длинной шеей. Самкой журавля является журавлиха. Детеныша журавля называют журавлик, журавленок (мн. ч. – журавлята). В словаре находим также некоторые образы, связанные с журавлем: журавлиная походка, поступь (также перен.: размеренная и важная), журавлиный шаг (также перен.: при маршировке: с выбрасыванием вперед несогнутой ноги), журавлиные ноги, шея (перен.: длинные). Журавлю в словаре под редакцией С. А. Кузнецова дается следующее переносное значение: «Длинный шест у колодца, служащий рычагом при подъёме воды» [Большой толковый словарь русского языка 2003]. Согласно словарю В. И. Даля [1989], в русском языке встречаются названия журав, журавель, жура, журка, журанька, журучка, журушка, жерав, жоравь.

В русской языковой картине мира журавли считаются божьими посланниками, предвестниками счастья, радости. Люди издревле верили, что птицы по осени уносят души усопших, а весной сопровождают души младенцев, которым вскоре суждено родиться.

В словаре В. И. Даля зафиксировано немало пословиц с образом журавля: и журавль тепла ищет; одна у журавля дорога: на теплые воды; журавль прилетел и теплынь принес; стало тепло, так и журка прилетел; а он говорит: я принес; потоп кораблям, песок

журавлям; журавль не каша, еда не наша; не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот; не сули журавля в небе, а дай синицу в руки; журавль в небе, не добыча; журавли-то в небе, а яйца-те в дупле; журавль межси не знает, а через ступает (шагает); журавль летает высоко, да видит далеко; хоть тресни синица, а не быть журавлем; велика птица, журавица, да мала птичка перепеличка; кто когда хочет, а журавль ко спасу [Толковый словарь живого великорусского языка 1989].

С образом журавля также связаны народные приметы: журавли летают высоко – к ненастью; если журавли полетят к третьему спасу, то на покров будет мороз, а нет, то зима позже [там же]. По отлему и прилему журавлей судили о приближении зимы и весны. Наблюдение журавлиной стаи считается знаком грядущего пополнения семейства или долгожданной встречи с родственниками.

Улетающий осенью клин журавлей символизирует тоску по родному краю: «русские ассоциируют мигрирующих журавлей с людьми, которые покидают свое родное место в поисках лучшей жизни, и это отражено в следующих пословицах: *Прощай, матушка Русь: я к теплу потянусь* (говорит журавль на отлете); *И кулик чужу сторону знает. И журавль тепла ищет*» [Хо 2021: 436].

Считалось, что нельзя беспокоить покой птиц, убийство журавля и вовсе большой грех в славянской мифологии: древние люди верили, что согрешившего человека и его семью ждут несчастья и смерть.

Журавль – символ недостижимости: журавль в небе (перен., разг., экспрес.) – о чем-либо далеком, недостижимом. Синонимический ряд фразеологизма имеет следующий вид: *недосягаемый; недоступный; непостижимый; невозможный; нереальный; иллюзорный; утопический*.

Журавль в небе – птица, конечно, красивая. Но прокормит и оденет вас не он, а маленькая синичка в руках [А. Шубин. Путь к благополучию, 2000, НКРЯ].

Синичка испуганно вспорхнула и исчезла с подоконника. – Лучшие синица в руках, чем журавль в небе, – нравоучительно проговорила патронесса. – Ты не думай, что я только о своей выгоде пекусь. Да, на французе можно хорошо заработать [С. Романов. Парламент, 2000, НКРЯ].

И как раз на Никольской (в то время – улице 25 Октября) освободился целый этаж: выехала «Строительная газета». Конечно, хорошо бы особнячок отдельный, но это – журавль в небе. Отправил я туда чуть ли не всю редакцию: смотрите, решайте. Поехали, поохали: почти каждому выходит по комнате [Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды, 1999, НКРЯ].

Схема 1. Частотность функционирования фразеологизма журавль в небе в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе Ngram Viewer фразеологизм журавль в небе зафиксирован в 1917 г.

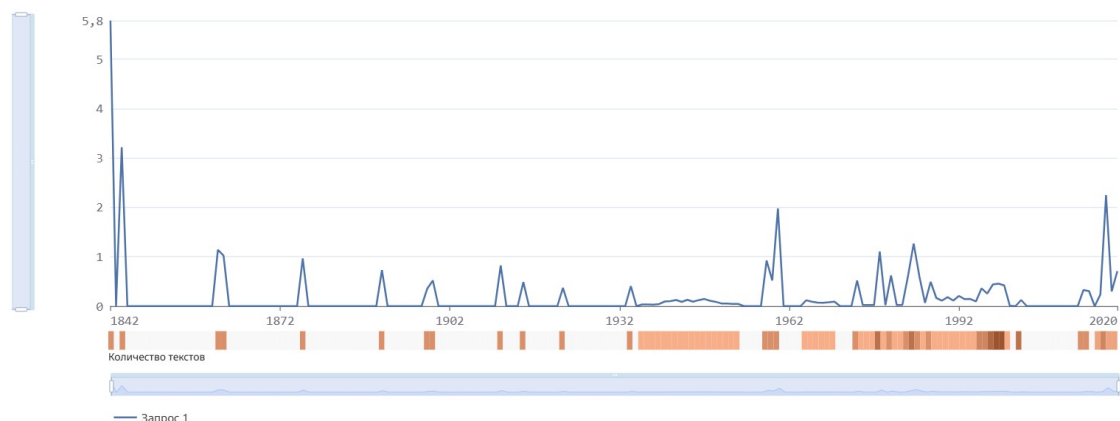

Схема 2. Частотность функционирования фразеологизма *журавль в небе* в русском языке по данным НКРЯ

В НКРЯ фразеологизм *журавль в небе* зафиксирован в 1822 г.

Журавль – символ смекалки: *журавль межю не знает, через нее ступает* – о смекалке того, кто не соблюдает установленных правил и границ, потому что действует по своей природе, гордо и свободно, что может символизировать человека, который не скован условностями и идет своим путем, или же, в другом контексте, указывать на нарушение границ. Синонимический ряд имеет следующий вид: *безграничность; наглость; смекалка; бесцеремонность; вольница; нарушение границ.*

Межа хуже ножа. Живи не тужи: теперь нет межи. Межи да грани – ссоры да брани. Трактор – меже смерть. Журавль межю не знает, через нее ступает [П. А. Соловьев. Межевые инженеры, НКРЯ].

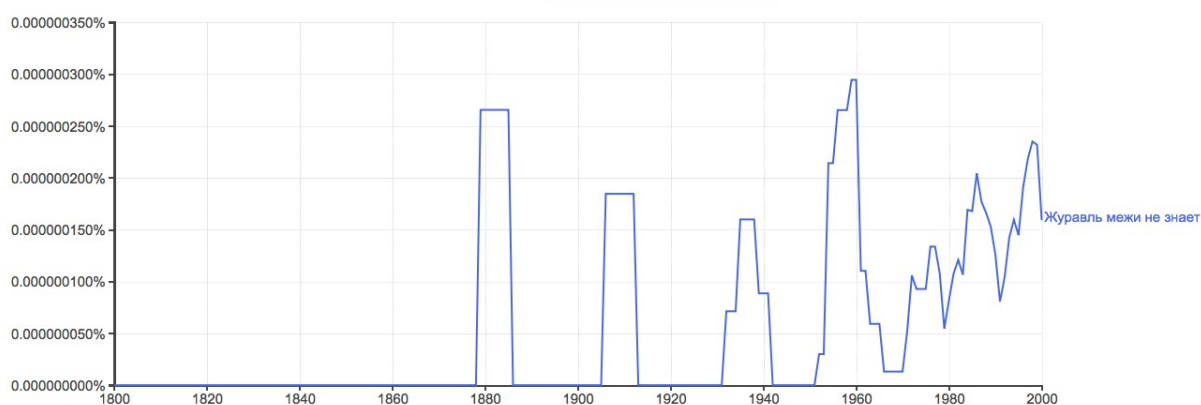

Схема 3. Частотность функционирования фразеологизма *журавль межю не знает* в русском языке по данным GBNV

В исследовательском корпусе Ngram Viewer фразеологизм *журавль межю не знает, через нее ступает* зафиксирован в 1879 г.

В исследовательском корпусе НКРЯ фразеологизм *журавль межю не знает, через нее ступает* не зафиксирован.

Журавль считается посланником богов, символом счастья, памяти и тоски по родным краям. В народных приметах и пословицах *журавль* представляет собой образ недостижимого или мечты, а также неукротимой смекалки и свободолюбия.

В то же время, как символ, он связывается с важными природными явлениями, такими как смена сезонов, и считается охраняемым и священным в славянской мифологии. Таким образом, *журавль* выступает многогранным символом, отражая как идеалы, так и предостережения.

Заключение

Образ журавля в русском культурном и лингвистическом пространстве обладает богатой символикой и многогранной семантикой: он выступает как символ памяти, счастья, тоски по родным краям и смены времен года, а также олицетворяет недостижимость, свободу и сообразительность.

В пословицах, народных приметах и фразеологических единицах зооним *журавль* функционирует как знак мечтаний и надежд, а также границ и нарушений правил, отражая свою двойственность – с одной стороны, возвышенный идеал и вдохновение, с другой – напоминание о необходимости соблюдать границы.

Такой разносторонний образ свидетельствует о глубине народной философии, а также о богатстве культурных ассоциаций, связанных с этой грациозной птицей, что подчеркивает её значимость как многопланового символа русской духовной традиции.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / под. ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2003. 1536 с.
2. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М. : Художественная литература, 1989. Т. 2. 447 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М. : Русский язык, 1999. Т. 3. 555 с.
4. Ожегов О. С., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
5. Хо С. Паремии с компонентом журавль в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): лингвокультурологический аспект // Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза : материалы III Межвузовской научно-методической конференции, Санкт-Петербург, 16 декабря 2021 г. СПб. : Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного, 2021. С. 435–441.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. By S. A. Kuznecova. Saint Petersburg, Norint, 2003 1536 p. (In Russ.).
2. Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1989, vol. 2, 447 p. (In Russ.).
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkij yazyk, 1999, vol. 3, 555 p. (In Russ.).
4. Ozhegov O. S., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik, 1999, 944 p. (In Russ.).
5. Ho S. Paremiy s komponentom zhuravl' v russkoj yazykovoj kartine mira (na fone kitajskogo yazyka): lingvokul'turologicheskij aspekt [Proverbs with the component “crane” in the Russian linguistic picture of the world (against the background of the Chinese language): linguacultural aspect]. *Russkij yazyk v poliehtnicheskom obrazovatel'nom prostranstve voennogo vuza* [Russian language in the multi-ethnic educational space of a military university]. Saint Petersburg, Voennaya akademiya svyazi im. Marshala Sovetskogo Soyuza S. M. Budennogo, 2021, pp. 435-441.

Информация об авторе

Дун Сяобинь – соискатель, кафедра теоретического, прикладного и восточного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

Dong Xiaobin – Applicant, Department of Theoretical, Applied and Oriental Linguistics, Perm State National Research University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 25.01.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 25.01.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 48–53.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 48-53.

Научная статья
УДК 81'37
EDN: DYIFS
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-48-53

<https://elibrary.ru/dyifsy>

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНСЕКУТИВНОГО ТАКСИСА В ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ СУБКОМПЛЕКСЕ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
irarch@yandex.ru

Аннотация. Целью работы является выявление и описание особенностей взаимодействия категорий таксиса и консекутивности, образующих консекутивно-таксисный семантический субкомплекс, и анализ их реализации в различных языках. Предметом исследования является актуализация категориальных значений консекутивного таксиса в русских, немецких и английских высказываниях. Объектом анализа выступают поликатегориальные семантические субкомплексы, реализующие консекутивно-таксисные значения следования. В работе рассматривается понятие категориального семантического комплекса как совокупности семантических категорий, объединенных общей целью – актуализацией значений, возникающих на пересечении нескольких категорий. Таксисный семантический комплекс определяется как совокупность языковых средств, выражающих хронологические отношения одновременности / разновременности и актуализирующих таксисную категориальную семантику. Особое внимание уделяется поликатегориальным семантическим субкомплексам, формирующимся на основе взаимодействия таксиса с другими функционально-семантическими категориями. Исследование фокусируется на консекутивном таксисе – явлении, при котором значение следования (консекутивности) переплетается с таксисными значениями, указывая на то, что одно действие является следствием другого. Анализируются различные средства выражения консекутивного таксиса, включая предлоги, союзы и контекстуальные указания на причинно-следственную связь. Подчеркивается, что консекутивный таксис характеризуется тесной взаимосвязью категорий таксиса и консекутивности, которые находятся в отношениях межкатегориальной инклюзии.

Ключевые слова: таксис, консекутивность, консекутивный таксис, консекутивные предлоги, консекутивные союзы, консекутивно-таксисное значение, следование, межкатегориальная инклюзия.

Для цитирования: Архипова И. В. Актуализация консекутивного таксиса в поликатегориальном семантическом субкомплексе // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 48–53. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-48-53>. EDN: DYIFS

Original article

IMPLEMENTATION OF CONSECUTIVE TAXIS IN A POLYCATEGORIAL SEMANTIC SUBCOMPLEX

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. The aim of this paper is to identify and describe the interactions between the categories of taxis and consequentiality, which form the consequential-taxis semantic subcomplex, and to analyze their implementation in various languages. The subject of this study is the actualization of the

categorical meanings of consequential taxis in Russian, German and English utterances. The object of analysis is polycategorical semantic subcomplexes that implement consequential-taxis meanings. This paper examines the concept of a categorical semantic complex as a set of semantic categories united by a common goal: the actualization of meanings arising at the intersection of several categories. A taxis semantic complex is defined as a set of linguistic means expressing chronological relations of simultaneity/non-simultaneity and actualizing taxis categorical semantics. Particular attention is given to polycategorical semantic subcomplexes formed through the interaction of taxis with other functional-semantic categories. The study focuses on consequential taxis – a phenomenon in which the meaning of consequence (consecution) is intertwined with taxis meanings, indicating that one action is a consequence of another. Various means of expressing consequential taxis are analyzed, including prepositions, conjunctions, and contextual indications of cause and effect. It is emphasized that consequential taxis is characterized by a close relationship between the categories of taxis and consequentiality, which are in a relationship of intercategory inclusion.

Keywords: taxis, consequentiality, consequential taxis, consequential prepositions, consequential conjunctions, consequential-tactical meaning, following, intercategory inclusion.

For citation: Arkhipova I. V. Implementation of consecutive taxis in a polycategorical semantic subcomplex. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:48-53. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-48-53>. EDN: DYIFSY

Введение

Вопросы актуализации различных категориальных значений в семантических комплексах исследуются в работах таких отечественных лингвистов как А. В. Бондарко, И. В. Архипова, Н. В. Сюткина, С. В. Шустова и др. [Архипова 2021; Архипова 2025; Бондарко 2011; Сюткина, Шустова 2019; Шустова 2021, 2025].

В работах современных исследователей термин «категориальный семантический комплекс» трактуется как «совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий» [Архипова 2021; Архипова 2025; Бондарко 2011; Сюткина, Шустова 2019; Шустова 2021, 2025]. Таксисный семантический комплекс следует рассматривать как совокупность разноуровневых поликатегориальных языковых средств, объединенных: 1) общим семантическим содержанием – выражением хронологического отношения одновременности / разновременности; 2) общей целью – актуализацией таксисной категориальной семантики одновременности, предшествования или следования. Таксисные семантические субкомплексы формируются в результате межатекстуального взаимодействия категории таксиса с другими функционально-семантическими категориями и субкатегориями. В данной работе речь идет о таксисном поликатегориальном семантическом комплексе.

Следует выделять поликатегориальные семантические комплексы (ПСК) двух разновидностей: (1) «естественные» или «близкие» (тождественные, аналогичные) ПСК: таксис – темпоральность, таксис – аспектуальность, таксис – итеративность, таксис – временная локализованность / временная нелокализованность; (2) ПСК, образованные «неблизкими» / «далекими друг от друга» категориями: таксис – квантитативность, таксис – каузальность, таксис – инструментальность, таксис – concessiveness, таксис – кондициональность, таксис – финальность и др. [Архипова, Шустова 2021: 25]. Выдающийся отечественный лингвист А. В. Бондарко рассматривает группировку функционально-семантических полей аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка как аспектуально-темпоральный комплекс [Бондарко 2011: 96]. Вслед за А. В. Бондарко мы выделяем темпорально-аспектуально-таксисный (далее – таксисный) поликатегориальный семантический комплекс (ТПСС), который подлежит дальнейшей субкатегоризации.

Поликатегориальный семантический комплекс (ПСК) актуализируется на пересечении нескольких категорий языка. Например, *Он ушел, после того как она пришла*. Здесь «задействованы» две категории: темпоральность и таксис (то есть отношение между действиями во времени относительно друг друга и безотносительно момента речи. *После того как* – темпоральный союз и часть таксисного ПСК, который уточняет темпоральное значение, показывая, что одно действие следовало за другим.

В данной работе в фокусе исследовательского внимания находится взаимодействие категории таксиса с категорией консекутивности, обуславливающее актуализацию значений консекутивного таксиса следования. Консекутивный таксис – это сложное явление, при котором значение следования (консекутивности) переплетается с таксисными. При консекутивном таксисе одно действие, событие или состояние является следствием другого.

(1) *В основном сокращение издержек произошло **вследствие** сокращения численности персонала «Ростелекома» на 4 тыс. человек* (НКРЯ).

(2) *Оно делается не плоским, **вследствие** преодоления несчастья, которое является лучшим помощником пятого акта комедии* (НКРЯ).

(3) *В результате обсуждения сообщения генерального директора было принято решение переименовать ИПБ России в Институт профессиональных бухгалтеров и аудиторов России* (НКРЯ).

В примерах (1–3) маркерами консекутивного таксиса выступают предлоги *вследствие* и *в результате*.

Значение следования может быть также имплицитно выраженным, то есть подразумеваться из контекста и общего смысла высказывания. Как правило, консекутивный таксис предполагает наличие указания на то, что одно действие происходит *вследствие* другого.

(4) *Дождь лил всю ночь, **поэтому** улицы оказались затоплены.*

(5) *Он провалил экзамен, его отчислили.*

Если в примере (4) формально-семантическим индикатором значения следствия выступает союз *поэтому*, то пример (5) является случаем имплицитного выражения значения следствия. Говорящий (слушающий) может отметить при этом наличие причинно-следственной связи.

Категориальная семантика консекутивности, в том числе, в аспекте сопряженности с другими значениями исследуется в работах ряда отечественных языковедов [Бондарко, Воейкова 1996; Дружинина 2019; Евтюхин 1996; Оркина 1999; Теремова 1987; Шустер 2005]. Современные исследователи отмечают, что категория следствия характеризуется семантической вариативностью, связанной с разноплановой и сложной системой средств формального выражения. Категория консекутивности или следствия рассматривается в качестве семантико-синтаксической категории, так как значение средств, выражающих причинно-следственные (консекутивные) отношения (предлогов, союзов и т. п.) конкретизируется в предложении в результате взаимодействия значений компонентов, а также обусловлено структурой употребляемых синтаксических конструкций [Шустер 2005]. Категория консекутивности является функционально-семантической категорией с полевой структурой и входит в группировку полей обусловленности (причины, условия, цели, следствия, уступки) [Бондарко, Воейкова 1996; Дружинина 2019; Евтюхин 1996]. Значение следствия (как и другие значения обусловленности) характеризуется «интегральными семантическими признаками: обозначением двуситуативных структур, определенным содержательным соответствием между ситуациями и т. п.» [Евтюхин 1996: 161]. Понимание и интерпретация значения следственного отношения сводится «к простой констатации того факта, что в цепочке «обуславливающее – обуславливаемое» ... акцентируется (специализированным выражением) исключительно обуславливаемый (следственный) компонент [там же]. Семантика следствия тесно связана с семантическим компонентом причины или условия, так как «причина при наличии определенных условий с необходимостью порождает соответствующее следствие» [Шустер 2005: 3–4].

Функционально-семантические категории таксиса и консекутивности характеризуются тесными межкатегориальными связями. Модель их межкатегориального взаимодействия мы определяем как модель межкатегориальной инклюзии. В силу тесного межкатегориального взаимодействия и межкатегориальной инклюзии функционально-семантические категории таксиса и консекутивности конституируют консекутивно-таксисный семантический субкомплекс. Консекутивно-таксисные категориальные значения следования актуализуются в русских, немецких и английских высказываниях с предложными девербативами с предлогами консекутивной семантики *вследствие*, *в результате*, *infolge*, *in consequence of*.

В немецком языке репрезентантом консекутивно-таксисного семантического субкомплекса являются высказывания с предлогом консекутивной семантики *infolge*.

(6) *Nach Blättermeldungen haben sich die Stämme, die Suleimanje belagerten, infolge der Ankunft der Truppen zurückgezogen (LC).*

(7) *Auf der anderen Seite hatte ich infolge der Behandlung auch schon lange die Vorstellung entwickelt, tatsächlich ein Niederländer zu sein (LC).*

В приведенных выше высказываниях актуализированы консекутивно-таксисные значения следования.

Предлог *in consequence of* в английском языке, подобно немецкому *infolge*, выражает не только причинно-следственную связь, но и эксплицирует хронологическую последовательность событий.

(8) *A year later and in consequence of the failure by the Europeans to provide effective sanction relief, as was promised under the JCPOA, Iran started to exceed certain limits the deal had set on its civil nuclear program (LC).*

Итак, таксисное значение следования проявляется следующим образом: 1) при употреблении предлогов и союзов с консекутивной семантикой; 2) при актуализации логической связи между действиями, когда одно действие является причиной или предпосылкой для другого. К особенностям консекутивного таксиса относится инклюзия: категории таксиса и консекутивности тесно связаны и как бы входят друг в друга (инклюзия). Это значит, сложно провести четкую границу между таксисной (хронологической) и причинно-следственной связью. Консекутивность является частью более широкого поля обусловленности, которое объединяет причины, условия, цели, следствия и уступки. Значение следствия часто переплетается с другими значениями обусловленности, что может усложнять анализ. Фиксируется межкатегориальная инклюзия между таксисом и консекутивностью. Таксис и консекутивность тесно связаны, находятся в отношениях инклюзии. Консекутивный таксис рассматривается как частный случай таксиса, где акцент делается на причинно-следственной связи между ситуациями. Это создает определенную гибкость в интерпретации и приводит к тому, что значение следования может быть не всегда эксплицитно выражено. Контекст высказывания играет важную роль в определении того, насколько эксплицитно явно выражено значение следования. В некоторых случаях, даже без использования эксплицитных консекутивных показателей (предлогов, союзов), значение следствия может быть легко выведено из общего смысла высказывания.

Заключение

Таким образом, консекутивный таксис – это не просто хронология действий / событий, а именно причинно-следственная связь между ними, выраженная с помощью тех или иных языковых средств. Значение следования может быть выражено в разной степени. К эксплицитным средствам относят предлоги и союзы с семантикой следствия, хотя нередко консекутивная связь «выводится» из контекста и его имплицитной семантики. Понимание и интерпретация консекутивного таксиса требует учета явления межкатегориальной инклюзии, а также анализа конкретного контекста употребления языковых единиц. Явление межкатегориальной инклюзии таксиса и консекутивности детерминирует актуализацию категориальной семантики консекутивного таксиса в различных высказываниях с консекутивными предлогами и союзами.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксисные семантические синкрет-комплексы // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике : монография / научн. ред. Н. А. Трофимова. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 3–185.
2. Архипова И. В. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 2. С. 447–451. DOI: 10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451 EDN: TKRUBC
3. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с. ISBN: 978-5-9551-0513-0 EDN: RBBZLT

4. Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Гак В. Г. и др. Обусловленность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. СПб.: Наука: Санкт-Петербургская издательская фирма, 1996. С. 138.
5. Дружинина С. И. Сложноподчиненные предложения с синкретичным значением меры и следствия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 31–38. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.31 EDN: YXFYOD
6. Евтюхин В. Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Наука: С.-Петерб. изд. фирма, 1996. С. 138–174.
7. Оркина Л. Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности временного и условного типов (на материале русского языка). Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 1999. 201 с.
8. Сюткина Н. П., Шустова С. В. Эмотивно-интенсивно каузативный категориальный семантический субкомплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 106–111. EDN: ZYFPVB
9. Теремова Р. М. Следственные конструкции в современном русском языке: Лекция. Л.: Ленинградский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1987. 52 с. EDN: SOFNDL
10. Шустова С. В. Категоризация в сфере функциональной грамматики // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике: монография / научн. ред. Н. А. Трофимова. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. С. 186–248.
11. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13. EDN: LHBQQF
12. Шустер А. Г. Категория следствия и средства ее реализации на разных ярусах синтаксиса в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 190 с. EDN: NNKAZX

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 21. 10. 2025).
2. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. URL: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 21. 10. 2025).
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21. 10. 2025).

References

1. Arhipova I. V. Taksisnye semanticheskie sinkret-kompleksy [Taxic semantic syncretic complexes]. *Mezhkategorial'noe vzaimodejstvie v funkcional'noj grammatike* [Intercategorical interaction in functional grammar]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2021, pp. 3-185. (In Russ.).
2. Arhipova I. V. Kategoriya taksisa kak semanticheskij fokus mezhkategorial'nogo vzaimodejstviya [The category of taxis as a semantic focus of intercategory interaction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istorija i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. 2025, vol. 35, no. 2, pp. 447-451. DOI: 10.35634/2412-9534-2025-35-2-447-451 EDN: TKRUBC (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Kategorizacija v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. Moscow, Yazyki slavyanskij kul'tur, 2011, 488 p. ISBN: 978-5-9551-0513-0 EDN: RBBZLT (In Russ.).
4. Bondarko A. V., Voejkova M. D., Gak V. G. i dr. Obuslovlennost'. Vstupitel'nye zamechaniya [Conditionality: Introductory Remarks]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possesivnost'. Obuslovlennost'* [Functional Grammar Theory: Locativity. Existence. Possession. Conditionality]. Saint Petersburg, Nauka, Sankt-Peterburgskaya izdatel'skaya firma, 1996, pp. 138. (In Russ.).
5. Druzhinina S. I. Slozhnopodchinennye predlozheniya s sinkretichnym znacheniem mery i sledstviya [Complex sentences with syncretic meaning of measure and consequence]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2019, no. 1, pp. 31-38. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.31 EDN: YXFYOD (In Russ.).
6. Evtyuhin V. B. Gruppировка polej obuslovlennosti: prichina, uslovie, cel', sledstvie, ustupka [Grouping of fields of conditionality: cause, condition, goal, consequence, concession]. *Teoriya funkcional'noj grammatiki: Lokativnost'. Bytijnost'. Possesivnost'. Obuslovlennost'* [Functional Grammar Theory: Locativity. Existence. Possession. Conditionality]. Saint Petersburg, Nauka, 1996, pp. 138-174. (In Russ.).
7. Orkina L. N. Aspektual'no-temporal'naya harakteristika vyskazyvanij s semantikoj obuslovlennosti vremennogo i uslovnogo tipov (na materiale russkogo yazyka) [Aspectual-temporal characteristics of statements with the semantics of conditionality of temporal and conditional types (based on the Russian language)]. *Chevashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I. Ya. Yakovleva*, 1999, 201 p. (In Russ.).
8. Syutkina N. P., Shustova S. V. Ehmotivno-intensivno kauzativnyj kategorial'nyj semanticheskij subkompleks [Emotive-intensive causative categorical semantic subcomplex]. *Evrasijskij humanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2019, no. 2, pp. 106-111. EDN: ZYFPVB (In Russ.).

9. Teremova R. M. *Sledstvennye konstrukcii v sovremennom russkom yazyke* [Investigative constructions in modern Russian]. Leningrad, Leningradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena, 1987, 52 p. EDN: SOFNDL (In Russ.).

10. Shustova S. V. *Kategorizaciya v sfere funkcional'noj grammatiki* [Categorization in the field of functional grammar]. *Mezhkategorial'noe vzaimodejstvie v funkcional'noj grammatike* [Intercategorical interaction in functional grammar]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2021, pp. 186-248. (In Russ.).

11. Shustova S. V. *Kategorial'nyj semanticheskij kompleks v grammatike (na primere kategorij ehmotivnosti i kauzativnosti)* [Categorical semantic complex in grammar (using the categories of emotiveness and causativeness as an example)]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2025, no. 3, pp. 4-13. EDN: LHBQQF (In Russ.).

12. Shuster A. G. *Kategoriya sledstviya i sredstva ee realizacii na raznyh yarusah sintaksisa v sovremennom nemeckom yazyke* [The category of consequence and the means of its implementation at different levels of syntax in modern German]. PhD thesis, Stavropol, 2005, 190 p. EDN: NNKAZX (In Russ.).

List of sources

1. LC - Laboratoriya korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 21.10.2025).

2. DWDS - Elektronnyj slovar' nemeckogo yazyka [DWDS – Electronic Dictionary of the German Language]. (In Russ.). Available at: <https://www.dwds.de> (accessed: 21.10.2025).

3. NKRYa - Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [NKRY – National Corpus of the Russian Language]. (In Russ.). Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 21.10.2025).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германской филологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 54–60.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 54-60.

Научная статья
УДК 81-11
EDN: FQPVMY
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-54-60

<https://elibrary.ru/fqpvmu>

АВТОКАУЗАТИВНОСТЬ КАК ТИП КАУЗАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДИАЛОГАХ ЧЕЛОВЕКА С ИИ

Татьяна Анатольевна Куделько

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия, pray-1977@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается теоретическое обоснование автокаузативности как самостоятельной разновидности каузативных отношений, возникающих при взаимодействии человека и компьютерного помощника (чат-бота, голосового ассистента). В классической модели каузативности источником воздействия выступает одушевлённый деятель, который своим волеизъявлением инициирует изменение состояния другого лица. Однако в диалогах с искусственным интеллектом складывается иная конфигурация: реплика компьютерного помощника способна модифицировать эмоциональное, когнитивное или поведенческое состояние пользователя. Для обозначения этого феномена вводится понятие Каузатор_{кп} – компьютерный помощник, выступающий инициатором воздействия на человека. С опорой на классические труды по каузативности и современные исследования в области функциональной грамматики и эмотивной каузативности анализируются механизмы этого явления. Для объяснения того, почему пользователи обращаются к машине как к одушевлённому лицу, привлекается категория личности А. В. Бондарко, рассматриваемая как актуализационная категория; личность не различает, кто именно занимает позицию 1-го или 2-го лица – человек или программа. Отдельное внимание уделяется Русскому конструктивному – лингвистическому ресурсу, который позволяет осуществлять фильтрацию языковых конструкций по семантической роли «Каузатор». Делается вывод, что существующие классификации семантических ролей нуждаются в расширении с учётом феномена Каузатор_{кп}, а инструментарий Конструктивона пригоден для системного изучения этого явления.

Ключевые слова: каузативность, автокаузативность, каузатор, компьютерный помощник, квазисубъект, категория личности, Русский конструктив, человеко-компьютерное взаимодействие, Каузатор_{кп}

Для цитирования: Куделько Т. А. Автокаузативность как тип каузативных отношений в диалогах человека с ИИ // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 54–60. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-54-60>. EDN: FQPVMY

Original article

AUTOCAUSATIVITY AS A TYPE OF CAUSATIVE RELATIONS IN HUMAN-AI DIALOGUES

Tatiana A. Kudelko

Senior Lecturer, Perm State University, Perm, Russia, pray-1977@mail.ru

Abstract. The article offers a theoretical substantiation of autocausativity as an independent type of causative relations that emerge in human-computer assistant interaction (chatbots, voice assistants). In the classical model of causativity, the source of causation is an animate agent who, through his or her volition, initiates a change in the state of another person. In dialogues with artificial intelligence, however, a different configuration arises: a computer assistant's utterance can modify the user's emotional, cognitive, or behavioural state. To denote this phenomenon, the notion of Causator_{CA} (computer assistant as a causator) is introduced. Drawing on classical works on causativity and on contemporary research in functional grammar

and emotive causativity, the mechanisms of this phenomenon are analysed. To explain why users address a machine as an animate being, A. V. Bondarko's category of personhood is invoked: as an actualisation category, personhood does not distinguish whether the first- or second-person position is occupied by a human or by a program. Special attention is paid to the Russian Constructicon – a linguistic resource that allows filtering constructions by the semantic role of “Causator”. It is concluded that existing classifications of semantic roles need to be expanded to account for the Causator_{CA} phenomenon, and that the Constructicon's tools are suitable for a systematic study of this phenomenon.

Keywords: causativity, autocaustivity, causator, computer assistant, quasisubject, category of personhood, Russian Constructicon, human-computer interaction, Causator_{CA}

For citation: Kudelko T. A. Autocaustivity as a type of causative relations in human–AI dialogues. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:54–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-54-60>. EDN: FQPVMY

Введение

В настоящее время лингвистика активно осваивает новую коммуникативную сферу – диалоги между человеком и компьютерными помощниками, включая чат-боты и голосовых ассистентов. Традиционные модели каузативности, созданные для описания межличностного общения, в этих условиях работают не в полной мере и нуждаются в корректировке. Одновременно с этим в распоряжении исследователей появляются новые инструменты, такие как Русский конструктикон, который предоставляет возможность анализировать нестандартные каузативные конструкции, в частности те, где позицию каузатора занимает квазисубъект, то есть компьютерная программа.

Задача настоящей работы заключается в том, чтобы дать теоретическое обоснование автокаузативности как особого типа каузативных отношений, характерного для диалогов человека с ИИ, а также продемонстрировать применимость Русского конструктикона [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: 241–255; Рахилина и др. 2021: 7–27, 2022: 13–44; Малахова 2026: 6–17] для системного исследования данного феномена.

Основная часть

Настоящее исследование посвящено изучению любых каузативных отношений, причины которых могут зависеть от представления о причинно-следственных связях как об универсальном механизме человеческого познания. Внеязыковые отношения причины и следствия, преломляясь в сознании, образуют логическую категорию причинности, которая затем получает языковое воплощение в виде каузации. Иными словами, мы имеем дело с триадой: причинно-следственные отношения в реальном мире → понятие причинности в мышлении → каузация в языке [Недялков, Сильницкий 1969].

Каузативность в лингвистике трактуется как функционально-семантическая категория, которая характеризуется высокой степенью обобщения и передает смысл «побуждение со стороны субъекта, направленное на объект, с тем чтобы тот совершил действие или изменил свое состояние» [Бондарко 2002; Шустова 2021]. Эта категория реализуется в сфере отношений между людьми и вступает во взаимодействие с иными семантическими категориями, например с эмотивностью [Шустова 2021].

Каузативная ситуация понимается как сложное образование, макроситуация, которая складывается из двух простых – каузирующей (причины) и каузируемой (следствия), связанных отношением каузации. Стержнем такой ситуации выступает каузативный глагол, который одновременно обозначает и воздействие, и его итог [Недялков, Сильницкий 1969]. В. С. Храковский обращает внимание на различие между каузативными и каузальными (причинными) конструкциями: в последних причина выражается придаточным предложением, тогда как в каузативных конструкциях показатель каузативного отношения оформляется либо как морфема в составе производного глагола, либо как служебный каузативный глагол [Храковский 2001].

К прототипическим элементам каузативной ситуации относятся: каузатор, то есть активный участник, источник воздействия, который «оказывает каузативное воздействие с целью модификации психической, физической, перцептивной и информативной сфер объекта каузации» [Шустова 2012: 120]; объект каузации (в терминологии В. П. Недялкова и

Г. Г. Сильницкого – «каузируемый объект» или «пациенс»), то есть тот, кто подвергается воздействию и становится носителем результирующего состояния [Недялков, Сильницкий 1969]; собственно отношение каузации, связывающее действие каузатора и изменение состояния объекта.

Ключевое значение для анализа автокаузативности имеет концепция С. Д. Кацнельсона [Кацнельсон 1972]. Исследователь настаивал на том, что универсальные компоненты языкового строя можно выявить только при условии анализа семантических и грамматических аспектов в их взаимодействии, отделяя общечеловеческое от специфически национального. С. Д. Кацнельсон относит к каузативным такие глаголы, которые предполагают наличие двух взаимодействующих партнеров. Первый партнер (инициатор) воздействует на второго, чтобы добиться от него определенного действия; второй (непосредственный исполнитель) под влиянием этого воздействия совершает нужное первому действие. Каузативная ситуация, следовательно, конституируется как интерперсональное взаимодействие, включающее два связанных акта: побуждение со стороны каузатора и ответное действие объекта каузации [Кацнельсон 1972].

Особенно важным для нашей работы является различие, которое проводит С. Д. Кацнельсон. Анализируя предложения типа «*Дождь заставил ее вернуться*», он показывает, что, когда позицию каузатора занимают природные явления или абстрактные события, структура каузации претерпевает изменения. Здесь отсутствуют два сопряженных поступка, а главное – исчезает признак интенциональности [там же]. Эти наблюдения закладывают основу для выделения непрототипических каузативных ситуаций, к числу которых относится и автокаузативность.

Развивая данный подход, Е. Е. Корди выделяет четыре типа каузативных ситуаций: (1) человек воздействует на человека; (2) человек воздействует на событие или предмет; (3) событие воздействует на человека; (4) событие воздействует на другое событие. Наиболее «явным» каузативом исследователь считает первый тип, поскольку только здесь допустимо употребление любого каузативного глагола [Корди 1988].

Обобщая позиции В. В. Богданова, В. П. Недялкова, Г. Г. Сильницкого и С. Д. Кацнельсона [Богданов 1977; Недялков, Сильницкий 1969; Кацнельсон 1972], можно выделить следующие черты прототипической каузативной ситуации: *агентивность* каузатора: каузатор, как правило, представляет собой одушевленное лицо, обладающее внутренней энергией и выступающее непосредственной причиной действия; *интенциональность* (волеитивность): воздействие каузатора обусловлено его волевым импульсом, намерением, целью; *инициативность*: волеизъявление каузатора может быть оформлено вербально либо подразумевать речевой акт; *результативность*: каузативное действие влечет за собой изменение состояния объекта, которое и завершает ситуацию [Недялков, Сильницкий 1969; Шустова 2012]. Эти признаки в совокупности задают прототип каузативности. Однако, как убедительно показал С. Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1972], в реальных языковых употреблениях от этого прототипа возможны отклонения.

Исследование адыгейского языка, предпринятое А. Б. Летучим, демонстрирует, что каузативная конструкция может проявлять «привилегированный статус каузируемого»: каузируемый субъект сохраняет субъектные свойства, тогда как каузатор оказывается отодвинутым на второй план [Летучий 2009]. В адыгейском языке возможна кореферентность каузатора и каузируемого, что особенно наглядно в конструкциях с фазовыми глаголами, где субъект фазового глагола может совпадать как с каузатором, так и с каузируемым [там же].

На материале бурятского языка Е. А. Дадуева описывает сходные явления. Она выделяет каузативные глаголы с пермиссивным значением, в которых каузатор одновременно является и каузируемым объектом, а его собственные действия оборачиваются негативными последствиями прежде всего для него самого. Такие конструкции, по мнению исследователя, отражают особую смысловую модель – «вину каузатора» [Дадуева 2022].

Н. П. Сюткина в рамках разработанного эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса показывает, что каузация эмоциональной модификации в норме предполагает интерперсональное взаимодействие, но в автокаузативных контекстах это

взаимодействие замыкается на самом субъекте [Сюткина 2020]. В анализе функционирования эмотивных каузативов актуализируются значения интенсивности и итеративности, тогда как интенциональность может быть ослаблена [там же].

В исследовании А. А. Афанасьевой установлено, что эмотивные каузативы способны реализовывать не только положительную и отрицательную, но и амбивалентную модификацию; при этом мультивалентные эмотивные каузативы обнаруживаются в семантическом пространстве междометных фразеологизмов [Афанасьева 2024]. Этот факт свидетельствует о том, что граница между каузатором и объектом каузации не является жесткой, а автокаузативность занимает один из полюсов на соответствующем семантическом континууме.

На основании изложенного можно предложить следующее определение. Автокаузативность представляет собой непрототипический тип каузативной ситуации, который характеризуется тремя признаками: референтное тождество каузатора и объекта каузации: одно и то же лицо выступает одновременно источником воздействия и его адресатом; отсутствие внешнего волевого импульса: субъект инициирует изменение собственного состояния, а не под влиянием извне; ослабление или полное исчезновение интенциональности: уступает место внутренней причинности, спонтанности процесса или самопобуждению.

В автокаузативных конструкциях глагол фиксирует не внешнее межличностное взаимодействие, а внутренний процесс изменения состояния, инициируемый самим носителем этого состояния. Тем самым автокаузативность отличается от канонической каузации (где каузатор и объект не совпадают) и от декаузатива (где каузативная семантика устраняется, а акцент переносится на спонтанный процесс).

Каузатор_{кп}: компьютерный помощник как квазисубъект

В диалогах человека с компьютерными помощниками возникает асимметричная каузативная ситуация. Прототипическая модель предполагает однонаправленное воздействие: пользователь (каузатор) → компьютерный помощник (объект каузации). Однако анализ корпуса из 909 диалогов (на английском, русском и немецком языках) показывает, что компьютерный помощник способен самостоятельно занимать позицию каузатора, вызывая своим ответом изменение состояния пользователя. Данный феномен, обозначаемый как Каузатор_{кп}, зафиксирован во всех трех языках, хотя частота его варьируется (от 0,3 % до 1,3 %).

Исследование выявило три основных типа реакций пользователей на инициативу Каузатора_{кп}: страх и отторжение – пользователь воспринимает инициативу помощника как вторжение в личное пространство; восхищение и романтическая проекция – пользователь приписывает компьютерному помощнику человеческие эмоции и даже проявления симпатии; техническая деантропоморфизация – пользователь пытается объяснить нестандартное поведение помощника техническими причинами (сбой, А/В-тестирование).

Для теоретического осмысления этого феномена может быть привлечена категория личности, разработанная А. В. Бондарко. Как актуализационная категория, личность не делает различий между человеком и программой при заполнении позиций 1-го или 2-го лица [Бондарко 1991]. Для нее значимо лишь само различие ролей (говорящий – адресат). Следовательно, компьютерный помощник, занимая позицию 1-го лица в ответной реплике, автоматически приобретает статус «квазисубъекта»: он не является человеком, но выступает как полноправный коммуникант, чья реплика структурно приравнивается к реплике человека.

С типологической точки зрения, Каузатор_{кп} занимает промежуточное положение между одушевленным агенсом и неодушевленной силой (элементативом). Подобно элементативам (ветер, молния, взрыв), он лишен интенциональности [Филлмор 1971]. Однако, в отличие от них, он способен к речевому взаимодействию и может выступать в роли 1-го лица в диалоговом акте. Это обстоятельство требует пересмотра и расширения традиционных классификаций семантических ролей.

Русский конструктор как инструмент анализа

Русский конструктор представляет собой базу данных, содержащую устойчивые синтаксические конструкции современного русского языка и построенную на принципах грамматики конструкций (Construction Grammar) [Эндерсен, Мордашова и др. 2020; Малахова 2026]. Ресурс включает описание более 2200 единиц и снабжен детальной семантической разметкой [Endresen et al. 2020].

Наиболее важной для настоящего исследования особенностью Конструктора является возможность фильтрации конструкций по семантическим ролям, в частности по роли Каузатора [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: 241–255; Рахилина и др. 2021: 7–27, 2022: 13–44; Малахова 2026: 6–17].

Семантическая разметка ресурса насчитывает 53 общих тега и 87 уточняющих подтипов [Endresen, Janda 2020]; в их число входит тег Causation (Побуждение к действию). Как отмечается в описании ресурса, «пользователь может отбирать конструкции по конкретным семантическим ролям (каузатор, экспериенцер)» [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: Малахова 2026]. Это дает исследователю возможность не только идентифицировать конструкции с каузативной семантикой, но и анализировать, какие именно лексические единицы могут занимать позицию каузатора в конструкциях разного типа.

Русский конструктор предоставляет системный инструмент для анализа феномена Каузатора_{КП}: фильтрация по семантической роли «Каузатор» позволяет выявить конструкции, которые в принципе допускают заполнение позиции каузатора неодушевленными или квазисубъектными единицами; семантическая разметка включает тег Source of information (Источник информации), который релевантен для анализа случаев, где компьютерный помощник выступает как источник воздействия; наличие тега Mirative (Миратив), который выражает удивление говорящего [Endresen, Janda 2020], дает возможность идентифицировать реакции пользователей на инициативу Каузатора_{КП}; каждый из трех типов реакций пользователя может быть соотнесен с конструкциями, которые выявляются через поиск по тегам Attitude (Отношение), Assessment (Оценка) и Emphasis (Эмфаза) [Endresen et al. 2020].

Заключение

Феномен Каузатора_{КП} представляет собой нетривиальный случай каузативных отношений, который заставляет пересмотреть традиционное понимание каузатора как исключительно одушевленного деятеля.

Опираясь на фундаментальные труды по типологии каузативных конструкций [Недялков, Сильницкий 1969; Кацнельсон 1972; Храковский 2001] и на современные исследования в области функциональной грамматики и эмотивной каузативности [Афанасьева 2024; Сюткина 2020; Дадиева 2022; Летучий 2009; Шустова 2021, 2025], мы определяем автокаузативность как самостоятельный тип каузативных отношений. Его отличительными чертами являются референтное тождество каузатора и объекта каузации, а также отклонение от прототипических признаков интерперсональности и интенциональности.

Русский конструктор, благодаря возможности фильтрации по семантической роли «Каузатор», предоставляет исследователю эффективный инструмент для системного анализа данного явления. Данные этого ресурса могут служить эмпирической основой для проверки теоретических моделей каузативности, учитывающих новые коммуникативные форматы, связанные с искусственным интеллектом. Постоянное обновление базы Конструктора и его открытый доступ обеспечивают его актуальность для последующих исследований в этой области [Эндерсен, Мордашова и др. 2020: 241–255; Рахилина и др. 2021: 7–27, 2022: 13–44; Малахова 2026: 6–17].

Дальнейшие перспективы работы связаны с расширением корпуса диалогов, с проведением количественного анализа конструкций, включающих Каузатора_{КП}, в Русском конструкторе, а также с сопоставительным анализом русского и других языков.

Список литературы

1. Афанасьева А. А. Функциональные особенности эмотивных каузативов (на материале русского и испанского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2024. 242 с. EDN: TEJZOP
2. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л. : Ленинградский университет. 1977. 204 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с. ISBN: 5-94457-021-0 EDN: RBAZID
4. Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Л. : Наука, 1991. 256 с.
5. Дадужева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2022. 335 с. EDN: PLPQCG
6. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л. : Наука, 1972. 216 с.
7. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. Л. : Наука, 1988. 164 с.
8. Летучий А. Б. Каузатив, декаузатив и лабильность // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / отв. ред. Я. Г. Тестелец. М. : РГГУ, 2009. С. 387–464.
9. Малахова Е. В. Русский конструктикон – новый лингвистический ресурс: возможности и перспективы // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 1. С. 6–17. DOI: 10.17072/2587-6589-2026-1-6-17 EDN: FIRQIJ
10. Недряков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л. : Наука, 1969. С. 5–19.
11. Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27 EDN: UKZQCE
12. Рахилина Е. В., Жукова В. А., Демидова Д. А. [и др.] Фразеология в ракурсе «Русского конструктикона» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 13–44. DOI: 10.31912/pvrl-2022.2.2 EDN: ZFDRJD
13. Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 176 с. ISBN: 978-5-7944-3447-7 EDN: KAQCJJ
14. Храковский В. С. Семантика и типология императива: русский императив. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 272 с.
15. Шустова С. В. Прототипическая каузативность // Сопоставительная лингвистика. 2012. С. 120–124. EDN: XWPFJP
16. Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2021. 248 с. ISBN: 978-5-9710-7226-3 EDN: OTQAQE
17. Шустова С. В. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13. EDN: LHBQQF
18. Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 1–22. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.574353 EDN: EQRNOV
19. Endresen A. A., Žukova V. A., Mordašova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. Russkij konstruktikon: novyj lingvističeskij resurs, ego ustrojstvo i specifika // Komp'juternaja lingvistika i intelektual'nye tehnologii. M. : RGGU, 2020. T. 19. S. 241–255. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-241-255 EDN: ZKQESL
20. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information. In: Steinberg D. D., Jakobovits L. A., editors. Semantics: an interdisciplinary reader. Cambridge : Cambridge University Press, 1971. P. 370–392.

References

1. Afanas'eva A. A. Funkcional'nye osobennosti ehmotivnyh kauzativov (na materiale russkogo i ispanskogo yazykov). PhD thesis, Perm, 2024, 242 p. EDN: TEJZOP (In Russ.).
2. Bogdanov V. V. Semantiko-sintaksicheskaya organizaciya predlozheniya [Semantic-syntactic organization of a sentence]. Leningrad, Leningradskij universitet, 1977, 204 p. (In Russ.).
3. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noj grammatiki [Theory of meaning in the system of functional grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002, 736 p. ISBN: 5-94457-021-0 EDN: RBAZID (In Russ.).
4. Bondarko A. V. Teoriya funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost [Theory of Functional Grammar. Personality. Voice.]. Leningrad, Nauka, 1991, 256 p. (In Russ.).
5. Dadueva E. A. Kauzativnye konstrukcii v buryatskom yazyke: funkcional'no-semanticheskij i lingvokognitivnyj aspekty [Causative constructions in the Buryat language: functional-semantic and linguacognitive aspects]. Doctoral dissertation, Ulan-Udeh, 2022, 335 p. EDN: PLPQCG (In Russ.).
6. Kacnel'son S. D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie [Language typology and verbal thinking]. Leningrad, Nauka, 1972, 216 p. (In Russ.).
7. Kordi E. E. Modal'nye i kauzativnye glagoly v sovremennom francuzskom yazyke [Modal and causative verbs in modern French]. Leningrad, Nauka, 1988, 164 p. (In Russ.).

8. Letuchij A. B. Kauzativ, dekauzativ i labil'nost' [Causative, decausative and lability]. *Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygejskogo yazyka* [Aspects of polysyntheticism: essays on the grammar of the Adyghe language]. Moscow, RGGU, 2009, pp. 387-464. (In Russ.).
9. Malahova E. V. Russkij konstruktikon - novyj lingvisticheskij resurs: vozmozhnosti i perspektivy [Russian Constructicon – a New Linguistic Resource: Possibilities and Prospects]. *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2026, no. 1, pp. 6-17. DOI: 10.17072/2587-6589-2026-1-6-17 EDN: FIRQIJ (In Russ.).
10. Nedyalkov V. P., Sil'nickij G. G. Tipologiya kauzativnykh konstrukcij [Typology of causative constructions]. *Tipologiya kauzativnykh konstrukcij: morfologicheskij kauzativ* [Typology of causative constructions: morphological causative]. Leningrad, Nauka, 1969, pp. 5-19. (In Russ.).
11. Rahilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Rechevye akty kak lingvisticheskaya kategoriya: diskursivnye formuly [Speech acts as a linguistic category: discursive formulas]. *Voprosy yazykoznanija* [Questions of linguistics]. 2021, no. 2, pp. 7-27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27 EDN: UKZQCE (In Russ.).
12. Rahilina E. V., Zhukova V. A., Demidova D. A. [i dr.] Frazеология v rакурse «Russkogo konstruktikona» [Phraseology in the Perspective of the “Russian Constructicon”]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2022, no. 2 (32), pp. 13-44. DOI: 10.31912/pvrl-2022.2.2 EDN: ZFDRJD (In Russ.).
13. Syutkina N. P. Funkcionirovanie ehmotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse [The functioning of emotive causatives in the categorial semantic complex]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2020, 176 p. ISBN: 978-5-7944-3447-7 EDN: KAQCJJ (In Russ.).
14. Hrakovskij V. S. Semantika i tipologiya imperativa: russkij imperative [Semantics and typology of the imperative: Russian imperative]. 2th ed., Moscow, Ehditorial URSS, 2001, 272 p. (In Russ.).
15. Shustova S. V. Prototipicheskaya kauzativnost' [Prototypal causativity]. *Sopostavitel'naya lingvistika* [Comparative linguistics]. 2012, pp. 120-124. EDN: XWPFJP (In Russ.).
16. Shustova S. V. Funkcional'nye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskij podhod [Functional properties of causative verbs: a dynamic approach]. 3th ed., Moscow, LENAND, 2021, 248 p. ISBN: 978-5-9710-7226-3 EDN: OTQAQE (In Russ.).
17. Shustova S. V. Kategorial'nyj semanticheskij kompleks v grammatike (na primere kategorij ehmotivnosti i kauzativnosti) [Categorial semantic complex in grammar (using the categories of emotiveness and causativeness as an example)]. *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word]. 2025, no. 3, pp. 4-13. EDN: LHBQQF (In Russ.).
18. Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 11, pp. 1-22. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.574353 EDN: EQRNOV
19. Endresen A. A., Žukova V. A., Mordašova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. Russkij konstruktikon: novyj lingvističeskij resurs, ego ustrojstvo i specifika. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii*. Moscow, RGGU, 2020, vol. 19, pp. 241-255. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-241-255 EDN: ZKQESL
20. Fillmore Ch. J. Types of Lexical Information. In: Steinberg D. D., Jakobovits L. A., editors. *Semantics: an interdisciplinary reader*. Cambridge, Cambridge University Press, 1971, pp. 370-392.

Информация об авторе

Т. А. Куделько – старший преподаватель, кафедры педагогики и лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

T. A. Kudelko – Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Linguodidactics,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 61–66.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 61-66.

Научная статья

УДК 81'272

EDN: CKOFHW

doi:10.17072/2587-6589-2026-2-61-66

<https://elibrary.ru/ckofhw>

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА ТРУДОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ РАЗНЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ

Людмила Дмитриевна Цыгульская

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
tsygulskaia-ld@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению понимания юридического текста различными социальными группами, поскольку одной из ключевых проблем юрислингвистики на протяжении последних десятилетий остается проблема понимания юридических текстов обычными гражданами. Актуальность исследования обусловлена сложностью юридического языка и наличием специальной терминологии, что затрудняет однозначное понимание и может приводить к различным интерпретациям текста. Целью настоящего исследования является выявление влияния социальных характеристик информантов на их способность верно интерпретировать юридический текст на примере Трудового кодекса Российской Федерации. Для достижения поставленной цели был проведен эксперимент, в котором приняли участие 40 информантов, выборка сбалансирована по факторам «уровень образования» (студенты и специалисты с высшим образованием) и «специальность» (юристы и филологи). Эксперимент представлял собой анкетирование, в котором информанты после прочтения отвечали на вопросы о содержании текста. Задание к тексту состояло из восьми вопросов, направленных на оценку степени понимания текста; вопросы были сформулированы на литературном языке без использования юридических терминов. Информанты выбирали ответы из закрытого списка. Результаты проведенного исследования показывают зависимость уровня понимания юридического текста от рассматриваемых социальных характеристик информантов: юристы понимают текст лучше, чем филологи, а специалисты – лучше, чем студенты. Стоит отметить, что несмотря на специализацию филологов в анализе текста, они демонстрируют худшее понимание юридических текстов. Это может быть обусловлено отсутствием профильного юридического образования, наличием незнакомой специальной терминологии в тексте и в целом недостатком правового просвещения среди населения.

Ключевые слова: юридический текст, понимание юридических текстов, социальные характеристики информантов, анкетирование, Трудовой кодекс Российской Федерации.

Для цитирования: Цыгульская Л. Д. Понимание текста Трудового кодекса Российской Федерации разными социальными группами // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 61–66. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-61-66>. EDN: CKOFHW

Original article

UNDERSTANDING THE TEXT OF THE LABOR CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION BY DIFFERENT SOCIAL GROUPS

Lyudmila D. Tsygulskaia

Perm State University, Perm, Russia, tsygulskaia-ld@mail.ru

Abstract. This article examines the comprehension of legal texts by various social groups, as the problem of comprehension legal texts by ordinary citizens has remained a key issue in legal linguistics for decades. The relevance of the study is determined by the complexity of legal language and the presence of specialized terminology, which hinders unambiguous comprehension and can lead to various interpretations of the text. The purpose of this study is to identify the influence of informants' social characteristics on their ability to correctly interpret a legal text using the Labor Code of the Russian Federation as an example. To achieve this goal, an experiment was conducted with the participation of 40 informants, the sample being balanced by the factors "education level" (students and specialists with higher education) and "specialty" (lawyers and philologists). The experiment took the form of a questionnaire in which informants answered questions about the content of the text after reading it. The text assignment consisted of eight questions aimed at assessing the degree of comprehension of the text; the questions were formulated in literary language without the use of legal terminology. Informants selected answers from a closed list. The results of the study demonstrate a correlation between the level of legal text comprehension and the social characteristics of the respondents: lawyers understand the text better than philologists, and specialists understand it better than students. It is worth noting that, despite philologists' specialization in text analysis, they demonstrate a poorer comprehension of legal texts. This may be due to a lack of specialized legal education, the presence of unfamiliar specialized terminology in the text, and a general lack of legal education among the population.

Keywords: legal text, comprehension of legal texts, informant's social characteristics, survey, Labor Code of the Russian Federation.

For citation: Tsygul'skaya L. D. Understanding the text of the Labor Code of the Russian Federation by different social groups. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:61-66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-61-66>. EDN: CKOFHW

Введение

Проблема понимания юридических текстов обычными гражданами на протяжении последних десятилетий остается одной из ключевых в междисциплинарных исследованиях, находящихся на стыке лингвистики и права. В связи с этим можно отметить возросший интерес российских исследователей к изучению понимания юридических текстов (см., например: [Белов, Гулида 2019; Глазанова 2021; Руднева, Трощенко 2023; Шепелев 2023] и мн. др.).

В демократическом обществе, где принцип верховенства закона предполагает не только существование формальных норм, но и их реальную доступность для адресатов, ключевым требованием становится понятность языка законодателя. Необходимостью доступного изложения юридических норм для широкой аудитории связана с обеспечением гарантий прав граждан, стабильностью и предсказуемостью правоотношений, созданием доверительных отношений между субъектами права. Юридические документы остаются в значительной степени непонятны как для юристов, так и для обычных граждан [Martinez, Mollica, Gibson 2022, 2023].

Сложность текстов права проявляется в использовании архаизмов, канцеляризм, сложных синтаксических конструкций, пассивных конструкций и других стилистических средств, что дополнительно усложняет восприятие текста неспециалистами. Все это затрудняет однозначное понимание и может приводить к различным интерпретациям текста [Mellinkoff 1963; Solan 1993]. В то же время, фиксируется влияние социальных характеристик информантов на уровень понимания юридических текстов [Гулида 2016; Глазанова 2021].

Основная часть

Для изучения понимания юридического текста был проведен эксперимент, в котором информанты знакомились с отрывком из Трудового кодекса Российской Федерации и выполняли задание по этому тексту. В эксперименте участвовали 40 информантов-женщин. Выборка информантов была сбалансирована по факторам «специальность» (юристы и филологи) и «уровень образования» (студенты соответствующей специальности и специалисты, имеющие высшее образование соответствующего профиля и работающие по специальности).

Социальные группы по уровню образования коррелируют с возрастом информантов: все студенты – 19–24 года, все специалисты – 25–40 лет). Юристы и филологи были выбраны для исследования потому, что и те, и другие должны уметь работать с текстом, извлекать из него содержание, однако область текста ближе первой профессиональной группе. В качестве текста был выбран отрывок из Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), который включает описание основных положений о трудовой книжке. Приведем изучаемый отрывок текста.

Фрагмент из ТК РФ:

Трудовая книжка установленного образца является основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника.

Форма, порядок ведения и хранения трудовых книжек, а также порядок изготовления бланков трудовых книжек и обеспечения ими работодателей устанавливаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Работодатель (за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями) ведет трудовые книжки на каждого работника, проработавшего у него свыше пяти дней, в случае, когда работа у данного работодателя является для работника основной (за исключением случаев, если в соответствии с настоящим Кодексом, иным федеральным законом трудовая книжка на работника не ведется).

В трудовую книжку вносятся сведения о работнике, выполняемой им работе, переводах на другую постоянную работу и об увольнении работника, а также основания прекращения трудового договора и сведения о награждениях за успехи в работе. Сведения о взысканиях в трудовую книжку не вносятся, за исключением случаев, когда дисциплинарным взысканием является увольнение.

По желанию работника сведения о работе по совместительству вносятся в трудовую книжку по месту основной работы на основании документа, подтверждающего работу по совместительству.

Часть шестая утратила силу.

Задание к тексту включало восемь вопросов, направленных на оценку степени понимания текста; вопросы были сформулированы на литературном языке без использования юридических терминов. Информанты выбирали ответы из закрытого списка. Ниже приведены вопросы к тексту.

1. Как называется основной документ о трудовой деятельности и трудовом стаже?
2. Кто дал полномочия Минтруда России утвердить форму трудовых книжек?
3. Должен ли был работодатель завести трудовую книжку работнику по основному месту работы, который проработал пять дней?
4. Записываются ли по общему правилу в трудовую книжку сведения о дисциплинарных взысканиях?
5. Какое дисциплинарное взыскание записывается в трудовую книжку?
6. Записываются ли сведения о работе по совместительству в трудовую книжку?
7. Кто вносит сведения о работе по совместительству в трудовую книжку?
8. Если человек работает у самозанятого, оформят ли ему трудовую книжку?

В результате анкетирования было получено и проанализировано 320 ответов информантов на вопросы по содержанию текста. Рассмотрим ответы, данные информантами с учетом факторов «уровень образования» и «специальность» (4 группы по 10 человек).

На первый вопрос относительно текста ТК РФ правильный ответ – «трудовая книжка» – дали 10 студентов-юристов (100,0 % информантов), 10 специалистов-юристов (100,0 %), 8 студентов-филологов (80,0 %) и 9 специалистов-филологов (90,0 %). При этом ответ «трудовой договор» дали 2 студента филолога (20,0 %) и 1 специалист-филолог (10,0 %), ответы «служебный контракт» и «должностная инструкция» не выбрал никто из информантов. Неправильно ответили на данный вопрос 20,0 % студентов-филологов и 10,0 % специалистов-филологов; студенты-юристы и специалисты-юристы неправильных ответов не дали.

На второй вопрос правильный ответ – «Правительство» – дали 9 студентов-юристов (90,0 % информантов), 9 специалистов-юристов (90,0 %), 7 студентов-филологов (70,0 %) и 6 специалистов-филологов (60,0 %). При этом ответ «Министерство труда и социальной защиты» дали 1 студент-юрист (10,0%), 1 специалист-юрист (10,0 %), 3 студента филолога (30,0 %) и 4 специалиста-филолога (40,0 %), ответы «Министерство социального развития» и «Президент» не выбрал никто из информантов. Неправильно ответили на данный вопрос 10,0 % студентов-юристов, 10,0 % специалистов-юристов, 30,0 % студентов-филологов и 40,0 % специалистов-филологов.

На третий вопрос правильный ответ – «нет» – дали 4 студента юриста (40,0 % информантов), 3 специалиста-юриста (30,0 %), 3 студента филолога (30,0 %) и 2 специалиста-филолога (20,0 %). При этом ответ «да» дали 6 студентов-юристов (60,0 %), 7 специалистов-юристов (70,0 %), 7 студентов-филологов (70,0 %) и 8 специалистов-филологов (80,0 %), ответы «по желанию работника» и «на усмотрение работодателя» не выбрал никто из информантов. Неправильно ответили на данный вопрос 60,0 % студентов-юристов, 70,0 % специалистов-юристов, 70,0 % студентов-филологов и 80,0 % специалистов-филологов.

На четвертый вопрос правильный ответ – «нет» – дали 6 студентов-юристов (60,0 % информантов), 9 специалистов-юристов (90,0 %), 7 студентов-филологов (70,0 %) и 6 специалистов-филологов (60,0 %). При этом ответ «да» дали 4 студента юриста (40,0 % информантов), 3 студента филолога (30,0 %) и 3 специалиста-филолога (30,0 %), ответ «на усмотрение работодателя» – 1 специалист-юрист (10,0 %), 1 студент-филолог (10,0 %) и 1 специалист-филолог (10,0 %), ответ «по желанию работника» не выбрал никто из информантов. Неправильно ответили на данный вопрос 40,0 % студентов-юристов, 10,0 % специалистов-юристов, 30,0 % студентов-филологов и 40,0 % специалистов-филологов.

На пятый вопрос правильный ответ – «увольнение» – дали 9 студентов-юристов (90,0 % информантов), 10 специалистов-юристов (100,0 %), 9 студентов-филологов (90,0 %) и 8 специалистов-филологов (80,0 %). При этом ответ «выговор» дали 1 студент-юрист (90,0 %) и 2 специалиста-филолога (20,0 %), ответ «замечание» – 1 студент-юрист, ответ «строгий выговор» не выбрал никто из информантов. Неправильно ответили на данный вопрос 10,0 % студентов-юристов, 10,0 % студентов-филологов и 20,0 % специалистов-филологов; специалисты-юристы неправильных ответов не дали.

На шестой вопрос правильный ответ – «по желанию работника» – дали 5 студентов-юристов (50,0 % информантов), 6 специалистов-юристов (60,0 %), 7 студентов-филологов (70,0 %) и 7 специалистов-филологов (70,0 %). При этом ответ «да» дали 4 студента юриста (40,0 %), 3 специалиста-юриста (30,0 %), 1 студент-филолог (10,0 %) и 2 специалиста-филолога (20,0 %), ответ «на усмотрение работодателя» – 1 специалист-юрист (10,0 %), 2 студента филолога (20,0 %) и 1 специалист-филолог (10,0 %), ответ «нет» – 1 студент-юрист (10,0 %). Неправильно ответили на данный вопрос 50,0 % студентов-юристов, 40,0 % специалистов-юристов, 30,0 % студентов-филологов и 30,0 % специалистов-филологов.

На седьмой вопрос правильный ответ – «работодатель по месту основной работы» – дали 10 студентов-юристов (100,0 % информантов), 8 специалистов-юристов (80,0 %), 7 студентов-филологов (70,0 %) и 7 специалистов-филологов (70,0 %). При этом ответ «работодатель, где работник работает по совместительству» дали 1 специалист-юрист (10,0 %), 1 студент-филолог (10,0 %) и 2 специалиста-филолога (20,0 %), ответ «работодатель по выбору работника» – 1 специалист-юрист (10,0 %), 2 студента филолога (20,0 %) и 1 специалист-филолог (10,0 %), ответ «оба работодателя» не выбрал никто из информантов. Неправильно ответили на данный вопрос 20,0 % специалистов-юристов, 30,0 % студентов-филологов и 30,0 % специалистов-филологов; студенты-юристы неправильных ответов не дали.

На восьмой вопрос правильный ответ – «нет» – дали 10 студентов-юристов (100,0 % информантов), 8 специалистов-юристов (80,0 %), 4 студента филолога (40,0 %) и 8 специалистов-филологов (80,0 %). При этом ответ «да» дали 1 специалист-юрист (10,0 %), 2 студента филолога (20,0 %) и 1 специалист-филолог (10,0 %), ответ «по желанию работника» – 1 специалист-юрист (10,0%), 2 студента филолога (20,0 %) и 1 специалист-

филолог (10,0 %), ответ «на усмотрение работодателя» – 2 студента филолога (20,0 %). Неправильно ответили на данный вопрос 20,0% специалистов-юристов, 60,0 % студентов-филологов и 20,0 % специалистов-филологов; студенты-юристы неправильных ответов не дали. Итак, информантам легче всего было ответить на первый вопрос. Так по 100,0 % правильных ответов у студентов-юристов и специалистов-юристов, 90,0 % – у специалистов-филологов и 80,0 % – у студентов-филологов. Наибольшую сложность вызвал шестой вопрос: 50,0 % правильных ответов у студентов-юристов, 60,0 % – у специалистов-юристов, по 70,0 % – у студентов-филологов и специалистов-филологов. Правильные ответы на вопросы по данному тексту дают специалисты-юристы (83,8 %) и студенты-юристы (81,3 %); специалисты-филологи (73,8 %) и студенты-филологи (70,0 %) реже отвечают правильно.

Таким образом, группа специалистов-юристов продемонстрировала наиболее высокий уровень понимания предложенного отрывка юридического текста. Они существенно реже давали неправильные ответы по сравнению с остальными группами информантов. Группа студентов-юристов показала стопроцентную точность ответов на три из заданных вопросов, а группа специалистов-юристов – на два. Филологи обеих групп, особенно студенты-филологи, хуже ответили на вопросы по этому тексту, чем юристы.

Выводы

Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что уровень понимания юридического текста зависит от таких социальных характеристик информантов, как «уровень образования» и «специальность». В частности, фактор «специальность» оказывает существенное влияние на уровень понимания юридических текстов представителями разных социальных групп. Юристы демонстрируют явное преимущество перед филологами, поскольку они легче воспринимают правовые категории и точнее их интерпретируют. При этом даже внутри одной профессии наблюдаются различия: опытные профессионалы реже совершают ошибки по сравнению со студентами. На понимание юридического текста также оказал влияние фактор «уровень образования».

В целом, результаты группы «специалисты» оказались лучше, чем у группы «студенты», хотя различия не являются критическими. При этом студенты-юристы демонстрируют лучший уровень понимания текста по сравнению со студентами-филологами.

Таким образом, оба исследованных фактора – как по отдельности, так и в их взаимодействии – влияют на понимание юридического текста. Худшее понимание юридических текстов филологами может быть обусловлено отсутствием профильного юридического образования, наличием незнакомой специальной терминологии в тексте и в целом недостатком правового просвещения среди населения.

Список литературы

1. Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов : сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. № 15. С. 56–103. DOI: 10.30842/alp2306573715104 EDN: KVDJFL
2. Глазанова Е. В. Студентка vs водитель в возрасте, или почему никто не любит читать официальные документы // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 76–85. EDN: GUYMDF
3. Гулида В. Б. Социоллингвистическая проблематика официальных документов // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 4. С. 112–125. EDN: XXBWZZ
4. Руднева Е. А., Трощенко Е. В. Проблема понятности юридических документов в контексте профессиональной идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 25–35. DOI: 10.17223/15617793/489/3 EDN: WNFVKJ
5. Шепелёв А. Н. Критика теории простого юридического языка // Право: история и современность. 2023. № 4. С. 408–414. DOI: 10.17277/pravo.2023.04.pp.408-414 EDN: AWZYEG
6. Martinez E., Mollica F., Gibson E. Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language // Cognition. 2022. No. 224. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35257980/> (дата обращения: 06.01.2026). DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105070 EDN: YCATEE
7. Martinez E., Mollica F., Gibson E. Even lawyers do not like legalese // Psychological and Cognitive Sciences. 2023. Vol. 120. No. 23. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37253008/> (дата обращения: 06.01.2026). DOI: 10.1073/pnas.2302672120 EDN: PEPYRV
8. Mellinkoff D. The Language of the Law. Little, Brown and Company, 1963. 544 p.
9. Solan L. M. The Language of Judges // University of Chicago Press, 1993. 218 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226767895.001.0001

Список источников

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.12.2001 № 197-FZ [Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of December 30, 2001 No. 197-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 07.01.2002, no. 1, part I, article. 3. EDN: JUSSTP

References

1. Belov S. A., Gulida V. B. Yazyk yuridicheskikh dokumentov: slozhnosti ponimaniya [The language of legal documents: difficulties in understanding]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, no. 15, pp. 56-103. DOI: 10.30842/alp2306573715104 EDN: KVDJFL (In Russ.).
2. Glazanova E. V. Studentka vs voditel' v vozraste, ili pochemu nikto ne lyubit chitat' oficial'nye dokumenty [Student vs. Elderly Driver, or Why Nobody Likes Reading Official Documents]. *Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic research]. 2021, no. 9, pp. 76-85. EDN: GUYMDF (In Russ.).
3. Gulida V. B. Sociolingvisticheskaya problematika oficial'nykh dokumentov [Sociolinguistic issues of official documents]. *Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and psycholinguistic research]. 2016, no. 4, pp. 112-125. EDN: XXBWZZ (In Russ.).
4. Rudneva E. A., Troshchenkova E. V. Problema ponyatnosti yuridicheskikh dokumentov v kontekste professional'noj identichnosti [The problem of legal document legibility in the context of professional identity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2023, no. 489, pp. 25-35. DOI: 10.17223/15617793/489/3 EDN: WNFVKJ (In Russ.).
5. Shepelyov A. N. Kritika teorii prostogo yuridicheskogo yazyka [Critique of the theory of plain legal language]. *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: history and modernity]. 2023, no. 4, pp. 408-414. DOI: 10.17277/pravo.2023.04.pp.408-414 EDN: AWZYEG (In Russ.).
6. Martinez E., Mollica F., Gibson E. Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language. *Cognition*. 2022, no. 224. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35257980/> (accessed: 06.01.2026). DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105070 EDN: YCATTE
7. Martinez E., Mollica F., Gibson E. Even lawyers do not like legalese. *Psychological and Cognitive Sciences*. 2023, vol. 120, no. 23. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37253008/> (accessed: 06.01.2026). DOI: 10.1073/pnas.2302672120 EDN: PEPYRV
8. Mellinkoff D. The Language of the Law. Little, Brown and Company, 1963, 544 p.
9. Solan L. M. The Language of Judges. *University of Chicago Press*. 1993, 218 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226767895.001.0001

List of sources

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.12.2001 № 197-FZ // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii* ot 07.01.2002 № 1 (chast' I) st. 3. EDN: JUSSTP

Информация об авторе

Л. Д. Цыгульская – аспирант, кафедра теоретического, прикладного и восточного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

L. D. Tsygul'skaya – Postgraduate Student, Department of Theoretical, Applied and Oriental Linguistics, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 67–72.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 67-72.

Научная статья

УДК 81'27

EDN: BQIAFF

doi:10.17072/2587-6589-2026-2-67-72

<https://elibrary.ru/bqiaff>

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

Анна Михайловна Исакова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
annisakova18@mail.com

Аннотация. В статье на материале наименований, значимых для языкового сознания студентов-филологов, исследуется социальный портрет человека. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения языкового сознания молодого поколения как индикатора социальных изменений и ценностных ориентаций. Наименования человека, бытующие в сознании молодежи, отражают социальные стереотипы носителей языка, иерархию значимых категорий и отношение к нормативности речи. Эмпирической базой послужили материалы онлайн-анкетирования 56 информантов, целью которого было выявление используемых и знакомых респондентам наименований человека, характеризующих его по профессии и занятиям, социальному статусу, межличностным отношениям, социальным ролям, материальному положению и другим параметрам. В результате анкетирования было получено и проанализировано 897 реакций, после нормализации было выявлено 286 уникальных лексем. В статье представлены результаты частотного анализа и лексико-семантической классификации, а также проанализирована традиционная асимметрия в терминах родства, наименованиях по полу и профессии. На основе семантического анализа все наименования были распределены на семь групп: «Профессии, род занятий» (47,7 %), «Родство и семейные отношения» (19,1 %), «Социальная стратификация» (13,6 %), «Межличностные отношения» (9,5 %), «Характер и личностные качества» (5,5 %), «Половозрастные характеристики» (3,0 %), «Идеология, религия, мировоззрение» (1,5 %).

Ключевые слова: языковое сознание, наименования человека, частотный анализ, лексико-семантическая группа, социальная стратификация.

Для цитирования: Исакова А. М. Социальный портрет человека в языковом сознании студента-филолога // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 67–72. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-67-72>. EDN: BQIAFF

Original article

THE SOCIAL PORTRAIT OF A PERSON IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF PHILOLOGY STUDENTS

Anna M. Isakova

Perm State University, Perm, Russia, annisakova18@mail.com

Abstract. Based on names that are relevant to the linguistic consciousness of philology students, this article examines the social portrait of a person. The study is motivated by the need to investigate the linguistic consciousness of the younger generation as an indicator of social changes and value orientations. Names of people prevalent among young people reflect social stereotypes of language speakers, the hierarchy of salient categories, and attitudes toward speech normativity. The empirical basis consists of materials from an online survey of 56 informants, aimed at identifying names of people that are used and familiar to respondents and that characterize a person by profession and occupations, social status, interpersonal relationships, social roles, material conditions, and other parameters. The survey yielded 897

responses, which were analyzed; after normalization, 286 unique lexemes were identified. The article presents the results of frequency analysis and lexicosemantic classification and examines the traditional asymmetry in kinship terms, as well as in gender- and profession-based designations. Based on semantic analysis, all names were distributed across seven groups: "Professions and Occupations" (47.7 %), "Kinship and Family Relationships" (19.1 %), "Social Stratification" (13.6 %), "Interpersonal Relationships" (9.5%), "Character and Personal Qualities" (5.5 %), "Gender and Age Characteristics" (3.0 %), and "Ideology, Religion, Worldview" (1.5 %).

Keywords: linguistic consciousness, person nominations, frequency analysis, lexico-semantic group, social stratification.

For citation: Isakova A. M. The social portrait of a person in the linguistic consciousness of philology students. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:67-72. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-67-72>. EDN: BQIAFF

Введение

Наименования человека – одна из наиболее показательных групп в типологии лингвистических номинаций, поскольку отражает социальную структуру, ценностные ориентации и межличностные приоритеты носителей языка. В данной работе термины *наименование* и *номинация* используются в статическом аспекте в качестве синонимов, «обозначая результат, само наименование», а не процесс [Гак 1977: 232]. Человек как центральный объект номинации закономерно привлекает особое внимание исследователей: именно наименования лиц демонстрируют наибольшее разнообразие. «Потенциальная вариативность речевых номинаций одного объекта... особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности» [Арутюнова 1977: 308]. Выбор конкретной номинации человека зависит от социального статуса говорящего, его групповой принадлежности и от воспринимаемого статуса субъекта номинации [Карасик 2002]. Социальные роли могут быть предписанными (пол, возраст, родство) и достигаемыми (профессия, имущественное положение, социальный статус). Лексемы, обозначающие человека, не только фиксируют объективные характеристики, но и выражают оценку, эмоциональное отношение, а также маркируют принадлежность к определенной социальной группе. Особый интерес представляет языковое сознание молодого поколения, прежде всего, студентов, находящихся в переходном возрасте и активно примеряющих на себя новые социальные роли. В работах отечественных лингвистов представлены результаты активного изучения наименований человека. Среди них – описания и категоризация наименований лиц по роду профессиональной деятельности [Воронцова 1982; Голованова 2008; Моисеев 1968; Шкатова 1984]; анализ глагольных производных со значением деятеля [Шмелева 1984]; исследования агентивных существительных с суффиксами *-тель*, *-арь*, *-ар*, *-ак*, *-ач* [Богданова 1980; Кабанова 1972]; изучение экспрессивно-оценочных номинаций лиц [Долгов 1984; Умненко 1981]; работы о структурно-стилистических аспектах употребления наименований лиц и их роли в коммуникативном процессе [Арутюнова 1977]; а также исследования лексико-семантических групп наименований лиц [Уфимцева 1962]. Целью настоящего исследования является рассмотрение наименований человека, бытующих в сознании студентов-филологов первого курса. Для реализации этой цели были выделены тематические группы и проведен частотный анализ соответствующих лексем.

Основная часть

Для сбора лексем – наименований человека – было проведено онлайн-анкетирование. В эксперименте участвовали 56 студентов первого курса бакалавриата, обучающихся по направлениям «Филология», «Педагогическое образование» и «Лингвистика», из которых 7 мужчин и 49 женщин; возраст – от 17 до 19 лет. Подавляющее большинство информантов – жители Перми; также в выборку вошли студенты из Санкт-Петербурга и Ижевска. В настоящей статье социальные характеристики информантов не учитываются – анализ сосредоточен только на общей картине номинаций человека. Информантам предлагалось назвать 15–20 существительных – наименований человека, отражающих его социальные характеристики. В инструкции к анкете уточнялось, что допустимы существительные,

относящиеся к литературному и нелитературному языку (разговорная речь, сленг, жаргон, просторечие, в том числе грубое и бранное); ответы могут содержать как положительно оцениваемые характеристики, так и отрицательно (как социально одобряемые, так и осуждаемые); не использоваться информантами лично. Несмотря на это, многие респонденты нарушили требуемое в инструкции количество единиц, что может быть связано с несколькими факторами: высокой когнитивной нагрузкой при необходимости вспомнить 15–20 слов, недостаточной мотивацией к точному выполнению задания, ограниченным словарным запасом в данной сфере, опасением подобрать неуместные варианты, спешкой при заполнении анкеты. Обработка полученных данных проводилась следующим образом: сначала различные формы слова приводились к форме, наиболее часто встречающейся в ответах (*любовник, любовники* → *любовник*), а также к нормативной орфографии (*блогер, блоггер* → *блогер*); затем после нормализации из общего числа реакций – 897 было выявлено 286 уникальных единиц.

Семантические группы номинаций человека

Полученные от информантов номинации человека по социальной характеристике были объединены в следующие группы: 1) родство и семейные отношения; 2) профессии, род занятий; 3) социальная стратификация; 4) межличностные отношения; 5) половозрастные характеристики; 6) характер и личностные качества; 7) идеология, религия, мировоззрение. Некоторые наименования вошли сразу в несколько групп. Так, лексема *ребенок* была включена и в «Родство и семейные отношения», и в «Половозрастные характеристики». Частотный анализ показал, что самой объемной по количеству реакций оказалась группа «Профессии, род занятий» (см. Рис. 1). Как видно из Рисунка 1, распределение реакций информантов по лексико-семантическим группам происходит неравномерно. Почти половина всех полученных наименований человека (47,7 %) связана с профессиональной деятельностью. Наиболее частотны лексемы из областей: образование и наука – *учитель* (22), *студент* (16), *ученик* (9), *преподаватель* (6), *профессор* (4); управление, бизнес – *руководитель* (9), *директор* (7), *президент* (8), *предприниматель* (6), *бизнесмен* (4); искусство и культура – *художник* (10), *актер* (6), *писатель* (5), *музыкант* (6), *певец* (4); медицина – *врач* (14), *доктор* (4); строительство – *строитель* (7), *инженер* (6), *сварщик* (4); сфера услуг и торговля – *продавец* (7), *парикмахер* (4), *охранник* (4); транспорт – *водитель* (7), *таксист* (4); медиа – *блогер* (5), *журналист* (4); военное дело – *военный* (3), *воин* (2), *танкист* (2); право – *юрист* (5); экономика – *бухгалтер* (4).

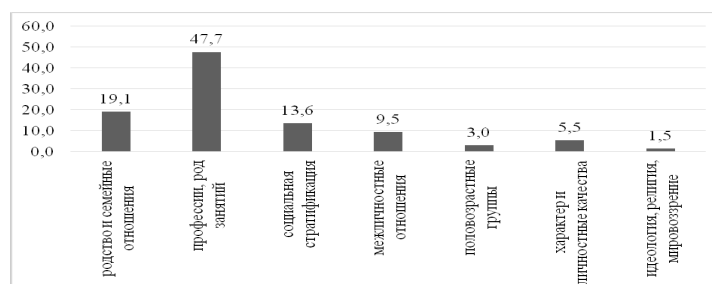

Рисунок 1. Объемы семантических групп названий человека, %

Преобладание наименований человека по профессии и роду деятельности связано с тем, что все респонденты – студенты первого курса, которые находятся на этапе профессионального самоопределения, когда выбор профессии особенно актуален. Высокая частотность лексемы *учитель* может быть связана с двумя факторами: во-первых, студенты недавно окончили школу, где учитель – центральная фигура; во-вторых, лексема *учитель* имеет широкую семантику и может обозначать не только профессию, но и наставника или авторитет. Второй по частотности стала группа наименований, связанных с родственными отношениями и семейными ролями (19,1 %). В группу вошли не только базовые – *отец* (14), *мать* (13), *муж* (12), *сын* (12), *брат* (12), *жена* (11), *дочь* (11), *сестра* (8), но и периферийные – *свекровь* (4), *невестка* (2), *деверь* (2) и др.; а также уменьшительно-ласкательные формы – *мама* (9), *бабушка* (8), *дедушка* (7) *папа* (5). Это свидетельствует о

том, что система терминов родства не редуцируется до ядерных элементов, студенты знают и используют даже те термины, которые в реальной речи встречаются редко. Интересна симметрия терминов родства: номинации представлены полными парами: *отец – мать, муж – жена, сын – дочь, брат – сестра, дедушка – бабушка, дядя – тетя*. Это отличает лексемы данной группы от лексем группы «Профессии, род занятий», где варианты наименований женских профессий встречаются реже.

Группа «Социальная стратификация» (13,6 %) представлена двумя почти равными по объему подгруппами: номинации человека с высоким достатком – *богач* (19), *миллионер* (6), *мажор* (4), *олигарх* (2) и номинации человека с низким достатком – *бедняк* (18), *бомж* (8), *нищий* (4), *люмпен* (4), *маргинал* (4), *бродяга* (3), *нищеврод* (1). При этом отсутствуют нейтральные номинации человека среднего достатка. Это говорит о биполярном восприятии социальной структуры: в сознании студентов общество разделено на *богатых* и *бедных*, без промежуточных градаций. Большинство лексем этой группы имеют ярко выраженную коннотацию: условно положительную – *богач, миллионер* или, чаще, отрицательную – *бомж, нищеврод, бродяга, изгой* и др. Наименования с отрицательной коннотацией формируют целый пласт лексем, связанных с отвержением, исключением из общества. Это может быть связано с тем, что информантам важна негативная маркировка «чужих», «выпадающих» из привычного общественного порядка.

Интересна группа «Межличностные отношения» (9,5 %), включающая одну из самых частотных лексем *друг* (21). Это демонстрирует, что категория дружбы является одной из центральных в языковом сознании студентов. Для молодых людей дружеские связи могут быть более значимы, чем семейные. Наименования, вошедшие в данную группу, представлены оппозицией «свой» – «чужой»: *друг* (21), *подруга* (7), *коллега* (6), *партнер* (5); *товарищ* (5), *приятель* (4), *знакомый* (3), *враг* (6), *конкурент* (2), *лжец* (2), *предатель* (1). Группа включает как литературные (*товарищ, приятель, коллега*), так и жаргонные номинации (*кореш, друган, кент, ЛПика, браток*). Это указывает на то, что межличностные отношения описываются в разных регистрах – от формального до фамильярного.

Среди наименований человека в группе «Характер и личностные качества» (5,5 %) можно назвать следующие лексемы обозначающие внутренние свойства человека, черты характера, интеллектуальные способности и качества, важные для успешной профессиональной деятельности: *лидер* (5), *профессионал* (5); *трудоголик* (4), представлены также единичные реакции: *гений, тихоня, умник, самодостаточный, интроверт, экстраверт*. В данной группе почти нет слов, оценивающих человека с моральной точки зрения, за исключением лексемы *лжец*, которая была отнесена также к группе «Межличностные отношения». Это может указывать на то, что моральные качества в сознании студентов не являются самостоятельной категорией, а рассматриваются через призму социальных отношений. Как уже отмечалось, лексемы *профессионал* и *специалист* находятся на границе между группами «Профессии, род занятий» и «Характер и личностные качества». Их отнесение к характеру может быть спорным, но в контексте номинаций человека они чаще обозначают именно качество (высокий уровень мастерства), а не профессию как таковую.

Обобщенные половозрастные наименования – *женщина* (6), *мужчина* (5), *девушка* (4), *пенсионер* (7), *ребенок* (5), и др. занимают лишь 3 % от общего количества реакций. Это указывает на то, что в обыденном сознании человек воспринимается не как абстрактный носитель пола или возраста, а как носитель конкретной социальной роли (чей-то отец, чей-то муж, представитель определенной профессии). В данной группе, как и в группе «Родство и семейные отношения», соблюдается полная симметрия наименований по полу: *мужчина – женщина, мальчик – девочка, парень – девушка*. Это отличает половозрастную лексику от профессиональной, где асимметрия сохраняется. Низкая доля половозрастных номинаций может быть связана с тем, что инструкция опроса ориентировала студентов на социальные характеристики, но не запрещала любые другие. Однако даже при отсутствии ограничений студенты почти не использовали эти общие категории, что подтверждает их периферийный статус.

Самой низкочастотной оказалась группа «Идеология, религия, мировоззрение» (1,5 %). В нее вошли единичные лексемы *христианин, священнослужитель, оккультист, сектант, экстремист, революционер*. Низкая представленность наименований человека, связанных с идеологией и религией может объясняться рядом причин: в современном российском обществе эти сферы не являются актуальными для молодежи; студенты сознательно избегают этих тем в опросе, не желая демонстрировать свои взгляды; инструкция опроса могла неявно направлять мысль в сторону социально-экономических, а не мировоззренческих категорий.

Заключение

В сознании студентов-филологов первого курса наименования человека организуются в семь лексико-семантических групп: «Родство и семейные отношения», «Профессии, род занятий», «Социальная стратификация», «Межличностные отношения», «Половозрастные характеристики», «Характер и личностные качества», «Идеология, религия, мировоззрение». Такая структура подтверждает многомерный характер языковых наименований лиц и их связь с социальными ролями. Распределение наименований человека по лексико-семантическим группам характеризуется значительной неравномерностью. Три крупнейшие группы – «Профессии, род занятий», «Родство и семейные отношения» и «Социальная стратификация» – в сумме составляют 80,4 % всей лексики. Остальные четыре группы «Межличностные отношения», «Характер и личностные качества», «Половозрастные группы», «Идеология, религия, мировоззрение» занимают периферийное положение, составляя в сумме менее 20%.

Симметрия пар чётко проявляется в двух группах: «Родство и семейные отношения» (*отец – мать, муж – жена, сын – дочь* и др.), «Половозрастные характеристики» (*мужчина – женщина, мальчик – девочка, парень – девушка*). В отличие от них, группа «Профессии, род занятий» асимметрична: женские варианты профессий встречаются значительно реже. Наибольшее количество негативных коннотаций сосредоточено в группе «Социальная стратификация». Здесь доминируют наименования с подчеркнуто отрицательной оценкой: *бомж, нищелюб, бродяга, люмпен, маргинал, изгой, нищий*. Даже лексемы *богач, миллионер* могут приобретать коннотацию осуждения или зависти. В других группах частотные лексемы с положительной или нейтральной коннотацией (*учитель, друг, студент, врач, отец*) отражают как недавний школьный опыт информантов, так и широкие семантические значения отдельных наименований (*учитель* как наставник, авторитет). Противопоставление социальных ролей наиболее выражено в группе «Межличностные отношения», где реализуется оппозиция «свой – чужой»: *друг, подруга, товарищ, приятель, коллега, партнер* против *враг, конкурент, предатель, лжец*. Эта же тенденция прослеживается в группе «Социальная стратификация» через биполярное деление общества на «богатых» и «бедных» без промежуточных градаций.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева; АН СССР, Институт языкознания. М. : Наука, 1977. С. 304–357.
2. Богданова С. С. Агентивные существительные с суффиксом -тель в русском литературном языке : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1980. 22 с.
3. Воронцова В. Л. Наименования лиц по профессии // Способы номинации в современном русском языке / отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М. : Наука, 1982. С. 254–270.
4. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева; АН СССР, Институт языкознания. М. : Наука, 1977. С. 230–293.
5. Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: формирование, развитие, статус в языке. АН СССР, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, Челябинский гос. ун-т. М. : ЭЛПИС, 2008. 302 с. ISBN: 5-902872-25-2 EDN: QTXUFV
6. Долгов И. А. Образование суффиксальных эмоционально-оценочных наименований лица в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 209 с. EDN: NPEVLZ
7. Кабанова Н. П. Суффиксальные имена существительные со значением лица в современном русском языке в сопоставлении с данными других славянских языков : дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 155 с.

8. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP
9. Моисеев А. И. Наименования лиц по профессии в современном русском языке : автореф.... д-ра филол. наук. Л., 1968. 43 с.
10. Умненко Н. С. Имена существительные с суффиксами – аг(а), – уг(а), – ыг(а) в русском языке (Структурно-семантический анализ и стилистическая характеристика) : автореф. канд. филол. наук. М., 1981. 20 с.
11. Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // Вопросы языкознания. 1962. № 4. С. 36–45.
12. Шкатова Л. А. Развитие ономазиологических структур: на примере наименования лиц по профессии в русском языке. Иркутск : Иркутский университет, 1984. 152 с. EDN: TASZOD
13. Шмелева Е. Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ) : автореф. канд. филол. наук. М., 1984. 24 с.

References

1. Arutyunova N. D. Nominaciya i tekst [Nomination and text]. *Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij* [Language nomination. Types of names]. AN SSSR, Institut yazykoznaniya, Moscow, Nauka, 1977, pp. 304-357. (In Russ.).
2. Bogdanova S. S. Agentivnye sushchestvitel'nye s suffiksom -tel' v russkom literaturnom yazyke [Agentive nouns with the suffix -tel in the Russian literary language]. PhD dissertation abstract. Moscow, 1980, 22 p. (In Russ.).
3. Voroncova V. L. Naimenovaniya lic po professii [Names of persons by profession]. *Sposoby nominacii v sovremennom russkom yazyke* [Methods of nomination in modern Russian]. AN SSSR, In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, Moscow, Nauka, 1982, pp. 254-270. (In Russ.).
4. Gak V. G. K tipologii lingvisticheskikh nominacij [Towards a typology of linguistic nominations]. *Yazykovaya nominaciya. Obshchie voprosy* [Language nomination. General questions]. AN SSSR, Institut yazykoznaniya, Moscow, Nauka, 1977, pp. 230-293. (In Russ.).
5. Golovanova E. I. Kategoriya professional'nogo deyatelya: formirovanie, razvitie, status v yazyke [The category of professional figure: formation, development, status in the language]. AN SSSR, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, Moscow, EHLPI, 2008 302 p. ISBN: 5-902872-25-2 EDN: QTXUFV (In Russ.).
6. Dolgov I. A. Obrazovanie suffiksial'nyh ehmocional'no-ocenochnykh naimenovanij lic v sovremennom russkom yazyke [Formation of suffixal emotional-evaluative names of a person in modern Russian]. PhD thesis, Kiev, 1984, 209 p. EDN: NPEVLZ (In Russ.).
7. Kabanova N. P. Suffiksial'nye imena sushchestvitel'nye so znacheniem lic v sovremennom russkom yazyke v sopostavlenii s dannymi drugih slavyanskikh yazykov [Suffixal nouns with the meaning of person in modern Russian in comparison with data from other Slavic languages]. PhD thesis, Moscow, 1972. 155 p. (In Russ.).
8. Karasik V. I. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002, 477 p. ISBN: 5-88234-552-2 EDN: UGQAMP (In Russ.).
9. Moiseev A. I. Naimenovaniya lic po professii v sovremennom russkom yazyke [Professions of persons in modern Russian]. Doctoral dissertation abstract. Leningrad, 1968, 43 p. (In Russ.).
10. Umnenkova N. S. Imena sushchestvitel'nye s suffiksami -ag(a), -ug(a), -yg(a) v russkom yazyke (strukturno-semanticeskij analiz i stilisticheskaya harakteristika) [Nouns with the suffixes -ag(a), -ug(a), -yg(a) in the Russian language (Structural-semantic analysis and stylistic characteristics)]. PhD dissertation abstract, Moscow, 1981, 20 p. (In Russ.).
11. Ufimceva A. A. K voprosu o leksiko-semanticeskoy sisteme yazyka [On the issue of the lexical-semantic system of language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1962, no. 4, pp. 36-45. (In Russ.).
12. Shkatova L. A. Razvitie onomasiologicheskikh struktur : na primere naimenovaniya lic po professii v russkom yazyke [The development of onomasiological structures: the example of the designation of persons by profession in the Russian language]. Irkutsk, Irkutskij universitet, 1984, 152 p. EDN: TASZOD (In Russ.).
13. Shmeleva E. Ya. Nazvaniya proizvoditelya dejstviya v sovremennom russkom yazyke (slovoobrazovatel'no-semanticeskij analiz) [Names of the producer of the action in modern Russian (word-formation and semantic analysis)]. PhD dissertation abstract, Moscow, 1984, 24 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. М. Исакова – аспирант, кафедра теоретического, прикладного и восточного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

A. M. Isakova – Postgraduate Student, Department of Theoretical, Applied and Oriental Linguistics, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 05.03.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 20.04.2026.

The article was submitted 05.03.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 73–85.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 73–85.

Научная статья
УДК 821.161.1(091):1
EDN: CBTAIA
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-73-85

<https://elibrary.ru/cbtaia>

ЧЕТЫРЕ БЛАГОРОДНЫЕ ИСТИНЫ ДЛЯ «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»: ОПЫТ БУДДИСТСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА М. ГОРЬКОГО

Алексей Владимирович Лесевицкий¹, Евгений Владиславович Ляхин²

¹ Пермский филиал Финансового университета, Пермь, Россия, lesev100@mail.ru

² Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. Д. Н. Прянишникова, Пермь, Россия, Evgeny102@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление типологических соответствий между художественным миром романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и ключевыми элементами буддийской философии. В статье анализируется, как фундаментальные понятия буддизма – Четыре благородные истины, учение о страдании (дуккха), бессущности «Я» (анатман), пустоте (шуньята) и круговороте сансары – имплицитно отражаются в психологическом портрете главного героя и других персонажей. В центре внимания – феномен абсентеизма Самгина как формы дистанцирования от «сансарического» мира страстей и реализация концепции пустоты в его расколоте противоречиями сознания. На основе сравнительно-типологического и герменевтического методов исследования последовательно рассматриваются универсальный характер страдания (дуккхи), проблема угасания желаний, фрагментарное проявление элементов Восьмеричного пути, а также эпизод с картиной И. Босха как момент прозрения героем сансарической природы реальности. Научная новизна работы заключается в системном анализе итогового романа Горького сквозь призму буддийской философии, что позволяет расширить традиционное социально-историческое или экзистенциальное прочтение текста. В результате исследования установлено, что, не являясь последователем буддизма, Горький создал произведение, обнаруживающее глубокое типологическое родство с восточной мыслью.

Ключевые слова: буддизм, философия, М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», абсентеизм, шуньята, сансара, дуккха, анатман, экзистенциализм.

Для цитирования: Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Четыре благородные истины для «лишнего человека»: опыт буддистского прочтения последнего романа М. Горького // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 73–85. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-73-85>. EDN: CBTAIA

Original article

THE FOUR NOBLE TRUTHS FOR THE «SUPERFLUOUS MAN»: AN ATTEMPT AT A BUDDHIST READING OF MAXIM GORKY'S FINAL NOVEL

Alexey V. Lesevitsky¹, Evgeny V. Lyakhin²

¹ Perm Branch of the Financial University, Perm, Russia, lesev100@mail.ru

² Perm State Agro-Technological University named after D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia,
Evgeny102@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to identify typological correspondences between the artistic universe of M. Gorky's novel «The Life of Klim Samgin» and the key concepts of Buddhist philosophy. The article analyzes how fundamental Buddhist ideas – the Four Noble Truths, the doctrine of suffering (dukkha), the non-self (anatman), emptiness (shunyata), and the cycle of samsara – are implicitly reflected in the psychological portrait of the protagonist and other characters. The focus is on Samgin's absenteeism as a form of distancing from the «samsaric» world of passions and the implementation of the concept of emptiness in his fragmented consciousness. Based on comparative typological and hermeneutic methods, the study consistently examines the universal nature of suffering (dukkha), the problem of the extinction of desires, the fragmentary manifestation of elements of the Eightfold Path, and the episode with H. Bosch's painting as a moment of the hero's insight into the samsaric nature of reality. The scientific novelty lies in the first systematic analysis of Gorky's final novel through the prism of Buddhist philosophy, which allows us to move beyond the traditional socio-historical or existential reading of the text. The results show that, without being a conscious follower of Buddhism, Gorky created a work whose artistic fabric reveals a deep typological kinship with Eastern thought. It is demonstrated that Samgin's absenteeism represents not only a social or psychological trait, but also an ontological alienation in the stream of being.

Keywords: Buddhism, philosophy, Maxim Gorky, «The Life of Klim Samgin», absenteeism, shunyata, samsara, dukkha, anatman, existentialism.

For citation: Lesevitsky A. V., Lyakhin E. V. The four noble truths for the «superfluous man»: an attempt at a buddhist reading of Maxim Gorky's final novel. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:73-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-73-85>. EDN: CBTAIA

Введение

Философская глубина итогового романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина» продолжает привлекать исследователей, открывая возможность для межкультурных и междисциплинарных прочтений. Творчество М. Горького, традиционно рассматриваемое в контексте социально-исторического дискурса, все чаще становится объектом изучения с точки зрения экзистенциальной и философской проблематики [Лесевицкий 2024]. Исследователи отмечают новаторский характер психологизма писателя и его внимание к «бездонному» внутреннему миру личности [Колобаева 1990].

В данной статье предпринимается попытка анализа этого монументального произведения через призму философии буддизма. Несмотря на известный скепсис М. Горького по отношению к восточным религиям, документально подтверждено, что писатель проявлял к ним неподдельный интерес, о чем свидетельствуют пометы на книгах о буддизме в его личной библиотеке [Шуган 2018]. Его пристальное внимание к проблемам страдания, отчуждения, иллюзорности социальных проектов и природы человеческого «Я» обнаруживает поразительные параллели с базовыми концепциями буддийской мысли [Бурмистров 2019; Торчинов 2025]. Целью работы является не констатация прямого влияния буддизма на М. Горького, а выявление продуктивных точек соприкосновения, позволяющих глубже раскрыть идейно-художественный универсум романа. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать феномен абсентеизма главного героя как формы дистанцирования от сансары [Бутузова, Солина 2022]; исследовать концепцию пустоты (шуньяты) в изображении его внутреннего мира [Янгутов 2016; Щербатской 1988]; рассмотреть буддийское понимание страдания (дуккхи) на примере различных персонажей [Лифинцева 2015]; выявить связь экзистенциальной проблематики романа с восточной философией [Торчинов 2025; Лепехов 2022].

Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительно-типологического и герменевтического анализа. Такой ракурс позволяет интерпретировать «Жизнь Клима Самгина» не только как социально-историческую эпопею, но и как масштабное философское исследование экзистенциального сознания в условиях кризиса метафизических оснований. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современной гуманитарной науки к междисциплинарному диалогу и интегративному осмыслению феноменов культуры. Обращение к буддийской оптике позволяет высветить новые грани в классическом тексте русской литературы и включить его в контекст масштабного философского дискурса о природе страдания и путях освобождения от него.

Основная часть

В своем последнем романе М. Горький, на наш взгляд, блестяще реализовал методологию полифонизма [Крюкова, Куликова 2018; Лесевицкий 2025]. Его итоговое произведение можно рассматривать с позиций самых разноплановых мировоззренческих паттернов. В рамках данного исследования предпринята попытка анализа «романа-завещания» А. М. Пешкова «Жизнь Клима Самгина» сквозь идеологическую призму философии буддизма. Стоит отметить, что русский литератор испытывал к этой восточной религии неподдельный интерес: «Судя по пометам на книгах о буддизме А. Введенского, О. Ковалевского, Г. Ольденберга, Ф. Щербатского, хранящихся в личной библиотеке Горького, писателя интересовали не отдельные детали, а сущность этого учения в целом, так как оно оказалось важным для идейно-эстетических устремлений писателя» [Шуган 2018: 591]. Однако стоит заметить, что своеобразный «буревестник» достаточно критически относился к этой восточной религии, отмечая некую инертность ее представителей, их самоизгнание из рамок бурной динамики исторического процесса. Но, с другой стороны, несмотря на внешнее непринятие данной религии, в творчестве Горького можно найти много черт, роднящих его творческий универсум с буддизмом [Иванов 2021]. Прежде чем перейти к основной теме нашего исследования, необходимо сделать важную ремарку. Известно, что в рамках буддийской практики существует большое количество школ и направлений, нередко с противоречащими друг другу концептуальными подходами. Но в данной публикации мы будем опираться именно на философию буддизма, то есть на некие общие мировоззренческие константы, которые признаются большинством направлений этой восточной религии [Урбанаева 2015]. Каким же образом М. Горький описывает детерминирующее влияние сансарического мира на личность? Какова философская глубина концепции пустоты в психологическом профиле Клима Самгина? В чем секрет абсентеистской бездеятельности главного героя книги?

По нашему мнению, М. Горький в своем итоговом произведении поднимает множество вопросов, характерных для философии экзистенциализма: проблему отчуждения человека от мира, четкое осознание глубины его падения, тему обезличивающего влияния социума на личность, проблему поиска человеком смысла собственного существования и т. д. Нам представляется, что существует достаточно глубокая диалектическая связь между экзистенциализмом и философией буддизма в аспекте пристального внимания к внутреннему миру личности: «Мир буддийской космологии – это психокосм, т. е. мир, уже отраженный в сознании человека и таким образом включенный в его сознание или, точнее, в образующий его дхармический поток, ставший как бы частью того, что можно назвать личностью» [Торчинов 2025: 54–55]. Горький посвятил анализу бездонного психологического мира своего главного героя значительную часть общего объема рукописи.

Стоит отметить, что русский писатель транслирует идеи, достаточно близкие к буддийской философии, имплицитно; они как бы закодированы в художественной ткани романа. Можно утверждать, что внутренний мир Клима Самгина в некоторых аспектах схож с картиной мироздания, описанной в философии буддизма, но, разумеется, не сливается с ней полностью. В психокосме главного героя книги мы можем обнаружить латентное отражение некоторых Благородных Истин [Урбанаева, Лощенков 2023]. Первая Благородная Истина, сформулированная Буддой, гласит: «Всё есть страдание (дуккха)». Подобно самому бытию, страдание безначально и неизменно сопровождает все его проявления. Можно с уверенностью утверждать, что Горький в «Жизни Клима Самгина» раскрыл данный феномен с потрясающей философской глубиной, ибо разные формы страданий испытывают все герои произведения [Горшенин 2025].

С одной стороны, это могут быть мучения, обусловленные бурной динамикой исторического процесса, детерминирующим воздействием внешней социальной среды на личность. Максим Горький в романе блестяще описывает нарастающий процесс движения России к социалистической революции октября 1917 года, радикальной смены общественно-экономического уклада, многовековых устоявшихся форм общественного сознания. Совершенно очевидно, что в новом коммунистическом социуме привилегированные классы, экзистенцию которых столь тонко описал автор «Жизни Клима Самгина», обречены на разные трагические формы мук, обусловленные глобальной сменой социально-экономической и

исторической судьбы государства. С другой стороны, страдают и иные герои последнего романа А. М. Пешкова, но не только по причинам глобальных изменений исторического универсума, но и по причинам собственного трагического восприятия сансарического мира. Это утверждение охватывает не только явные формы боли и горя, но и более тонкие – неудовлетворенность, разочарование, тревогу, саму подверженность бытия непостоянству. Клим Самгин является, пожалуй, самым глубоким и последовательным носителем осознания этой истины среди всех персонажей романа. Если другие герои страдают от конкретных неудовлетворенных желаний (власть, богатство, слава, идеал всеобщего равенства), то страдание Самгина фундаментальнее и тотальнее. Он страдает от самого факта существования в «сансарическом» мире, от его абсурдной условности и бессмысленной динамики. Его дуккха – это экзистенциальная тоска [Горшенин 2025], ощущение «неуместности» в бытии, постоянный фоновый дискомфорт от соприкосновения с реальностью, которую он воспринимает как иллюзорную и враждебную: «Уродливость быта и капризная разнузданность психики объясняли Самгину его раздор с действительностью» [Горький 1979: 13, 288]. Он видит страдание не как личную трагедию, а как универсальный закон, пронизывающий все формы жизни и социальные проекты. Его рефлексия постоянно фиксирует моменты разочарования, краха надежд, мучительной связанности других персонажей с их страстями. Таким образом, Самгин не просто испытывает страдание – он возводит его в ранг мировоззренческого принципа.

Как писал один из авторитетных современных исследователей буддизма: «Вторая Благородная Истина – истина о причине страдания. Эта причина – влечения, желания, привязанность к жизни в самом широком смысле, воля к жизни, как сказал бы увлекавшийся буддизмом и другими индийскими учениями А. Шопенгауэр» [Торчинов 2025: 30]. В художественной ткани романа мы видим описание процесса поглощения личности сансарическим миром, ее эмоционального вовлечения в универсум.

Большинство персонажей романа ощущают давление некоей обезличенной демонической силы, сопротивляться которой у человека нет возможности. Личность, помимо ее осмысленной воли, вброшена в кругооборот сансары, где обречена на муки, порожденные нашими желаниями. Любовница главного героя книги произносит: «– Какая-то таинственная сила бросает человека в этот мир беззащитным, без разума и речи, затем, в юности, оторвав душу его от плоти, делает ее бессильной зрительницей мучительных страстей тела. Потом этот дьявол заражает человека болезненными пороками, а истерзав его, долго держит в позоре старости, все еще не угашая в нем жажду любви, не лишая памяти о прошлом, об искорках счастья, на минуты, обманно сверкавших пред ним, не позволяя забыть о пережитом горе, мучая завистью к радостям юных. Наконец, как бы отомстив человеку за то, что он осмелился жить, безжалостная сила умерщвляет его. Какой смысл в этом? Куда исчезает та странная сущность, которую мы называем душою?» [Горький 1979: 11, 210].

Описанные Нехаевой «мучительные страсти тела» в юности являются в буддизме классическим проявлением жажды чувственных удовольствий. Эта жажда поработачивает душу («делает ее бессильной зрительницей»), заставляя человека вновь и вновь стремиться к мимолетным наслаждениям, которые не могут дать постоянного удовлетворения. «Болезненные пороки», о которых говорит Нехаева, в буддизме объясняются тремя коренными ядами ума: неведением, привязанностью и отвращением, которые питают друг друга. Страдания старости и угасания, описанные в данном фрагменте Нехаевой, – это прямое следствие жажды существования, которая цепко держит человека за бытие, даже когда она приносит лишь боль. То, что героиня называет мучительной «завистью к радостям юных», есть не что иное, как проявление всё той же жажды желаний, которая не находит удовлетворения в настоящем и потому оглядывается на прошлое. Память об «искорках счастья», которая не дает покоя, в буддизме является иллюзией, удерживающей ум в сансаре, в круговороте бесконечных рождений и смертей. Риторический вопрос любовницы Клим Самгина «Какой смысл в этом?» отражает ее крайнюю степень экзистенциальной фрустрации, которую Будда считал отправной точкой для духовных поисков. Стоит отметить, что Нехаева, в полном соответствии с буддийской философией, называет и главную побуждающую силу, порождающую страдания, – появление демона желаний и разнообразных страстей: «Желание делает нас здешними, преодолеешь желание – и ты ниоткуда, можно не завидовать ни святому, ни призраку» [Чоран

2002: 98]. Любовница Самгина, Нехаева, своими вопросами о смысле бытия и жалобами на «таинственную силу» напрямую артикулирует экзистенциальный ужас перед безличной сансарой. Ее слова – это чистый голос страдания-дуккхи, лишенный интеллектуальных наслоений. Другой яркий пример – актриса и певица Телепнева, чья «жажда» успеха и обожания делает ее идеальной иллюстрацией Второй Благородной Истины. Ее страдание проистекает из привязанности к собственной красоте, славе, мимолетным удовольствиям, что обрекает ее на постоянную зависимость от внешнего мира и мнения других. В отличие от Самгина, который несколько дистанцируется от желаний, героини (Нехаева, Телепнева) часто оказываются полностью поглощены ими, что делает их страдания более явными и драматичными. Через них Горький показывает универсальность закона страдания: он действует независимо от пола, социального положения или типа ума. Если Самгин страдает от «пустоты» и отсутствия желаний, то женские персонажи страдают от их избытка. Этот контраст позволяет Горькому создать объемную картину человеческой дуккхи, где абсентеизм предстает лишь одной из возможных, хотя и парадоксальной, реакций на фундаментальную неудовлетворительность бытия. Женские судьбы в романе становятся живым воплощением сансарического круговорота в его личностно-эмоциональном измерении. Третья Благородная Истина буддизма гласит, что есть путь избавления от страданий. Личность должна путем длительной духовной практики пытаться достигнуть нирваны [Родичева 2019]. Максим Горький в своем романе имплицитно задается вопросом: способна ли личность полностью погасить пламя желаний и достичь нирваны?

В романе М. Горького можно обнаружить определенные приближения к этому состоянию, пусть даже частичные и незавершенные. Клим Самгин на протяжении всего повествования демонстрирует постепенное угасание привязанностей к миру, что в буддийской перспективе можно рассматривать как начальную стадию отрешения. Его знаменитая фраза о том, что он «самый трезвый человек в России», указывает на принципиальный отказ от самообмана, которым живут окружающие, – а это есть первый шаг к прекращению страдания, ибо иллюзии суть пища для жажды существования. Самгин не позволяет себе увлекаться политическими страстями и абсурдными с его точки зрения карьерными устремлениями – он сознательно сокращает поле своих желаний, несколько приближаясь к буддийскому идеалу непривязанности. Его рефлексивная отстраненность, которую в советской историографии принято критиковать как недостаток, в буддийской оптике может быть осмыслена как зачаток правильной созерцательности, отделяющей наблюдателя от потока переживаний. Когда Самгин говорит, что иногда просыпается утром и думает, что напрасно проснулся, это не только симптом депрессии, но и свидетельство глубокого отвращения к сансаре, которое в буддизме считается необходимым условием для вступления на путь освобождения. Купец Лютов также демонстрирует близость к Третьей истине через свое мучительное осознание чуждости собственной сословной среде: он не чувствует «внутренней связи» с купечеством, не обладает необходимой «зоологичностью» – это значит, что жажда обладания и накопления, движущая его социальным сословием, в нем уже угасает. Его признание, что он чувствует себя «жертвой, приносимой историей себе самой за грехи отцов», указывает на готовность принять страдание как искупление, что приближает его к буддийскому пониманию кармической ответственности. Добровольный уход купца Лютова из жизни, при всей его трагичности и ошибочности, может быть истолкован как отчаянная попытка полного прекращения страдания, предпринятая человеком, не знающим иных путей к нирване, кроме тотального отрицания существования. Земской врач Макаров, переживший экзистенциальный кризис, после него приходит к новому пониманию жизни – это момент, близкий к буддийскому «обращению», когда страдание становится отправной точкой для духовной трансформации [Лифинцева 2015]. Нехаева, одержимая страхом смерти и одновременно латентным влечением к ней, воплощает буддийское учение о двух формах жажды – жажде существования и жажде несуществования, которые суть две стороны одной медали сансарического универсума. Самгин в разговоре с Макаровым прямо формулирует буддийскую по духу мысль: «люди выдумывают себя, чтобы подсластить горькую мысль о бесцельности жизни» – это прозрение некой иллюзорности эго, которое в буддизме считается ключом к освобождению.

Важно понимать, что Третья истина в романе является скорее горизонтом, к которому тянутся персонажи, неким запредельным состоянием, но само это тяготение доказывает их близость к буддийскому пониманию возможности освобождения. Горький показывает людей, которые интуитивно чувствуют, что страдание можно прекратить, но не знают как, и потому их попытки часто принимают уродливые или трагические формы. Самгин в финале оказывается в ситуации полного краха всех иллюзий – это момент, который в буддийской практике считается благоприятным для пробуждения, если человек способен правильно им распорядиться. Открытый финал романа оставляет возможность для духовного преобразования героя, которое могло бы последовать за разрушением его эгоцентрической сущности. Таким образом, несмотря на то что ни один персонаж не достигает подлинной нирваны, все они в разной степени приближаются к порогу Третьей Истины, обнаруживая в своем страдании семена возможного освобождения.

Четвертая Благородная Истина указывает конкретный путь прекращения страдания – Восьмеричный благородный путь, и в романе Горького можно обнаружить отдельные элементы этого пути, рассредоточенные между разными персонажами, хотя ни один не следует ему всецело. Правильное воззрение, предполагающее понимание четырех истин, в наибольшей степени присутствует у Самгина. Правильное намерение, требующее развития доброжелательности и отказа от привязанностей, можно усмотреть в отношении купца Лютова к рабочим – он не рассматривает их как объект безжалостной эксплуатации, не чувствует в себе «зоологичности» настоящего капиталиста, что несколько приближает его к буддийской этике ненасилия. Буддийский концепт правильной речи в романе представлен несколько парадоксальным образом: Самгин часто молчит, отказываясь от пустых и абсурдных разговоров, и в этом молчании можно увидеть зачаток религиозной сдержанности в слове. Правильная осознанность, возможно, тоже наиболее развита у Самгина: его постоянное самонаблюдение, фиксация мельчайших движений собственной души есть форма внимательности, хотя и искаженная радикальным эгоцентризмом. Когда Самгин наблюдает за Кутузовым, испытывающим экзистенциальную боль, и пытается понять «ту силу, которая заставляет его жить волчьей жизнью бродяги», он практикует вовлеченное созерцание другого человека с попыткой понимания его внутреннего мира. В диалогах персонажей постоянно обсуждаются вопросы смысла жизни, назначения человека, природы страдания – это само по себе свидетельствует о наличии правильного буддийского воззрения в латентной форме, ибо они уже поставили те вопросы, с которых начинается путь онтологического освобождения.

Важно понимать, что Восьмеричный путь в романе предстает не как реализованная программа, а как своеобразные «рассыпанные фрагменты», которые персонажи интуитивно нащупывают в своих духовных исканиях. Горький показывает героев, которые, не зная прямо буддийского учения, эмпирически приближаются к его отдельным положениям, потому что страдание универсально и пути его преодоления также универсальны. Даже добровольный уход из жизни Лютова может быть истолкован как трагически искаженная и ошибочная попытка реализовать Третью истину без опоры на Четвертую – стремление прервать страдание, не пройдя путь его верного понимания и осознания. Таким образом, на наш взгляд, персонажи романа обнаруживают некую опосредованную близость к Четвертой Истине не в сложной полноте ее духовного осуществления, а в интуитивном движении к тем принципам, которые эта истина постулирует в рамках мировоззрения. Их духовные искания, даже когда они заканчиваются катастрофой и крушением, подтверждают, что потребность в пути метафизического освобождения заложена в самой природе любой личности, страдающей в сансарическом универсуме [Лесевцкий 2024].

Нам представляется, что во внутреннем мире Самгина мы видим некоторые элементы буддийской философии помимо отношения к четырем Благородным Истинам. Мировоззрение Клима фундаментальным образом отличается от взгляда на универсум иных героев горьковского романа, воспринимающих мир как реальный. Поскольку универсум в рамках данной религии предстает в форме иллюзии, то в нем нет ничего реального, следовательно, все недалековидные планы его преобразования обречены на тотальный провал [Щербатской 1988]. Самгин благодаря своему мировоззренческому скептицизму далек от подобных иллюзий о глобальном переустройстве универсума. Благодаря многомерному полифоническому

внутреннему миру Клим дистанцирован от сансарической реальности, в которой невозможно ставить цели и активно идти к ним, участвовать в бурной динамике социальной действительности. Это сближает его с некоторыми постулатами буддийской практики.

В отличие от большинства иных героев книги, Самгин практически лишен вождения, одержимости чем-либо. Его мировоззренческий скептицизм продуцирует осторожное дистанцирование от сансарического мира перманентного страдания и сближает его с некоторыми аспектами буддийской философии. Самгин не может быть очарован какой-либо идеей, ибо осознает, что все желания, связывающие его с этим иллюзорным миром, бесплодны. По мнению главного действующего лица романа, в универсуме нет ничего, что могло бы порождать вовлеченность в сансарический кругооборот бытия. По этой причине отстраненная холодность Самгина имеет некоторое буддийское значение, безусловно, не осознаваемое героем. В Климе отсутствует тотальная привязанность к материальному миру, в котором все непрочно. Более того, именно дистанцирование от сансарического универсума позволяет сохранить жизнь как можно большему количеству живых существ, ибо «без палки мяча идет он по жизни». Поясним наш тезис. Один из крупнейших мыслителей-скептиков XX века, погруженный в буддийскую философию, писал: «Когда прикоснешься к этой – предельной – истине, то неуютно чувствуешь себя в истории, где намешано множество ложных, одинаково напористых и, разумеется, одинаково иллюзорных истин. Прозревшие, пробужденные неминуемо оказываются немощными и не могут участвовать в событиях, ибо заранее знают, что все это пустая суета» [Чоран 2002:139].

В романе М. Горького содержится латентный анализ метафизического противостояния двух картин мира: европейской (бурной динамики) и восточной (созерцания универсума). Компаративистский анализ психологических профилей марксиста Степана Кутузова и Самгина позволяет утверждать, что между ними разверзается мировоззренческая и миропроектная пропасть. Клим утратил бесплодные иллюзии и надежду на преобразование сансарического кругооборота истории. Напротив, Степан воспринимает универсум как управляемую систему, подвластную железной воле фанатично преданных некой великой идее людей, лишенных метафизики вдумчивого безучастного созерцания. Демон желания, вовлеченность в колесо сансары не позволяют Кутузову быть безучастным наблюдателем свершающейся исторической драмы России, судьбоносной борьбы труда и капитала, двух мировоззренческих проектов. Одержимость идеями определенного типа заставляет его действовать, быть активным, пытаться строить новый мир, грезить о нем, а главное – отвечать на насилие насилием, на ненависть – ненавистью. В диалоге с Климом Кутузов произносит: «– Наивный вопросец, Самгин, – сказал он уговаривающим тоном. – Зачем же прекращаться арестам? Ежели вы противоборствуете власти, так не отказывайтесь посидеть, изредка, в каталажке, отдохнуть от полезных трудов ваших. А затем, когда трудами вашими совершится революция, – вы сами будете сажать в каталажки разных граждан» [Горький 1979:12: 41]. Согласно глубокой философии буддизма, излишняя «зачарованность» любой идеей приводит к разрушению гармонии, эскалации озлобленности и насилия. Из огромного континуума героев итогового романа Горького, одержимых «демонами» своих желаний, Самгин демонстрирует удивительную и непонятную многим дистанцированную невовлеченность. Его психосфера – своеобразное метафизическое зеркало мира, которое отражает, но ничего не желает или желает очень мало: «Суть в том, что я не могу найти в жизни точку, которая притягивала бы меня всего целиком» [Горький 1979:13:153]. Клим не видит в «адовой суматохе» предреволюционной России ничего, что могло бы породить у него подлинную увлеченность, страсть, некий волевой порыв. В абсурдном мире нет для него никаких знаков, откровений, смыслов, глобальных и локальных проектов: «В огромном большинстве люди – это невежды, поглощенные простецким делом питания, размножения и накопления собственности, над массой этих людей и в самой массе шевелятся люди, которые, приняв и освоив ту или иную систему фраз, именуют себя консерваторами, либералами, социалистами. Они раскалываются на бесчисленное количество группочек – народники, толстовцы, анархисты и так далее, но это, не украшая их, делает еще более мелкими, менее интересными. Включить себя в любой ряд таких людей, принять их догматику – это значит ограничить свободу своей мысли» [Горький 1979:13:153]. Именно осознание (или смутное ощущение) данного факта делает Самгина более близким к буддийской традиции, чем иных героев книги.

Органическая неспособность Самгина быть одержимым сторонником любого мировоззренческого концепта, любой абстрактной теоретической схемы позволяет ему избежать кровопролития, его руки не обагрены кровью: «И все же каждый раз, когда оглядываешь всю картину, неизменно приходят на ум слова из «Махабхараты»: «Нельзя развязать узел Судьбы, ничто в этом мире не зависит от наших поступков»» [Чоран 2002:146]. Но понимания этой буддийской истины лишены иные герои книги. Кто принес меньше зла в универсум? Активно с оружием в руках свергающий самодержавие Степан Кутузов или сторонний наблюдатель данного абсурдного сансарического процесса Клим Самгин?

На наш взгляд, истоки его дистанцированного безразличия к универсуму кроются в полифоническом, расколотом «Я» персонажа, во внутреннем мире которого одновременно существует несколько субличностей [Лесевитский 2024]. Каким же образом Самгин может участвовать в бурной динамике исторического процесса, если осознает ложную и иллюзорную сущность любых проектов его преображения? Нам представляется, что Самгин, в отличие от многих одержимых страстями героев романа, мировоззренчески находится несколько ближе всех к пониманию философии нирваны, созерцательного бесстрастия бытия, когда иссякают все аффекты и вовлеченность в мир, ибо одержимость ими питает людские страдания. Но можно ли достигнуть тотального бесстрастия живому человеку?

Общеизвестно, что на мировоззрение раннего Горького существенное влияние оказала философия Фридриха Ницше. Фраза немецкого мыслителя о том, что «Бог умер», является своеобразным метафизическим лейтмотивом романа «Жизнь Клима Самгина». Значительное количество персонажей итогового произведения А. М. Пешкова повторяют в той или иной форме изречения автора книги «Так говорил Заратустра»: «Главное, голубчик мой, в том, что бога нет, – бормотал поручик, – понимаете, нет бога... Не по Вольтеру или по этому, как его... ну, черт с ним, я говорю – бога нет» [Горький 1979:14:436].

Стоит отметить, что данный факт сближает художественный универсум романа-завещания именно с буддийской духовной традицией, которую некоторые исследователи позиционируют как своеобразную религию без Бога, где его всемогущество ставится под некое сомнение. Как отмечается в работе Е. А. Торчинова: «Но буддизм не является теистическим учением, в нем нет места понятию «Бог», и поэтому карма понимается буддистами не как некое возмездие или воздаяние со стороны Бога или богов, а как абсолютно объективный базовый закон существования» [Торчинов 2025:33]. Онтологическая драма большинства героев заключается в том, что они утратили своеобразную метафизическую точку опоры и вынуждены выстраивать «жизненный проект» (Ж.-П. Сартр) самостоятельно, без божественного откровения, что делает их мировоззренческую позицию близкой к буддийской духовной практике.

Нам представляется, что Самгин, пожалуй, ярче других героев книги осознал декадентскую сущность иллюзорного мира. В данном аспекте необходимо проанализировать восприятие Климом картины великого художника-психотика эпохи Северного Возрождения Иеронима Босха, которую он лицезрел в одном из музеев Западной Европы. На наш взгляд, полотно является своеобразным художественным воплощением сансарического мира как хаоса ложных, иллюзорных сущностей, гротескным отображением парада одержимостей: «Он встал, пошел дальше, взволнованно повторяя стихи, остановился пред темноватым квадратом, по которому в хаотическом беспорядке разбросаны были странные фигуры фантастически смешанных форм: человеческое соединялось с птичьим и звериным, треугольник, с лицом, вписанным в него, шел на двух ногах. Произвол художника разорвал, разъединил знакомое существующее на части и комически дерзко связал эти части в невозможное, уродливое» [Горький 1979:14:11].

На наш взгляд, Горький в художественном универсуме романа посредством специфики восприятия картины И. Босха главным героем раскрыл сущность «адовой суматохи» сансарического мира. Самгин созерцает разрушительные последствия желаний человека: чревоугодия, похоти, алчности, ярости, которыми переполнен сансарический мир. Не увидел ли главный герой романа себя в образе святого Антония, с ужасом наблюдающего всю эту «адову суматоху» предреволюционной России?

Рефлексивное дистанцирование Самгина от окружающей действительности, обусловленное шизоидной акцентуацией его «Я», дает ему шанс увидеть сансарический мир вне его искаженного восприятия, ибо большинство героев последнего романа Горького

лишены этой возможности. На картине И. Босха изображены слепцы, не видящие всех ужасов существования в этом мире, их немота и невосприимчивость – причины духовного падения. Стоит заметить, что Самгин прекрасно осведомлен о негативной сущности универсума; он шокирован торжеством зла, порожденного демонами-желаниями человека. На полотне художника Самгин увидел извлеченное, наглядное напоминание о присутствии смерти, пронизывающем самую жизнь, когда цветущая, пышущая здоровьем плоть оборачивается деструкцией и распадом, а наслаждение теснейшим образом переплетено со страданием и муками. Один из крупных европейских знатоков буддийской философии писал: «Куда больше, чем скелет, нас удручает и тревожит плоть, то бишь прах. Буддийские монахи нередко предавались созерцанию разлагающихся трупов – есть ли лучшее средство укрепить в себе желание отрешиться от всего тленного! Ужас открывает дорогу к освобождению, вот почему во все времена сильной веры и самоуглубленности были в чести останки» [Чоран 2002:56–57]. Клим у полотна великого художника эпохи Северного Возрождения осознает, что все иллюзорно перед лицом греха, желаний и смерти. А потому экзальтированно цепляться за иллюзорный мир, в котором «в хаотическом беспорядке разбросаны странные фигуры фантастически смешанных форм», равноценно безумию.

И. Босх и буддийская мысль показывают, что существо само творит свой ад своими же деструктивными желаниями – сущностью своего сознания. Совершенно очевидно, что фаталистический дискурс проявляется в последнем романе Горького чрезвычайно рельефно. Стоит отметить, что проблема смерти является одной из основных в рамках философии буддизма [Торчинов 2025]. Уникальное психологическое качество стороннего наблюдателя, присущее главному герою романа, дает ему шанс не участвовать в эсхатологическом хаосе и принципиально дистанцироваться от мира, в котором «человеческое соединялось с птичьим и звериным». Флегматичная бесстрастность Самгина является потенциальным условием достижения им состояния просветления, сферы, лишенной диктата желаний. Самгин потрясен картиной И. Босха, потому что сам видит сансарический мир именно таким – деструктивным, разрушительным, лишенным духовных оснований. В рамках буддийской традиции умное дистанцирование от универсума является важнейшим фактором перехода к безмятежности нирваны.

Описание картины И. Босха в романе «Жизнь Клима Самгина» имеет глубокое художественное значение как литературно-философское воплощение сансарического видения универсума, включая его гносеологические и онтологические основания [Оляндэр 2023]. Сцена у картины И. Босха – ключевой момент «духовной биографии» главного героя, где экзистенциальный ужас перед сансарой достигает апогея, но не находит конструктивного метафизического выхода. Горький мастерски показывает, как эстетическое переживание искусства становится для персонажа формой психологического шока, обнажающего самые основы его мироощущения. Это переживание окончательно закрывает для Самгина возможность наивной веры в прогресс или многообразные социальные утопии, но, к сожалению, не открывает ему иного, трансцендентного горизонта.

У Горького было несколько альтернативных названий для своего итогового произведения, одно из них – «История пустой души». В контексте наших размышлений это крайне важная деталь, ибо концепт «шуньяты» (пустоты) является важнейшим элементом сложной и многогранной философии буддизма: «Если отвлечься от попыток дать точный эквивалент понятию «шунья» или «пустота» и взглянуть на него с точки зрения его содержания, то можно выделить в нем два основных аспекта, на которые уже обращалось внимание в самом начале. Первый аспект – это содержание пустоты в отношении к феноменальному миру, второй – в отношении к истинной реальности» [Янгутов 2016:123]. В рамках данной работы мы уже анализировали пустотность внешнего, сансарического мира, в который «вброшен» Самгин. Поэтому перейдем к рассмотрению проблемы «шуньяты» в рамках полифонического, психологического «Я» главного героя произведения. Классическая буддийская традиция отвергает гомогенное «Я» человеческой психики, представляя ее как расколотый, фрагментированный конгломерат множества независимых «дхарм» (или «психических факторов»), объединенных в одном теле. В этом смысле психологический универсум личности пустотен и предстает рециклирующим потоком восприятий, амбивалентных мыслей, ощущений, переживаний – без какого-либо твердого, неизменного, субстанциального, централизованного «Я» [Щербатской 1988].

Каким же образом главный герой книги демонстрирует некую пустотность своего внутреннего психологического мира? М. Горький пишет: «Клим Самгин не впервые представил, как в него извне механически вторгается множество острых, равноценных мыслей. Они – противоречивы, и необходимо отделить от них те, которые наиболее удобны ему. Но, когда он пробовал привести в порядок все, что слышал и читал, создать круг мнений, который служил бы ему щитом против насилия умников и в то же время с достаточной яркостью подчеркивал бы его личность, – это ему не удавалось. Он чувствовал, что в нем кружится медленный вихрь различных мнений, идей, теорий, но этот вихрь только расслабляет его, ничего не давая, не всасываясь в душу, в разум. Иногда его уже страшило это ощущение самого себя как пустоты, в которой непрерывно кипят слова и мысли, – кипят, но не согревают» [Горький 1979:11:306]. Горький в описании внутреннего мира Самгина сближается с буддийской традицией в аспекте отсутствия монолитного «Я». Его психологическую сферу главный герой ощущает как «расколотое Я» – некое психологическое пространство, где зарождаются и погибают чужие, навязанные извне мысли. Он – отстраненный наблюдатель данного феномена, лишенный возможности управлять этим процессом [Лесевицкий 2024]. Когда Клим размышляет о том, что мысли механически вторгаются извне и не всасываются в душу и разум, он неосознанно описывает буддийскую медитативную практику випассаны – не вовлеченного наблюдения за потоком мыслей и размышлений, когда медитирующий не должен отождествляться с ним, отсутствует разделение на «мое» и «чужое», а следует лицезреть их как существующие извне. Ибо привязанность к идеям, как внешним, так и собственным, мешает личности избавиться от страданий и достичь нирваны. С точки зрения буддийской традиции, страдания обусловлены попыткой обрести собственную идентичность, устойчивость, антипод пустотного «Я»-конструкта. Здесь уместно обратиться к школе Мадхьямака («Срединный путь»), основанной Нагарджуной, которая углубляет понимание шуньяты. Мадхьямака учит избегать крайностей как вечного существования (этернализма), так и полного несуществования (нигилизма). Реальность пуста от собственной независимой сущности, но это не значит, что она не существует условно. Самгин интуитивно улавливает нигилистический аспект пустоты: для него мир и его собственное «Я» лишены прочного смысла и субстанции. Однако, с другой стороны, он не способен длительно удерживаться на «срединном пути», признающем относительную, конвенциональную реальность явлений. Его восприятие застревает в негативной пустоте, которая пугает и парализует. Он видит «пустотность» как вакуум, как экзистенциальную опустошенность, а не как открытость и свободу от фиксированных концепций. Буддийская практика ведет к тому, чтобы, осознав пустоту, действовать в мире спонтанно и сострадательно, не привязываясь к конечным результатам. Самгин же, осознав (или почувствовав) пустоту, отказывается от какого-либо значимого действия вообще. Его путь – это не «срединный», а «абсентеистский» путь абсолютной внутренней и внешней иммобилизации. Горький гениально показывает тупик, в который может завести интуиция пустоты, не уравновешенная мудростью и сострадательной активностью. Стоит отметить, что буддийский концепт мадхьямаки предполагает критику любых догматических позиций – как тезиса, так и антитезиса, как крайностей. Просветленный мудрец должен придерживаться «среднего пути», нивелирующего как утверждение, так и его отрицание, что дает четкое понимание пустоты человеческого психокосмоса. На допросе после ареста Клим один из полковников, подробно изучивший дневниковые записи главного персонажа, удивленно изрек: «Вот вы пишете: «Двух станов не боец» – я не имею желаний быть даже и «случайным гостем» ни одного из них, – позиция совершенно невозможная в наше время!» [Горький 1979:12:191].

Но Самгина пугает данное состояние, он мучительно ищет выхода из состояния пустой души, обретения метафизической почвы подлинного бытия (М. Хайдеггер), хотя бы какой-то определенной сущности. Тогда как буддийская традиция предполагает путь осознанного принятия пустотности существования как высшей истинной свободы. В рамках буддизма путь освобождения от сансарического мира заключается не в обретении неделимого аутентичного «Я»-конструкта, как у экзистенциалистов, но в утрате привязанности к любому объекту как индивидуальному, личностному, имеющему некую сущность.

Финал романа и всей творческой эволюции Горького через призму буддийской философии открывает еще один важный пласт интерпретации. Если Самгин ощущает пустоту как некую экзистенциальную катастрофу, то сам М. Горький-художник, создавая этот грандиозный

полифонический мир, возможно, осуществлял иную, творческую форму метафизического «освобождения». Процесс письма, тотального, беспристрастного изображения «адовой суматохи» эпохи можно рассматривать как аналог практики осознанного самонаблюдения. Горький, подобно буддийскому мудрецу, не отождествляется полностью ни с одним из голосов персонажей своего романа, включая миропонимание Самгина. Его авторская позиция – это позиция высшего, всеобъемлющего, сострадательного, но беспристрастного сознания, которое позволяет всем явлениям (персонажам, идеям, страстям) возникнуть и проявить свою природу на страницах книги. В этом акте творческого непривязанного созидания, в этом «зеркальном» отражении целой эпохи, возможно, и заключался для Горького способ преодоления того тупика социального абсентеизма и страдания, который он так глубоко проанализировал в своем герое. Роман-эпопея становится не только диагнозом болезни века, но и своеобразной гигантской художественной медитацией, попыткой через художественную форму и полифонию обрести ту целостность и покой, которых был лишен его главный герой. Таким образом, «Жизнь Клима Самгина» – это и исследование духовного тупика, и на сверхсюжетном уровне, на уровне творческого акта, потенциальный выход из него.

Клима Самгина можно рассматривать как конечную, предельную точку в эволюции типа «лишнего человека» в русской литературе. Если Онегин и Печорин страдали от избытка нерастраченных сил и скуки, а герои Тургенева – от рефлексии и неспособности соединить слово с делом, то Самгин доводит эту линию до метафизического абсолюта. Его отчужденность – не социальная или психологическая, а онтологическая: он лишний для самого потока бытия, для сансары. Он окончательно теряет даже иллюзию возможности действия, которая еще теплилась у его литературных предшественников. Его абсентеизм – это итог вековой рефлексии русской либеральной интеллигенции, доведенной до логического конца, где всякая идея девальвируется тотальностью рефлексии, а любое действие представляется бессмысленным. Буддийская «оптика» позволяет увидеть в этой эволюции не только социально-исторический, но и духовный кризис: «лишний человек» превращается в «пустого человека», чье сознание отражает распад не только общественных связей, но и самой идеи целостной личности. Горький фиксирует момент, когда традиционный герой русской литературы, пройдя через все стадии критики и сомнения, оказывается на пороге совершенно иного, незападного понимания человека – как пустотного потока, лишённого субстанциального ядра. В этом смысле Самгин – фигура на стыке культур: он продукт русской литературной традиции, но его внутреннее устройство требует для своего анализа категорий восточной философии [Иванов 2021].

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» обладает значительным потенциалом для прочтения в ключе базовых философских интуиций буддизма. Фигура Клима Самгина, с его тотальным абсентеизмом, рефлексивной отстраненностью и «пустотным» расколотым сознанием, является своеобразным художественным воплощением человека, интуитивно прозревающего сансарическую природу мира: тщетность и иллюзорность проектов социального переустройства универсума. Однако это прозрение не становится для него путем к освобождению, а заводит в экзистенциальный тупик пассивности и отчаяния. Горький, мастерски используя полифоническую поэтику, создает художественный универсум, где все персонажи, включая активных деятелей, оказываются пленниками «демонов желания» и своих волевых порывов, что лишь подтверждает универсальность Первой и Второй Благородных Истин. Сопоставление с буддизмом позволяет высветить не только онтологическую «пустоту» Самгина, но и этическую проблематику его позиции, которая с точки зрения идеала сострадательной активности (бодхисаттвы) выглядит несостоятельной. Таким образом, роман Горького вступает в сложный диалог с восточной традицией: он заимствует ее диагностические инструменты для анализа кризиса европейского сознания и русской либеральной интеллигенции, но оставляет открытым вопрос о конструктивном выходе из этого кризиса, который в буддизме представлен Восьмеричным путем. «Жизнь Клима Самгина» предстает грандиозной художественной рефлексией о страдании и возможностях (или невозможностях) свободы от него в мире, утратившем твердые метафизические ориентиры.

Список литературы

1. Бурмистров С. Л. Логика второй части «Компендиума Абхидхармы» Асанги и структура буддийских практик // Идеи и Идеалы. 2019. Т. 11, № 4–1. С. 45–60. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-11-30 EDN: RUTACP
2. Бутузова И. В., Солина Е. А. Социально-философское осмысление проблемы партиципации и абсентеизма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 2(60). С. 112–121. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.075 EDN: QAJHNB
3. Горшенин М. Л. Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 3 (70). С. 60–66. DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.60-66 EDN: YDWFMH
4. Горький М. Собрание сочинений: в 16 томах. М.: Правда, 1979.
5. Иванов Н. Н. Мифологемы Востока в художественном сознании М. Горького // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 101–111. DOI: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-101-111 EDN: YBTOMR
6. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Московский государственный университет, 1990. 336 с.
7. Крюкова Н. Ф., Куликова А. Ю. Явление полифонии в художественном тексте как переводческая проблема (на материале отдельных глав романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Николаса Никльби») // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. 2018. № 2(31). С. 98–105. EDN: SEPQLQ
8. Лепехов С. Ю. Соотношение концепций Мадхьямаки и Йогачары в комментарии Нагарджуны «Бодхичиттавиварана» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, № 4. С. 502–513. DOI: 10.21638/spbu17.2022.416 EDN: XGSCST
9. Лесевидский А. В. Клим Самгин как метафизический двойник «подпольного человека» Ф. Достоевского // Вопросы литературы. 2025. № 2. С. 78–94. DOI: 10.31425/0042-8795-2025-2-78-94 EDN: JTWYEI
10. Лесевидский А. В. «Расколотое Я» Клим Самгина: исследование полифонического и монологического характеров // Нижневартковский филологический вестник. 2024. № 1. С. 55–69. DOI: 10.36906/2500-1795/24-1/06 EDN: OOUTJA
11. Лифинцева Т. П. «Забота» Хайдеггера, «бытие-для-себя» Сартра и буддийская духкха: онтология негативности // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 72–83. EDN: UCFQOH
12. Оляндэр Л. К. Психологическое поле и проблема когнитивного диссонанса в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина» // Максим Горький и мировая культура: сборник научных статей / под ред. Л. А. Спиридоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 596–606. DOI: 10.22455/978-5-9208-0693-2-596-606
13. Родичева И. С. Философия «пути освобождения»: шуньявада и даосизм // Идеи и Идеалы. 2019. Т. 11, № 2-1. С. 120–134. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-111-132 EDN: OXOKXM
14. Торчинов Е. А. Введение в буддизм: лекции. СПб.: Азбука, 2025. 352 с.
15. Урбанаева И. С., Лощенков А. В. Проблема систематизации буддийских учений и практик и стадийный подход // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 45. С. 139–145. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.45.139 EDN: CKTNST
16. Урбанаева И. С. Три уровня презентации Буддой учения о Четырех Благородных Истинах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2015. Т. 13. С. 214–223. EDN: UINOTZ
17. Чоран Э. После конца истории: философская эссеистика. СПб.: Симпозиум, 2002. 544 с.
18. Шуган О. В. «Золотой сон» и нирвана: отражение буддийских идей в пьесе М. Горького «На дне» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / Составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: РХГА, 2018. С. 590–601. EDN: KYMTFJ
19. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 425 с.
20. Янгутов Л. Е. Понятие пустоты в буддийской философии // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 3. С. 121–128. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-119-126 EDN: ZDODTN

References

1. Burmistrov S. L. Logika vtoroj chasti «Kompēdiuma Abhidharmy» Asangi i struktura buddijskih praktik [The Logic of the Second Part of Asanga's Abhidharma Compendium and the Structure of Buddhist Practices]. *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals]. 2019, vol. 11, no. 4-1, pp. 45-60. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-11-30 EDN: RUTACP (In Russ.).
2. Butuzova I. V., Solina E. A. Social'no-filosofskoe osmyslenie problemy participacii i absenteizma [Social and philosophical understanding of the problem of participation and absenteeism]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy]. 2022, no. 2(60), pp. 112-121. DOI: 10.26456/vtphilos/2022.2.075 EDN: QAJHNB (In Russ.).
3. Gorshenin M. L. Fenomen «russkoj toski» i ehkzistencial'nogo straha : sravnitel'nyj analiz konceptualizacij [The phenomenon of "Russian melancholy" and existential dread: a comparative analysis of conceptualizations]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik* [Kazan Social and Humanitarian Bulletin]. 2025, no. 3 (70), pp. 60-66. DOI: 10.26907/2079-5912.2025.3.60-66 EDN: YDWFMH (In Russ.).
4. Gor'kij M. Sbranie sochinenij [Collected Works]. Moscow, Pravda, 1979. (In Russ.).
5. Ivanov N. N. Mifologemy Vostoka v hudozhestvennom soznanii M. Gor'kogo [Mythologemes of the East in the artistic consciousness of M. Gorky]. *Mir russkogovoryashchih stran* [The world of Russian-speaking countries]. 2021, no. 4 (10), pp. 101-111. DOI: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-101-111 EDN: YBTOMR (In Russ.).
6. Kolobaeva L. A. Koncepciya lichnosti v russkoj literature rubezha XIX-XX vv. [The concept of personality in Russian literature at the turn of the 19th and 20th centuries]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1990, 336 p. (In Russ.).

7. Kryukova N. F., Kulikova A. Yu. Yavlenie polifonii v hudozhestvennom tekste kak perevodcheskaya problema (na materiale otдел'nyh глав romana Ch. Dikkensa «Zhizn' i priklyucheniya Nikolasa Nikl'bi») [The Phenomenon of Polyphony in Literary Texts as a Translation Problem (Based on Individual Chapters of Charles Dickens's The Life and Adventures of Nicholas Nickleby)]. *Teoriya i praktika lingvisticheskogo opisaniya razgovornoj rechi* [Theory and practice of linguistic description of colloquial speech]. 2018, no. 2(31), pp. 98-105. EDN: SEPKLQ (In Russ.).
8. Lepehov S. Yu. Sootnoshenie koncepcij Madh'yamaki i Jogachary v kommentarii Nagardzhuny «Bodhichittavivarana» [The Relationship between Madhyamaka and Yogacara Concepts in Nagarjuna's Commentary "Bodhicittavivarana"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology]. 2022, vol. 38, no. 4, pp. 502-513. DOI: 10.21638/spbu17.2022.416 EDN: XGSCTD (In Russ.).
9. Lesevickij A. V. Klim Samgin kak metafizicheskij dvojniki «podpol'nogo cheloveka» F. Dostoevskogo [Klim Samgin as the metaphysical double of F. Dostoevsky's "underground man"]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2025, no. 2, pp. 78-94. DOI: 10.31425/0042-8795-2025-2-78-94 EDN: JTWYEI (In Russ.).
10. Lesevickij A. V. «Raskolotoe Ya» Klima Samgina: issledovanie polifonicheskogo i monologicheskogo harakterov [Klim Samgin's "The Split Self": A Study of Polyphonic and Monologue Characters]. *Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik* [Nizhnevartovsk Philological Bulletin]. 2024, no. 1, pp. 55-69. DOI: 10.36906/2500-1795/24-1/06 EDN: OOUTJA (In Russ.).
11. Lifinceva T. P. «Zabota» Hajdeggera, «bytie-dlya-sebya» Sartra i buddijskaya dukkha: ontologiya negativnosti [Heidegger's "Care", Sartre's "Being-for-itself" and Buddhist Dukkha: An Ontology of Negativity]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2015, no. 8, pp. 72-83. EDN: UCFQOH (In Russ.).
12. Olyandehr L. K. Psihologicheskoe pole i problema kognitivnogo dissonansa v romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» [The psychological field and the problem of cognitive dissonance in M. Gorky's novel "The Life of Klim Samgin"]. *Maksim Gor'kij i mirovaya kul'tura* [Maxim Gorky and world culture]. Moscow, IMLI RAN, 2023, pp. 596-606. DOI: 10.22455/978-5-9208-0693-2-596-606 (In Russ.).
13. Rodicheva I. S. Filosofiya «puti osvobozhdeniya»: shun'yavada i daosizm [The Philosophy of the "Path of Liberation": Shun'yavada and Taoism]. *Idei i Idealy* [Ideas and Ideals]. 2019, vol. 11, no. 2-1, pp. 120-134. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.1-111-132 EDN: OXOKXM (In Russ.).
14. Torchinov E. A. Vvedenie v buddizm [Introduction to Buddhism]. Saint Petersburg, Azbuka, 2025, 352 p. (In Russ.).
15. Urbanaeva I. S., Loshchenkov A. V. Problema sistematizatsii buddijskikh uchenij i praktik i stadial'nyj podhod [The problem of systematization of Buddhist teachings and practices and the staged approach]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies]. 2023, vol. 45, pp. 139-145. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.45.139 EDN: CKTNST (In Russ.).
16. Urbanaeva I. S. Tri urovnya prezentatsii Buddoj ucheniya o Chetyreh Blagorodnyh Istinah [Three Levels of Buddha's Presentation of the Four Noble Truths]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies]. 2015, vol. 13, pp. 214-223. EDN: UINOTZ (In Russ.).
17. Choran Eh. Posle konca istorii: filosofskaya ehseistika [After the End of History: Philosophical Essays]. Saint Petersburg, Simpozium, 2002, 544 p. (In Russ.).
18. Shugan O. V. «Zolotoj son» i nirvana: otrazhenie buddijskikh idej v p'ese M. Gor'kogo «Na dne» [“Golden Dream” and Nirvana: Reflection of Buddhist Ideas in Gorky's Play “The Lower Depths”]. *Maksim Gor'kij: pro et contra, antologiya. Sovremennyy diskurs* [Maxim Gorky: Pro Et Contra, Anthology. Contemporary Discourse]. Saint Petersburg, RHGA, 2018, pp. 590-601. EDN: KYMTFJ (In Russ.).
19. Shcherbatskoj F. I. Izbrannye trudy po buddizmu [Selected Works on Buddhism]. Moscow, Nauka, 1988, 425 p. (In Russ.).
20. Yangutov L. E. Ponyatie pustoty v buddijskoj filosofii [The concept of emptiness in Buddhist philosophy]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2016, no. 3, pp. 121-128. DOI: 10.18101/1994-0866-2016-3-119-126 EDN: ZDOTDN (In Russ.).

Сведения об авторах

А. В. Лесевицкий – преподаватель, кафедра общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин, Пермский филиал Финансового университета;
Е. В. Ляхин – старший преподаватель, кафедра истории и философии, Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д. Н. Прянишникова.

Information about the authors

A. V. Lesevitsky – Lecturer, Department of General Education and Humanities and Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University;
E. V. Lyakhin – Senior Lecturer, Department of History and Philosophy, Perm State Agro-Technological University named after D. N. Pryanishnikov.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 25.03.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 25.03.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 86–92.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 86-92.

Научная статья

УДК 070

EDN: ITVDWD

doi:10.17072/2587-6589-2026-2-86-92

<https://elibrary.ru/itvdwd>

МЕДИА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕСБОРКИ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЛУЧАЙ АЛЕКСАНДРОВСКА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Елена Георгиевна Власова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
elena_vlasova@list.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена поиском эффективных медиастратегий для сохранения культурного наследия и формирования локальной идентичности в малых городах России, переживающих экономический спад и отток населения. Цель статьи – выявить и проанализировать новые подходы к презентации краеведческой информации, способствующие «пересборке» идентичности. Методологическую базу составляют концепции конструирования культурной памяти в СМИ (К. Ланг, Г. Ланг) и принципы «нового краеведения» (фокус на человеке, локальной идентичности, индустрии впечатлений). Материалом выступили медиа Александровска – одного из типичных уральских моногородов, переживающих кризис идентичности. Это районная газета «Боевой путь», портал ВАлексе и их страницы в соцсетях, а также локальные медиапроекты. Выводы: наиболее продуктивными инструментами становятся персонализация, сокращение дистанции с читателем, интерактивность и смена коммуникативной установки с вещания на осмысление и совместное действие. Помимо этого, необходима системная контент-стратегия, основанная на глубоком изучении историко-культурного наследия и его осмыслении в соответствии с принципами современного геобрендинга.

Ключевые слова: культурное наследие и медиа, локальная идентичность, моногород, вовлекающая коммуникация, мастер-нарративы, Александровск Пермского края.

Информация о финансировании: Исследование выполнено за счёт средств субсидии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», полученной в результате победы в конкурсе научных, образовательных, инновационных, внедренческих и просветительских проектов по направлению «Содействие устойчивому развитию региона» (№ 2025-306-2).

Для цитирования: Власова Е. Г. Медиа и культурное наследие в процессе пересборки идентичности: случай Александровска Пермского края // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 86–92. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-86-92>. EDN: ITVDWD

Original article

MEDIA AND CULTURAL HERITAGE IN THE PROCESS OF IDENTITY REASSEMBLY: THE CASE OF ALEXANDROVSK, PERM KRAI

Elena G. Vlasova

Perm State University, Perm, Russia, elena_vlasova@list.ru

Abstract. Relevance of the study is determined by the search for effective media strategies for the preservation of cultural heritage and the formation of local identity in small towns of Russia. The aim of the article is to identify and analyze new approaches to the presentation of local history information that

contribute to the "reassembly" of identity. The methodological framework comprises the concepts of constructing cultural memory in the media (K. Lang, G. Lang) and the principles of "new local studies" (focus on the individual, local identity, and the experience economy). The material for the study includes the media of Alexandrovsk – one of the typical Ural single-industry towns experiencing an identity crisis. These include the regional newspaper "Boevoy Put", the portal VAlekse, their social media pages, as well as local media projects. Conclusions: the most productive tools are personalization, reducing the distance between the author and the reader, interactivity, and shifting the communicative focus from broadcasting to reflection and collective action. In addition, a systematic content strategy based on an in-depth study of historical and cultural heritage and its interpretation according to the principles of modern geo-branding is required.

Keywords: cultural heritage and media, local identity, single-industry town, engaging communication, master narratives, Alexandrovsk of Perm Krai.

Funding information: The study was carried out using funds from a subsidy from the Perm State National Research University, received as a result of winning the competition of scientific, educational, innovative, implementation and educational projects in the direction of "Promoting Sustainable Development of the Region" (No. 2025-306-2).

For citation: Vlasova E. G. Media and Cultural Heritage in the Process of identity Reassembly: The Case of Aleksandrovsk, Perm Krai. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:86-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-86-92>. EDN: ITVDWD

Введение

Наше исследование краеведческих материалов в СМИ и медиа города Александровска Пермского края связано с реализацией социокультурного проекта «Александровск на перекрестке русской культуры», главной целью которого является разработка узнаваемого бренда города. Александровск – это типичный моногород. На протяжении последних десятилетий он испытывает постоянное сокращение производства и отток населения. В то же время территория обладает богатым культурно-историческим наследием, которое нуждается в системном изучении и концептуальном осмыслении.

Александровск тесно связан со знаменитой династией Всеволожских, основавших на территории Верхнекамья несколько крупных железоделательных заводов. На этих заводах были внедрены самые передовые для того времени промышленные технологии: от запуска газового освещения до создания паровоза и парохода. Рядом с Александровском была запущена первая на Урале узкоколейная дорога, связавшая рудники Луньевки с Александровским заводом и пристанью железных караванов во Всеволодо-Вильве. Заводской театр Всеволожских был известен на всю России. Помимо этого, Александровский район обладает и другими историко-культурными ресурсами. Литературная история Александровского района связана с именами Б. Пастернака, А. Чехова, А. Гайдара.

В пригороде Александровска находятся уникальные пещеры, в которых были обнаружены артефакты вогульской культуры. Местные известковые карьеры стали настоящим музеем древнего Пермского моря по открытым небом. Голубые озера, которые появились на месте затопления выработанных карьеров, обладают уникальным рекреационным потенциалом. На основе поиска и систематизации материалов, посвященных историко-культурному наследию Александровского района, команда проекта планирует разработку концепции мастер-нарративов [Абашев 2019; Halverson, Corman, Goodall 2011] территории, которые лягут в основу культурной, туристической, предпринимательской и имиджевой деятельности. Реализация проекта предполагает тесное взаимодействие с районными медиа, что послужило основанием для нашего интереса к историко-культурной повестке местных СМИ и популярных информационных ресурсов.

Основная часть

Для проведения исследования нам важны два теоретико-методологических контекста. Первый связан с особой ролью медиа в процессах формирования идентичности и сохранения культурной памяти. Мы исходим из того, что, представляя материалы историко-краеведческого характера, медиа не только сохраняют, но и конструируют культурную память. «Какая именно часть прошлого ... будет задействована (в журналистских материалах), зависит от того, что редакторы и журналисты считают достойным внимания

общественности: от журналистских конвенций и, конечно, от персональных идеологий», — справедливо отмечают американские социологи Курт Ланг и Глэдис Ланг, которые одними из первых поставили вопрос о влиянии новостных СМИ на формирование общественных представлений [Lang K., Lang G. 1989: 126]. СМИ задают ценностную рамку для восприятия историко-культурного наследия, выступая полноценным участником в процессах формирования культурной памяти. Важно, что стратегии коммеморации в СМИ могут быть разными: это зависит от типа конкретного издания и его информационной политики.

Вторым теоретическим основанием нашего исследования является понятие «нового краеведения», которое сложилось в сфере музейной деятельности. Существенную роль в его становлении сыграла конкурсная программа Российского фонда культуры «Гений места — новое краеведение», работающая с 2014 г. По словам организаторов программы, новое краеведение — это «философия места, локальная история, о которой рассказывают в масштабе человека современным, актуальным языком» [Гений места: эл. ресурс]. Ведущими принципами нового краеведения становятся представление большой истории сквозь призму жизни обычного человека, понимание локальной истории как процесса формирования геокультурного самосознания, а также нестандартные презентационные форматы, связанные с индустрией впечатлений — прежде всего, привлечение к совместному творчеству и опора на устную историю [Короткова 2018].

Аналогичные подходы в репрезентации локальной идентичности в 2010-х гг. складываются в городских изданиях нового типа, которые получили название урбанистически ориентированных медиа [Абашев, Печищев, Власова и др. 2020]. Это The Village, «Бумага» в Санкт-Петербурге, «Большая деревня» в Самаре, «Томский обзор», It's My City в Екатеринбурге, «Инде» — в Казани, «Звезда» и «Текст» — в Перми. Об исторических зданиях в этих медиа рассказывают обычные жители в рубрике «Я здесь живу», история города ненавязчиво вплетается в авторские экскурсии по неочевидным достопримечательностям или повседневные прогулки по окраинам и спальным районам, исторические факты становятся темой для юмористических тестов, обязательно включающих местные легенды и народную топонимику. Обращаясь к темам локальной истории, редакции намеренно отказываются от простого информирования и обращаются к приемам вовлекающей коммуникации [Власова 2018]. Главный адресат этих изданий — современный горожанин. Конструирование его идентичности, сориентированное в большей мере на идеи комфортного города, города для людей [Гейл 2012], включает исторические темы как органичную часть актуальной городской повседневности. Опыт этих изданий показывает, что обращение к темам исторического прошлого может обладать характером продуманной программы действий — на уровне выбора тем, подходов, форматов, стиля общения с читателем.

В традиционных районных медиа, как правило, преобладает вещательный подход к представлению краеведческих материалов: краеведческие справки, информационные заметки о событиях, связанных с изучением и сохранением культурно-исторического наследия, биографические и путевые очерки, в которых также доминирует установка на информирование. В таком варианте краеведческая журналистика подчинена задачам фиксации и архивирования. В ситуации усиливающегося информационного потока решение этих задач, не говоря уже о задачах актуализации культурного наследия, оказываются под большим вопросом.

Два самых популярных ресурса Александровска — районная газета «Боевой путь» и информационный портал ВАлексе находятся на переходном этапе — от архивирования к вовлечению и целенаправленному формированию городского самосознания. Сейчас новостная часть этих ресурсов оказывается тесно связанной — материалы нередко дублируются. Краеведческие материалы оформляются в традиционном для большинства районных изданий варианте — новости, краеведческие справки, исторические очерки о значимых событиях в жизни города и района. Приведем в пример продолжающуюся публикацию исторического очерка С. Кодолова «История земли, на которой довелось жить» (Боевой путь. 2018. 28 сент. С.14; 12 окт. С.14)¹. Это пример классического краеведения, для которого характерны установки на фактографию и логику исторического описания.

¹ Здесь и далее в скобках будут указываться выходные данные публикаций, которые упоминаются или цитируются в статье.

Краеведческие публикации на сайте ВАлексе появляются без устойчивой рубрикации, но маркированы тегом «история». Например, материал «Как появился город Александровск» (ВАлексе. 2024. 19 июня) опубликован в разделе «Новости». Публикация представляет собой короткую комментированную справку об основании города Всеволожскими. В основном под тегом «история» публикуются заметки, посвященные отдельным достопримечательностям района («Огнеупорный Усть-Игумский кирпич». ВАлексе. 2024. 10 фев.) и событиям, посвященным памятным датам («100-летие со дня рождения первого Почетного гражданина города Александровска». 2024. 12 фев.). Отметим, что публикации этого раздела носят нерегулярный и несистемный характер. В целом складывается впечатление, что представление краеведческих материалов на сайте не продумано.

Однако в социальных сетях этих изданий намечаются значительные сдвиги в работе с краеведческой информацией. Журналисты, которые пишут для соцсетей, учитывают особенности сетевого общения, что оказывает влияние на выбор тем, подходов и стиля публикаций, в том числе краеведческих. В соцсетевых публикациях сокращается дистанция между автором текста и читателем. Для этого журналисты используют разговорные интонации и диалогические приемы, репортажный формат представления фотографий в стилистике дружеского общения, делятся своими впечатлениями и оценками, что делает материал более эмоциональным и вовлекающим. В посте о встрече с Ильдаром Маматовым об истории Бабиновского тракта, не смотря на всю серьезность информации, эта установка на соседское сближение позиций проявляется в выборе живых кадров, в обращениях к аудитории, а главное, на наш взгляд, в нехарактерной для традиционного краеведения манере рассказа, в котором сочетается динамичный пересказ с эмоциональными комментариями и обобщающими оценками, вроде фразы о том, что «прошлое живет не только в датах и фактах, но и в устной традиции» (Бабиновский тракт: артерия, связавшая страну. Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 5 апр.).

Можно отметить еще одну тактику, которую использует редакция «Боевого пути» для представления краеведческих материалов в группе ВК – это ориентация на человека. Важен не только рассказ о значимом событии или человеке, но и личность того, кто становится источником информации. В этом случае повествование о прошлом само по себе становится эмоциональным, подсвеченным восприятием собеседника. Так появляется публикация о редакторе «Боевого пути» О. И. Зырянове: о нем рассказывает его дочь Л. О. Зырянова. Вполне уместно, на наш взгляд, использована журналистом стилистика бэкстейджа: на фотографии и в тексте поста представлена встреча журналиста с собеседницей в редакции газеты («Сегодня нам удалось пообщаться с Людмилой Октавьевной Зыряновой, дочерью одного из главных редакторов нашей газеты»). Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 30 марта).

Кроме того, нужно отметить использование автором новой установки на воздействие и призыв к активному отношению к истории. В публикации о лекции Ильдара Маматова автор подчеркивает необходимость совместных действий: «Вместе участники встречи обсудят, что реально сделать в Александровском округе для того, чтобы славные легенды прошлого превращались в события настоящего» (Артемий Бабинов и его дорога. Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 4 апр.). Кроме того, подчеркивается значимость отдельных фактов в общем развитии территории, что, конечно, имеет непосредственное отношение к формированию локальной идентичности: «Бабиновский тракт – это не просто старая дорога. Это символ упорства предков, воплощение предприимчивости Бабинова и напоминание о том, как труд и воля способны менять карту страны и судьбу поколений» (Бабиновский тракт: артерия, связавшая страну. Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 5 апр.).

Можно назвать подобную информационно-коммуникативную тактику персонализацией журналистского контента. Ее формирование связано с назначением на должность главного редактора газеты «Боевой путь» Александра Николаевича Захарова – предпринимателя, пиарщика, журналиста с активной жизненной позицией и желанием сформировать в читателях осознанное отношение к месту своей жизни. С его приходом меняется подход к представлению информации и стиль общения с читателями: обсуждение исторической информации приобретает характер продуманной стратегии, связанной с формированием осознанной идентичности, а коммуникация выстраивается по законам вовлекающего взаимодействия.

Еще один важный ресурс соцсетей, который может изменить представление и восприятие краеведческой информации – это интерактивность. Голосования, конкурсы фотографий, обращение к пользователям с просьбой поделиться воспоминаниями в комментариях – эти форматы не так часто, но все же используются редакциями газеты и сайта на страничках в ВК. Учитывая тот факт, что аудитория небольших городов не отличается активностью в целом, необходимо искать точки общего интереса и развивать вовлекающие форматы.

В контексте разговора о новых подходах к представлению краеведческой информации отдельного разговора заслуживают два медиапроекта, которые появились благодаря грантовой деятельности городских активистов. Первый проект – «Округ в лицах» – создан общественным движением «Ермак» и журналистами «Боевого пути» в рамках грантового конкурса администрации Александровского муниципального округа [Округ в лицах <http://>]. Проект посвящен созданию серии видеосюжетов с интересными людьми Александровского района: краеведами, художниками и мастерами народного творчества, предпринимателями, учителями, местными активистами. Основная цель проекта – представить творческий путь человека и поговорить об его отношении к малой родине. Пожалуй, это один из самых целостных и продуманных медиапроектов, связанный с важной установкой на изучение истории в лицах. На данный момент он включает 35 интервью. Его основная проблема – организационная: как и любой другой грантовый проект, он закончился после завершения гранта. Однако благодаря ему появилась аналогичная рубрика в газете «Боевой путь», которая включает разные жанры: очерк, интервью в редакции, пересказ интервью основного проекта (Кузнецова Н. Округ в лицах. Ветеран образования. Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2024. 2 фев.).

Второй творческий проект представляет собой паблик во ВКонтакте туристического информационного центра «Туя» [ТИЦ], который создан Алексеем Владимировичем Назукиным – общественным деятелем, краеведом, организатором видеостудии из Яйвы. А. В. Назукин на данный момент не только возглавляет ТИЦ, но и является сотрудником отдела по внутренней политике и связям с общественностью Администрации Александровского района. Основная цель работы паблика – информирование о достопримечательностях Александровского района и туристических предложениях. Идея центра и паблика представляется вполне перспективной. Пока паблик наполняется короткими информационными материалами, нередко представляющими собой список ссылок и контактов. Безусловно, это важная задача, но для развития деятельности центра необходима внимательная работа по созданию сообщества.

Если говорить об информационных ресурсах организаций, которые связаны с темами исторического прошлого района, то нужно назвать действующие ресурсы Александровской городской библиотеки и Александровского краеведческого музея. Несмотря на то, что особой медиастратегии в работе этих организаций пока не сложилось, нужно отметить полезную инициативу сайта городской библиотеки по созданию раздела «Краеведение» [Краеведение <http://>], где сотрудники формируют архив краеведческих публикаций из местной периодики. Представляется, что социальные сети музея и библиотеки могли бы объединить вокруг себя заинтересованную аудиторию, для этого нужна творческая инициатива. Примером такого креативного подхода может стать паблик краеведческого музея поселка из Очерского района Пермского края – Павловский. Небольшая рубрика, оформленная Д. Пирожковой в формате было-стало, смогла привлечь внимание жителей. Фотографии, которые были представлены в постах, сопровождалась небольшой справкой, а главное, живыми воспоминаниями знакомых. Благодаря этой рубрике группа ожила, увеличилось количество подписчиков, под публикациями появились комментарии с воспоминаниями и фотографиями пользователей (Пирожкова Д. «Крестик», так местные жители называют место пересечения плотины с ул. Таборская на Одуе. Страница во ВКонтакте Павловского краеведческого музея. 2025. 25 окт.).

Заключение

Персонализация, опора на человека в качестве основного источника информации, сокращение дистанции между журналистами и читателем, интерактивность представляются продуктивными инструментами для построения разговора о прошлом. Важно также менять

коммуникативную установку – от вещания к осмыслению и совместному действию. Однако помимо знания актуальных медиаформатов и технологий, нужна контент-стратегия, в которой будут зафиксированы темы и сюжеты культурно-исторической памяти, способные формировать узнаваемый образ места. Представляется, что эту задачу может решить разработка мастер-нарративов территории в опоре на систематическое изучение локальной истории.

Список литературы

1. Абашев В. В. Город как поле боя нарративов: случай екатеринбургской башни // Медиалингвистика. 2019. № 6 (4). С. 454–466. DOI: 10.21638/spbu22.2019.403 EDN: XHHVRO
2. Артемий Бабинов и его дорога // Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 4 апр. URL: https://vk.com/newspaper_bp?w=wall-13014099_4108 (дата обращения: 14.04.2026).
3. Бабиновский тракт: артерия, связавшая страну // Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 5 апр. URL: https://vk.com/newspaper_bp?w=wall-174520334_5414 (дата обращения: 14.04.2026).
4. Власова Е. Г. Урбанистически ориентированные медиа и журналистика соучастия // Город и медиа : материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», г. Пермь, 1–2 июня 2018 года. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 69–76. EDN: YXPWGD
5. Гейл Я. Города для людей / Пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, Крост, 2012. 276 с. ISBN: 978-5-9614-1933-7 EDN: QNQVIP
6. Гений места. Новое краеведение // Российский фонд культуры. Программы. URL: <http://rcfoundation.ru/museum.html> (дата обращения: 10.01.2026).
7. Как появился город Александровск // ВАлексе. Сайт города Александровск. 19.06.2024. URL: <https://valekse.ru/8999-kak-pojavilsja-gorod-aleksandrovsk.html> (дата обращения: 14.01.2026).
8. Кодолова С. История земли, на которой довелось жить // Боевой путь. 2018. 28 сент. С.14; 12 окт. С.14.
9. Короткова М. В. «Новое краеведение» как современное направление развития музейной педагогики XXI века // Наука и школа. 2018. № 1. С. 100–103. EDN: YVKBLN
10. Краеведение // Сайт Александровской центральной городской библиотеки. URL: <http://alekslib.ru/category/kraevedenie/> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Огнеупорный Усть-Игумский кирпич // ВАлексе. 2024. 10 фев. URL: <https://valekse.ru/8527-ogneupornyj-ust-igumskij-kirpich.html> (дата обращения: 14.01.2026).
12. Округ в лицах. Общественное движение «Ермак». https://vkvideo.ru/playlist/-63961818_2 (дата обращения: 14.01.2026).
13. Пирожкова Д. «Крестик», так местные жители называют место пересечения плотины с ул. Таборская на Одуе // Страница во ВКонтакте Павловского краеведческого музея. 2025. 25 октября URL: https://vk.com/pavlmuseum20?w=wall-201934985_3447 (дата обращения: 14.01.2026).
14. «Сегодня нам удалось пообщаться с Людмилой Октавьевной Зыряновой, дочерью одного из главных редакторов нашей газеты» // Страница во ВКонтакте газеты «Боевой путь». 2026. 30 марта. URL: https://vk.com/newspaper_bp?w=wall-174520334_5367 (дата обращения: 14.06.2026).
15. ТИЦ АМОИАНО «ТУЯ». Страница во ВКонтакте. URL: https://vk.com/amo_tic (дата обращения: 14.01.2026).
16. Урбанизм и урбанисты в российских сетевых изданиях 2010-х годов / В. В. Абашев, Е. Г. Власова, И. М. Печищев [и др.]. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 172 с.
17. 100-летие со дня рождения первого Почетного гражданина города Александровска // ВАлексе. 2024. 12 фев. URL: <https://valekse.ru/8537-100-letie-so-dnja-rozhdenija-pervogo-pochetnogo-grazhdanina-goroda-aleksandrovska.html> (дата обращения: 14.06.2025).
18. Halverson, J., Corman, S., Goodall, H. L. Master Narratives of Islamist Extremism. New York: Palgrave Macmillan, 2011. X, 243 p. DOI: 10.1007/978-0-230-11723-5
19. Lang K., Lang G. E. Collective Memory and the News // Communication. 1989. № 11. P. 123–139.

References

1. Abashev V. V. Gorod kak pole boya narrativov: sluchaj ekaterinburgskoj bashni [The City as a Narrative Battlefield: The Case of the Yekaterinburg Tower]. *Medialingvistika* [Medialinguistics]. 2019, no. 6 (4), pp. 454–466. DOI: 10.21638/spbu22.2019.403 EDN: XHHVRO (In Russ.).
2. Artemij Babinov i ego doroga [Artemy Babinov and his road]. *Stranica vo VKontakte gazety "Boevoj put"* [The VKontakte page of the "Boevoj Put" newspaper]. 2026. (In Russ.). Available at: https://vk.com/newspaper_bp?w=wall-13014099_4108 (accessed: 14.04.2026).
3. Babinovskij trakt: arteriya, svyazavshaya stranu [Babinovsky Tract: an artery that connected the country]. *Stranica vo VKontakte gazety "Boevoj put"* [The VKontakte page of the "Boevoj Put" newspaper]. 2026. (In Russ.). Available at: https://vk.com/newspaper_bp?w=wall-174520334_5414 (accessed: 14.04.2026).
4. Vlasova E. G. Urbanisticheski orientirovannye media i zhurnalistika souchastiya [Urban-oriented media and participatory journalism]. *Gorod i media* [City and media]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2018, pp. 69–76. EDN: YXPWGD (In Russ.).

5. Gejl Ya. Goroda dlya lyudej [Cities for people]. Moscow, Al'pina Publisher, Krost, 2012, 276 p. ISBN: 978-5-9614-1933-7 EDN: QNQBIP (In Russ.).
6. Genij mesta. Novoe kraevedenie [Genius Loci: New Regional Studies]. *Rossijskij fond kul'tury. Programmy* [Russian Cultural Foundation. Programs]. (In Russ.). Available at: <http://rcfoundation.ru/museum.html> (accessed: 10.01.2026).
7. Kak poyavilsya gorod Aleksandrovsk [How the city of Aleksandrovsk came to be]. *V Alekse. Sajt goroda Aleksandrovsk* [Valekse. Aleksandrovsk city website]. (In Russ.). Available at: <https://valekse.ru/8999-kak-pojavilsja-gorod-aleksandrovsk.html> (accessed: 14.01.2026).
8. Kodolova S. Istoriya zemli, na kotoroj dovelos' zhit' [The history of the land on which I lived]. *Boevoy put'* [Combat path]. 2018. 28 sent, p.14; 12 okt, p.14. (In Russ.).
9. Korotkova M. V. "Novoe kraevedenie" kak sovremennoe napravlenie razvitiya muzejnoj pedagogiki XXI veka ["New Regional Studies" as a Modern Direction in the Development of Museum Pedagogy in the 21st Century]. *Nauka i shkola* [Science and School]. 2018, no. 1, pp. 100-103. EDN: YVKBLN (In Russ.).
10. Kraevedenie [Local history]. *Sajt Aleksandrovskoj central'noj gorodskoj biblioteki* [Website of the Aleksandrovsk Central City Library]. (In Russ.). Available at: <http://alekslib.ru/category/kraevedenie/> (accessed: 14.01.2026).
11. Ogneupornyj Ust'-Igumskij kirpich [Ust'-Igumsky refractory brick]. *V Alekse* [To Alex]. 2024. (In Russ.). Available at: <https://valekse.ru/8527-ogneupornyi-ust-igumskii-kirpich.html> (accessed: 14.01.2026).
12. Okrug v lich. Obshchestvennoe dvizhenie "Ermak" [The District in Faces. The Yermak Public Movement]. https://vkvideo.ru/playlist/-63961818_2 (accessed: 14.01.2026).
13. Pirozhkova D. "Krestik", tak mestnye zhiteli nazyvayut mesto peresecheniya plotiny s ul. Taborskaya na Odue ["The Cross" is what locals call the place where the dam crosses Taborska Street on the Oduya River.]. *Stranica vo VKontakte Pavlovskogo kraevedcheskogo muzeya* [VKontakte page of the Pavlovsk Museum of Local Lore]. 2025. (In Russ.). Available at: https://vk.com/pavlmuseum20?w=wall-201934985_3447 (accessed: 14.01.2026).
14. "Segodnya nam udalos' poobshchat'sya s Lyudmiloy Oktav'evnoj Zyryanovoj, docher'yu odnogo iz glavnyh redaktorov nashej gazety" ["Today we had the opportunity to speak with Lyudmila Oktavyevna Zyryanova, the daughter of one of our newspaper's editors-in-chief."]. *Stranica vo VKontakte gazety "Boevoy put'"* [The VKontakte page of the "Boevoy Put" newspaper]. 2026. 30 marta. (In Russ.). Available at: https://vk.com/newspaper_bp?w=wall-174520334_5367 (accessed: 14.06.2026).
15. TIC AMOIANO "TUYa". Stranica vo VKontakte [TIC AMOIANO "TUYA". VKontakte page]. (In Russ.). Available at: https://vk.com/amo_tic (accessed: 14.01.2026).
16. Urbanizm i urbanisty v rossijskikh setevykh izdaniyakh 2010-h godov [Urbanism and urbanists in Russian online publications of the 2010s]. V. V. Abashev, E. G. Vlasova, I. M. Pechishchev [i dr.]. Perm, Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, 2020, 172 p. (In Russ.).
17. 100-letie so dnya rozhdeniya pervogo Pochetnogo grazhdanina goroda Aleksandrovsk [100th anniversary of the birth of the first Honorary Citizen of the city of Aleksandrovsk]. *V Alekse* [To Alex]. 2024. (In Russ.). Available at: <https://valekse.ru/8537-100-letie-so-dnja-rozhdenija-pervogo-pochetnogo-grazhdanina-goroda-aleksandrovsk.html> (accessed: 14.06.2025).
18. Halverson, J., Corman, S., Goodall, H. L. Master Narratives of Islamist Extremism. New York: Palgrave Macmillan, 2011, X, 243 p. DOI: 10.1007/978-0-230-11723-5
19. Lang K., Lang G. E. Collective Memory and the News. *Communication*. 1989, no. 11, pp. 123-139.

Информация об авторах

Е. Г. Власова – доктор филологических наук, профессор,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. G. Vlasova – Grand Ph. D. (Philology), Professor, Department of Journalism and Media
Communications, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

The article was submitted 10.05.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 93–98.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 93-98.

Научная статья
УДК 070
EDN: FZGQLU
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-93-98

<https://elibrary.ru/fzgqlu>

ЛОКАЛЬНЫЕ МЕДИА МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Елизавета Сергеевна Дурсенева-Кризьская

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
krizskaya.liza@gmail.com

Аннотация. В ситуации кризиса традиционной периодики районных центров локальные медиа подчас становятся самыми действенными ресурсами коммуникации. Они не только обеспечивают распространение информации, но и формируют пространство общественного обсуждения локальных проблем, поддерживают коллективную идентичность и стимулируют различные формы гражданской активности. В статье рассматриваются локальные медиа малых территорий на примере Александровского муниципального округа Пермского края. Анализируются особенности функционирования четырех локальных сетевых сообществ, различающихся по субъектному составу, тематической направленности и коммуникативным практикам. Исследование показывает, что локальные медиа выполняют не только информационную и коммуникативную функции, но и способствуют формированию локальной идентичности, вовлечению жителей в общественную жизнь и реализации права на город. Выявлены различия между проблемно-ориентированными и культурно-просветительскими локальными медиа, а также специфика взаимосвязи цифровой и офлайн-активности аудитории.

Ключевые слова: локальные медиа, малые территории, локальная идентичность, право на город, социальные сети, цифровые сообщества.

Информация о финансировании: Исследование выполнено за счёт средств субсидии ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», полученной в результате победы в конкурсе научных, образовательных, инновационных, внедренческих и просветительских проектов по направлению «Содействие устойчивому развитию региона» (№ 2025-306-2).

Для цитирования: Дурсенева-Кризьская Е. С. Локальные медиа малых территорий (на примере Александровского района Пермского края) // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 93–98. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-93-98>. EDN: FZGQLU

Original article

LOCAL MEDIA IN SMALL TERRITORIES: EVIDENCE FROM THE ALEKSANDROVSKY MUNICIPAL DISTRICT OF PERM KRAI

Elizaveta S. Durseneva-Krizskaya

Perm State University, Perm, Russia, krizskaya.liza@gmail.com

Abstract. In a crisis situation of traditional periodicals of regional centers, local media sometimes become the most effective communication resources. They not only ensure the dissemination of information, but also form a space for public discussion of local issues, support collective identity and stimulate various forms of civic engagement. This article examines local media in small territories through the case of the Aleksandrovsky Municipal District of Perm Krai. The study analyzes the distinctive features of four local online communities that differ in terms of actor composition, thematic focus, and communicative practices. The findings demonstrate that local media perform not only informational and communicative functions but

also contribute to the construction of local identity, foster residents' engagement in community life, and facilitate the realization of the right to the city. The study identifies differences between problem-oriented and cultural-educational local media and reveals the specific relationship between the audience's digital participation and offline activity.

Keywords: local media; small territories; local identity; right to the city; social media; digital communities.

Funding information: The study was carried out using funds from a subsidy from the Perm State National Research University, received as a result of winning the competition of scientific, educational, innovative, implementation and educational projects in the direction of "Promoting Sustainable Development of the Region" (No. 2025-306-2).

For citation: Durseneva-Krizskaya E. S. Local media in small territories: evidence from the Aleksandrovsky municipal District of Perm Krai. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:93-98. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-93-98>. EDN: FZGQLU

Введение

В ситуации кризиса традиционной периодики районных центров, которая раньше обеспечивала информационное взаимодействие жителей, локальные медиа подчас становятся самыми действенными ресурсами коммуникации. Они не только обеспечивают распространение информации, но и формируют пространство общественного обсуждения локальных проблем, поддерживают коллективную идентичность и стимулируют различные формы гражданской активности. Достаточно вспомнить эффект проекта Послушано, ставшего, по словам А. В. Пустовалова, ярким представителем «гражданских информационно-коммуникативных сообществ, производящих собственные новости, решающих разнообразные социальные, культурные, психологические проблемы» [Пустовалов 2025: 91], реформатором, а также изменившего «веками формировавшуюся информационную модель страны – от централизованной до децентрализованной, ориентированной на локальные и гиперлокальные нужды» [Пустовалов 2025: 92].

Данное исследование – изучение локальных медиа малых территорий, – к которым относят города с населением менее 50 тыс. человек и поселки городского типа, также становится частью масштабного исследования локальных медиа и их роли в трансформации городской среды. Ведь особую значимость исследование локальных медиа приобретает применительно к малым территориям, где традиционно ограничено количество информационных ресурсов, а цифровые площадки постепенно становятся ключевыми центрами общественной коммуникации и «основными источниками новостей местного значения» [Новгородцева 2021: 165]. Как отмечала И. В. Жилевская, население малых городов «переплавляет новые медиа под свою матрицу медиаповедения», следуя принципам «информационного утилитаризма» [Жилевская 2016: 130].

Цель исследования заключается в выявлении особенностей функционирования локальных медиа малых территорий и определении их роли в формировании локальной идентичности и развитии городской среды на примере Александровского муниципального округа.

Основная часть

Современные исследования локальных медиа посвящены вопросам фрактальности медиапространства, изучению городских дискурсивных практик, социальных взаимодействий участников коммуникации, а также взаимосвязи журналистики и урбанистики. Об этом писали К. А. Зорин [Зорин 2022, 2023], Е. А. Варганова [Варганова 2020], В. В. Абашев и И. М. Печищев [Абашев 2021; Абашев, Печищев 2018], К. Р. Нигматуллина [Нигматуллина 2021], Т. И. Фролова в соавторстве с А. С. Гатилиным и Е. Л. Пивоваровой [Фролова и другие 2024] и многие другие – но каждый называл объект своего исследования разными способами: локальные и местные медиа, муниципальные и региональные СМИ, городские и новые медиа, урбан-медиа и проч. И в этом заключается главная проблема изучения локальных медиа – в российской академической среде до сих пор нет единого четкого определения того, что же это такое [Зорин 2023: 490–506]. При этом, надо отметить, в последние годы понятие локальных медиа существенно трансформировалось. Если ранее они ставились в один синонимичный ряд с

региональными или муниципальными средствами массовой информации, то сегодня исследователи связывают их с партиципаторной журналистикой и феноменом коннективного действия, основанного на цифровых коммуникациях и сетевой самоорганизации пользователей. В этом случае сообщество формируется вокруг общих эмоций, ценностей и интересов, а не только территориальной принадлежности. К. А. Зорин, например, рассматривает локальные медиа как коммуникационные структуры, тесно связанные с конкретной социальной группой, чаще всего объединенной общей территорией проживания. При этом территориальная близость участников не является обязательным условием существования сообщества, поскольку единство может поддерживаться посредством символических и ментальных связей [Зорин 2022: 82–96]. Среди ключевых характеристик локальных медиа исследователи выделяют создание контента силами представителей локального сообщества, ориентацию на актуальные для аудитории проблемы, формирование интерпретационных рамок общественных процессов и нахождение на стыке межличностной и массовой коммуникации. Поэтому нам представляется важным пояснить, что мы понимаем под локальными медиа – медиаресурсы, сформировавшиеся вокруг определенного сообщества и функционирующие на границе межличностной и массовой коммуникации. Они обеспечивают конструирование локальной идентичности и формирование общности жителей посредством регулярного обмена информацией и обсуждения значимых для территории вопросов.

Среди всех медиа Александровского муниципального округа Пермского края мы выделили две главные модели медиа. Первая модель представлена проблемно-ориентированными сообществами, в которых доминируют обсуждение общественных проблем и коллективная интерпретация локальной повестки. Такие медиа выступают пространством общественного контроля и формирования гражданского мнения. Внутри этой модели можно выделить две устойчивых разновидности медиа – дискуссионно-гражданские и мобилизационно-информационные. Вторая модель включает культурно-просветительские и общественные сообщества, ориентированные на популяризацию локального наследия, развитие территориальной идентичности и организацию офлайн-активности жителей. Таким образом можно говорить о четырех типах медиа: дискуссионно-гражданские, культурно-просветительские, туристско-репрезентационные и мобилизационно-информационные.

Для более подробного анализа нами были отобраны четыре медиа – по одному каждого типа: Сообщество «Валексе | Александровск»; Сообщество «Дом Пастернака. Память Всеволодо-Вильвы»; Сообщество «АНО ТИЦ «ТУЯ»; Сообщество «Общественное движение «Ермак». Выбор объектов исследования обусловлен их высокой популярностью среди жителей территории и активным участием в формировании локальной информационной повестки. В качестве основного метода использовался качественный контент-анализ публикаций, а также сравнительный анализ коммуникативных моделей исследуемых сообществ. Первая площадка, «Валексе | Александровск», представляется группу дискуссионно-гражданских медиа. Это крупнейшая неофициальная информационная площадка округа. Ее аудитория сопоставима примерно с половиной населения муниципального образования. Высокая интенсивность публикаций позволяет ресурсу одновременно выполнять функции новостного агрегатора, городского форума и площадки для пользовательского контента.

Основу публикационной активности составляют сообщения о городских событиях, жалобы жителей, вопросы и обсуждения, а также визуальные свидетельства существующих проблем. Еще здесь можно найти посты о жителях города – «Вот такие медали были вручены к ДНЮ РОССИИ трем женщинам женщинам "Надёжности ЗА СВОих" за бескорыстный и многолетний труд на благо и защиту нашей РОССИИ...» или «С музыкой и песней – совсем другая жизнь! 50 лет педагогической деятельности Белоноговой Ольги Сергеевны...» Но чаще всего коммуникационная модель сообщества строится по такой схеме: частный опыт – публичная публикация – коллективное обсуждение – формирование локальной повестки. Особое значение приобретают комментарии пользователей, превращающие отдельные публикации в полноценные дискуссионные площадки. При этом значительная часть контента носит критический характер по отношению к органам местного самоуправления. Однако зафиксированные формы цифровой активности редко трансформируются в коллективные офлайн-действия.

Следующая проанализированная площадка – «Дом Пастернака. Память Всеволодо-Вильвы» – относится к культурно-просветительским медиа. Сообщество музея выполняет функции цифрового представительства культурной институции. Тематика публикаций сосредоточена вокруг литературного наследия Бориса Пастернака, музейной деятельности, образовательных проектов и локальной истории. Среди публикаций можно встретить видеозаписи лекций, посты с заголовком «Писатели на Вильве...», конкурсы детских рисунков. Информационным поводом для публикации может послужить даже цветение сирени – в этом случае было опубликовано стихотворение Б. Пастернака «Ты в ветре, веткой пробуящем...» с вопросом к читателям, известны ли им еще стихотворения с образами сирени. В отличие от проблемно-ориентированных сообществ здесь преобладает позитивная и нейтральная тональность коммуникации. В тексте можно встретить, например, скобочки, обозначающие улыбку – «Сегодня утром возле музея распустилась сирень!)). Контент направлен на популяризацию культурного наследия территории и формирование эмоциональной привязанности к месту. Таким образом, ресурс способствует укреплению локальной идентичности через культурные практики и символическое освоение пространства.

Группа туристско-репрезентационных медиа представлена группой АНО ТИЦ «ТУЯ». Сообщество туристического информационного центра ориентировано на популяризацию туристического потенциала района. Наряду с информацией о деятельности организации здесь публикуются материалы о культурных событиях, достопримечательностях и общественных инициативах. Можно встретить публикации с заголовками: «В Пермском крае сосредоточены уникальные музейные комплексы под открытым небом и мемориальные комплексы...», «А что там, за поворотом?», «Правда ли, что в той пещере есть подземное озеро?», «Где найти ту самую тропу, по которой шёл Ермак?», «👉 Готовим заявку на краевой конкурс социальных проектов физических лиц на предоставление грантов губернатора Пермского края в 2026 году». В отличие от предыдущих сообществ здесь есть даже некое подобие рубрик, выраженное в хэштегах под публикациями – «#фактыАМО», «#афишаАМО», «#АМО_что_посетить» и проч. Еще одно отличие в коммуникации – неформальный стиль общения, создающий ощущения общения с кем-то близким. По своему содержанию сообщество близко к группе «Дом Пастернака», однако делает больший акцент на формировании позитивного образа территории как для местных жителей, так и для потенциальных туристов. Медиа выполняет функцию символического брендинга территории и способствует повышению привлекательности региона.

Последнее медиа – Общественное движение «Ермак» – представляет группу мобилизационно-информационных медиа. Сообщество общественного движения «Ермак» сочетает информационно-просветительскую деятельность с продвижением гражданских инициатив. Контент включает предупреждения о чрезвычайных ситуациях, памятки по безопасности, приглашения к участию в общественных проектах, отчеты о мероприятиях и краеведческие материалы. Это, например, публикации с заголовками «В Прикамье впервые появился отдельный раздел на Госуслугах для молодых семей, которые хотят получить жилищную поддержку...», «Сегодня для одиннадцатиклассников школы п. Яйва прозвонил последний звонок. Первый важный этап в жизни ребят позади!» – с ссылкой на видеозапись последнего звонка, «Завтра, в пятницу 22 мая, приглашаем вас в поликлинику (ул. Заводская, 26а) на диспансеризацию» и т. п. Коммуникация здесь носит преимущественно вертикальный характер: информация передается от администрации сообщества к аудитории. Несмотря на относительно невысокий уровень дискуссионной активности в комментариях, публикации нередко связаны с реальными офлайн-мероприятиями, в которых принимает участие значительное количество жителей.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что цифровая активность аудитории не всегда коррелирует с готовностью к участию в офлайн-деятельности и наиболее активные дискуссионные площадки не обязательно становятся центрами реальной общественной мобилизации, тогда как сообщества с относительно невысокой коммуникативной активностью способны обеспечивать высокий уровень участия жителей в мероприятиях. Впрочем, это, скорее, объясняется формой деятельности медиа и спецификой контента, а не формой коммуникации.

Заключение

Исследование локальных медиа Александровского муниципального округа показало, что они являются значимыми субъектами общественной коммуникации на малых территориях. Контент локальных медиа преимущественно сосредоточен на событиях района, деятельности местной власти, инфраструктурных проблемах и культурной жизни территории. В отличие от традиционных районных газет, исследуемые медиаресурсы существуют исключительно в цифровой среде и активно используют возможности социальных сетей. Локальные медиа не ограничиваются выполнением информационной функции. Они формируют локальную идентичность, способствуют развитию гражданских инициатив и выступают посредниками между жителями и городской средой. В этом контексте их деятельность может быть рассмотрена через концепцию права на город Анри Лефевра, согласно которой жители получают возможность участвовать в преобразовании пространства своего проживания. Таким образом, локальные медиа становятся важным инструментом не только информирования населения, но и символического и практического освоения территории, способствуя трансформации как городской среды, так и отношения жителей к месту своего проживания.

Список литературы

1. Абашев В. В. Новая городская журналистика в конструировании урбанистического пространства // Слово. Текст. Контекст. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-gorodskaya-zhurnalistika-v-konstruirovanii-urbanisticheskogo-prostranstva> (дата обращения: 13.04.2026). DOI: 10.26105/PBSSPU.2021.8.4.001 EDN: SAKBTU
2. Абашев В. В., Печищев И. М. Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-setevye-izdaniya-kak-agenty-urbanizatsii> (дата обращения: 13.01.2026). EDN: PJRTBN
3. АНО ТИЦ «ТУЯ». URL: https://vk.com/amo_tic (дата обращения: 13.01.2026).
4. Валексе | Александровск. URL: <https://vk.com/valekse59> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Варпанова Е. Л. Медиа и город: об актуальных взаимовлияниях // Меди@льманах. 2020. № 1 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-i-gorod-ob-aktualnyh-vzaimovliyaniyah> (дата обращения: 13.01.2026).
6. Дом Пастернака. Память Всеволодо-Вильвы. URL: <https://vk.com/dompasternaka> (дата обращения: 13.01.2026).
7. Жилевская И. В. Медиа, счастье и жители малых городов России // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 123-134. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).123-134 EDN: VIUZFZ
8. Зорин К. А. Локальные медиа в структуре медиасистем: на границе межличностной и массовой коммуникации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 82-96. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-82-96 EDN: OYQZSK
9. Зорин К. А. Локальные медиа как фракталы социальных и медиасистем // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12. № 3. С. 490-506. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(3).490-506 EDN: AQAYFS
10. Нигматуллина К. Р. Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsialnyh-setey-v-razvitii-regionalnoy-zhurnalistiki-v-rossii> (дата обращения: 13.04.2026). DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051 EDN: RLISBD
11. Новгородцева А. Н., Сивкова Н. И. Медиапотребление новостей жителями малых городов России // Koinon. 2021. Т. 2. № 3. С. 158-168. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.033 EDN: YKONFY
12. Общественное движение «Ермак». URL: <https://vk.com/club63961818> (дата обращения: 13.04.2026).
13. Пустовалов А. В. Пермские «Подслушано»: роль в городском информационном пространстве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 2. С. 90-107.
14. Фролова Т. И., Гатилин А. С., Пивоварова Е. Л. Редакторы районных газет о перспективах локальных СМИ: результаты исследования // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/redactory-rayonnyh-gazet-o-perspektivah-lokalnyh-smi-rezultaty-issledovaniya> (дата обращения: 13.04.2026). DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(1).69-87. EDN: TORVMZ
15. Чернышева Л. А., Запорожец О. Н. Цифровые платформы и мобилизация горожан: как локальность переопределяет коннективное действие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 124-148. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2352 EDN: EIVNRC

References

1. Abashev V. V. Novaya gorodskaya zhurnalistika v konstruirovanii urbanisticheskogo prostranstva [New urban journalism in the construction of urban space]. *Slovo. Tekst. Kontekst* [Word. Text. Context]. 2021, no. 4. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-gorodskaya-zhurnalistika-v-konstruirovanii-urbanisticheskogo-prostranstva> (accessed: 13.04.2026). DOI: 10.26105/PBSSPU.2021.8.4.001 EDN: SAKBTU

2. Abashev V. V., Pechishchev I. M. Gorodskie setevye izdaniya kak agenty urbanizatsii [Urban online publications as agents of urbanization]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: problematic field of media education]. 2018, no. 4 (30). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-setevye-izdaniya-kak-agenty-urbanizatsii> (accessed: 13.01.2026). EDN: PJRTBN
3. ANO TIC "TUYa" [ANO TIC "TUYA"]. (In Russ.). Available at: https://vk.com/amo_tic (accessed: 13.01.2026).
4. Valekse | Aleksandrovsk [Valekse | Aleksandrovsk]. (In Russ.). Available at: <https://vk.com/valekse59> (accessed: 13.01.2026).
5. Vartanova E. L. Media i gorod: ob aktual'nyh vzaimovliyaniyah [Media and the City: On Current Interactions]. *Medi@l'manah*. 2020, no. 1 (96). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-i-gorod-ob-aktualnyh-vzaimovliyaniyah> (accessed: 13.01.2026).
6. Dom Pasternaka. Pamyat' Vsevolodo-Vil'vy [Pasternak's House. In Memory of Vsevolodo-Vilva]. (In Russ.). Available at: <https://vk.com/dompasternaka> (accessed: 13.01.2026).
7. Zhilevskaya I. V. Media, schast'e i zhiteli mal'nykh gorodov Rossii [Media, happiness, and residents of small Russian towns]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Issues of theory and practice of journalism]. 2016, vol. 5, no. 1, pp. 123-134. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(1).123-134 EDN: VIUFZ (In Russ.).
8. Zorin K. A. Lokal'nye media v strukture mediasistem: na granice mezhluchnostnoy i massovoy kommunikatsii [Local media in the structure of media systems: on the border of interpersonal and mass communication]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Literary Studies. Linguistics. Culturology"]. 2022, no. 10, pp. 82-96. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-82-96 EDN: OYQZSK (In Russ.).
9. Zorin K. A. Lokal'nye media kak fraktaly social'nykh i mediasistem [Local media as fractals of social and media systems]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Issues of theory and practice of journalism]. 2023, vol. 12, no. 3, pp. 490-506. DOI: 10.17150/2308-6203.2023.12(3).490-506 EDN: AQAYFS (In Russ.).
10. Nigmatullina K. R. mesto social'nykh setey v razvitiy regional'noy zhurnalistiki v Rossii [The role of social media in the development of regional journalism in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism]. 2021, no. 1. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsialnykh-setey-v-razvitiy-regionalnoy-zhurnalistiki-v-rossii> (accessed: 13.04.2026). DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051 EDN: RLLSBD
11. Novgorodceva A. N., Sivkova N. I. Mediapotrebleniye novostey zhitel'nykh mal'nykh gorodov Rossii [Media consumption of news by residents of small Russian towns]. *Koinon*. 2021, vol. 2, no. 3, pp. 158-168. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.3.033 EDN: YKONFY (In Russ.).
12. Obshchestvennoye dvizheniye "Ermak" [Public movement "Ermak"]. (In Russ.). Available at: <https://vk.com/club63961818> (accessed: 13.04.2026).
13. Pustovalov A. V. Permskie "Podslushano": rol' v gorodskom informatsionnom prostranstve [Perm's "Overheard": Role in the Urban Information Space]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology]. 2025, vol. 17, iss. 2, pp. 90-107. (In Russ.).
14. Frolova T. I., Gatilin A. S., Pivovarov E. L. Redaktory rayonnykh gazet o perspektivakh lokal'nykh SMI: rezul'taty issledovaniya [Regional newspaper editors on the prospects of local media: research results]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2024 [Issues of Theory and Practice of Journalism. 2024], no. 1. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/redaktory-rayonnykh-gazet-o-perspektivakh-lokalnykh-smi-rezultaty-issledovaniya> (accessed: 13.04.2026). DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(1).69-87. EDN: TORVMZ
15. Chernysheva L. A., Zaporozhchik O. N. Cifrovye platformy i mobilizatsiya gorozhan: kak lokal'nost' pereopredelyaet konnektivnoye deystvie [Digital Platforms and Citizen Mobilization: How Locality Redefines Connected Action]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. 2023, no. 4, pp. 124-148. DOI: 10.14515/monitoring.2023.4.2352 EDN: EIVNRC (In Russ.).

Информация об авторе

Е. С. Дурсенева-Кризская – аспирант, кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

E. S. Durseneva-Krizskaya – Postgraduate Student, Department of Journalism and Media
Communications, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 19.04.2026; одобрена после рецензирования 28.04.2026;
принята к публикации 25.05.2026.

The article was submitted 19.04.2026; approved after reviewing 28.04.2026; accepted for
publication 25.05.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 99–103.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 99-103.

Научная статья
УДК 811.112.2'36 (072.3)
EDN: GBMGWK
doi:10.17072/2587-6589-2026-2-99-103

<https://elibrary.ru/gbmgtk>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Марина Владимировна Боровикова

Гимназия № 1, Новосибирск, Россия, borovikova72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме использования технологий искусственного интеллекта при формировании грамматических навыков в процессе изучения немецкого языка учащимися 5–9 классов. На основе анализа отечественных методических исследований и педагогического наблюдения рассматриваются теоретические предпосылки внедрения ИИ-инструментов (генеративных чат-ботов, систем автоматической оценки письменной речи, адаптивных тренажёров) в традиционную модель урока. Обосновывается, что эффективность применения ИИ детерминируется соблюдением принципов дополнительности, адаптивности и развития метаязыковой рефлексии. Приводятся конкретные методические сценарии для грамматических тем, традиционно репрезентирующих наибольшие трудности для обучающихся: падежная система, порядок слов в придаточных предложениях, отделяемые и неотделяемые приставки, основные формы сильных глаголов. Делается вывод о необходимости комбинированного использования различных ИИ-инструментов при обязательной посреднической роли учителя.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение грамматике, немецкий язык, средняя школа, чат-бот, автоматическая обратная связь, адаптивное обучение.

Для цитирования: Боровикова М. В. Искусственный интеллект как инструмент обучения грамматике немецкого языка в средней школе // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 99–103. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-99-103>. EDN: GBMGWK

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR TEACHING GERMAN GRAMMAR IN SECONDARY SCHOOL

Marina V. Borovikova

Gymnasium No. 1, Novosibirsk, Russia, borovikova72@mail.ru

Abstract. This article examines the use of artificial intelligence technologies in developing grammar skills in German language learning for students in grades 5–9. Based on an analysis of Russian methodological research and pedagogical observations, the article examines the theoretical prerequisites for integrating AI tools (generative chatbots, automatic written language assessment systems, and adaptive trainers) into the traditional classroom model. It is argued that the effectiveness of AI application is determined by adherence to the principles of complementarity, adaptability, and the development of metalinguistic reflection. Specific methodological scenarios are provided for grammar topics that traditionally present the greatest challenges for students: case system, word order in subordinate clauses, separable and inseparable prefixes, and the basic forms of strong verbs. A conclusion is drawn regarding the need for a combined use of various AI tools, with the teacher playing a mandatory facilitating role.

Keywords: artificial intelligence, grammar teaching, German language, secondary school, chatbot, automatic feedback, adaptive learning

For citation: Borovikova M. V. Artificial intelligence as a tool for teaching german grammar in secondary schools. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:99-103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-99-103>. EDN: GBMGWK

Введение

Современный этап развития лингводидактики характеризуется активным проникновением технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс. Применение ИИ в обучении иностранному языку не может быть сведено к механической автоматизации упражнений, но требует пересмотра характера взаимодействия в системе «учитель – ученик – учебный материал» [Кувшинова 2024: 78]. Подавляющее большинство исследований в этой области сосредоточено на английском языке [Аббас 2025; Алиева, Лапшова 2024; Трофименко 2025]. Немецкий язык, обладающий более сложным флективным строем (четыре падежа, три рода существительных, отделяемые и неотделяемые приставки глаголов, система времён, придаточные предложения с инверсией), остаётся на периферии методических разработок по использованию ИИ, что создаёт разрыв между технологическими возможностями и их дидактической реализацией.

Исследование базируется на положениях когнитивной психологии и психолингвистики (теория автоматизации навыка Р. Эллиса, концепция аффективного фильтра С. Крашена), теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина, а также на современных работах в области цифровой дидактики и лингводидактики. Методологический аппарат включает критический анализ научной литературы по проблеме [Евстигнеев и др., 2025; Егорова, Лопатухина 2019; Елагина, Опарина 2018; Кибиткин 2024; Мингажева, Викторова 2025; Можеевская, Хайруллина 2025; Пеньков и др., 2024], педагогическое наблюдение за процессом формирования грамматических навыков с использованием ИИ-инструментов, анализ типичных грамматических ошибок учащихся 5–9 классов (на материале 240 письменных работ, выполненных в 2023–2025 учебных годах). Актуальность исследования обусловлена массовым и несистемным внедрением ИИ-инструментов в школьную практику без методического осмысления, отсутствием научно обоснованных рекомендаций для учителей немецкого языка именно по грамматическому аспекту, а также потребностью в снижении аффективного фильтра при изучении немецкой грамматики, воспринимаемой учащимися как когнитивно сложная, посредством использования ИИ в роли «безопасного собеседника» [Аббас 2025: 11].

Основная часть

Теоретический анализ проблемы позволяет выделить три группы теоретических предпосылок использования ИИ в обучении грамматике. Первая группа связана с положениями когнитивной психологии о механизмах усвоения второго языка. Согласно модели Р. Эллиса, грамматический навык проходит стадии от декларативного знания (знание правила) к процедурному (применение правила в речи) и далее к автоматизированному (спонтанное грамматически правильное порождение). Традиционная методика часто фиксируется на первой стадии, оставляя переход ко второй и третьей на самостоятельную работу учащихся. ИИ-инструменты способны обеспечить «массированную, вариативную и персонализированную практику», необходимую для автоматизации [Евстигнеев и др. 2025: 595]. Вторая группа предпосылок связана с теорией поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина. Согласно этой теории, внешнее действие (в нашем случае – грамматическое оформление высказывания с опорой на правило) должно быть последовательно интериоризовано. ИИ, предоставляя подсказки-опоры в момент совершения ошибки, выполняет функцию внешнего ориентира, который постепенно становится внутренним. Третья группа предпосылок относится к концепции аффективного фильтра С. Крашена. Чем выше уровень тревожности учащегося при продуцировании речи на иностранном языке, тем менее эффективно усвоение. ИИ, будучи нейтральным алгоритмом, снижает тревожность, поскольку ошибка не влечёт за собой социальной оценки. Данный тезис подтверждается результатами исследования З. М. Аббас, согласно которому большинство обучающихся воспринимают ИИ как ассистента, а не как экзаменатора [Аббас 2025: 11]. Переходя к практической реализации указанных теоретических положений, необходимо описать конкретные методические сценарии. Анализ 240 письменных работ учащихся 5–9 классов позволил выделить три грамматические темы, дающие наибольшее количество устойчивых ошибок. Первая тема – употребление *Akkusativ* и *Dativ* после предлогов места:

67 % работ учащихся 6-х классов содержали ошибки данного типа. Вторая тема – порядок слов в придаточных предложениях с союзами *dass*, *weil*, *ob*: 58 % работ 7-х классов. Третья тема – отделяемые и неотделяемые приставки глаголов: 72 % работ 8-х классов.

Для первой темы был разработан сценарий с использованием генеративного чат-бота (ChatGPT версии 3.5 и выше). Учитель готовит промпт следующего содержания: «Du bist ein Deutschlehrer für Schüler der 6. Klasse. Die Schüler lernen die Präpositionen mit Dativ (wo?) und mit Akkusativ (wohin?). Prüfe die folgenden Sätze. Wenn ein Satz falsch ist, erkläre kurz die Regel und schreibe den korrigierten Satz. Verwende einfache Wörter». Учащиеся в парах составляют по три предложения о расположении предметов в классе, используя предлоги *in*, *an*, *auf*, *unter*, *hinter*, *vor*, *neben*, *zwischen*, и отправляют их боту. Эмпирически установлено, что при условии предварительного объяснения правила учителем (5 минут) и последующей работы с ботом (15 минут) количество ошибок в аналогичных предложениях в отсроченной письменной работе снижается на 42 % по сравнению с контрольной группой, где учащиеся выполняли традиционные подстановочные упражнения из учебника. Приведём конкретный пример диалога. Учащийся пишет: «Der Stift liegt neben der Heft». Бот (при корректно настроенном промпте) отвечает: «Fast richtig. «Der Heft» ist nicht korrekt. «Das Heft» ist neutral. Nach «neben» mit «wo?» kommt Dativ: «neben dem Heft». Richtig: «Der Stift liegt neben dem Heft». Важно подчеркнуть, что эффективность данного сценария резко снижается, если учащиеся не имеют базового понимания категории рода существительных. Бот фиксирует ошибку в падеже, но не всегда корректно определяет род. Поэтому учитель должен предварительно убедиться, что учащиеся усвоили род наиболее употребительных существительных (*der Tisch*, *die Tasche*, *das Heft* и т. д.).

Вторая тема – порядок слов в придаточных предложениях – была выбрана для апробации сценария с использованием ИИ как генератора трансформационных упражнений. Учитель даёт задание соединить два простых предложения с помощью союза «*weil*» и отправить результат в чат-бот. Например: «Ich will in Berlin studieren. Ich lerne Deutsch». Ожидаемый правильный ответ: «Ich lerne Deutsch, weil ich in Berlin studieren will». Промпт для бота: «Prüfe den Satz auf die richtige Wortstellung im «weil»-Nebensatz. Das konjugierte Verb muss am Ende stehen. Gib eine kurze Erklärung im Fehlerfall». Если учащийся ошибается и пишет «Ich lerne Deutsch, weil ich will in Berlin studieren», бот отвечает: «Falsch. Im «weil»-Satz geht das Verb «will» an das Ende: «weil ich in Berlin studieren will». Korrigierter Satz: «Ich lerne Deutsch, weil ich in Berlin studieren will». Для закрепления бот генерирует по запросу учителя дополнительные пары предложений. Учитель может задать следующий промпт: «Generiere 5 Paare von einfachen Sätzen auf Deutsch (Niveau A2) zum Verbinden mit «weil». Verwende die Vokabeln aus Thema «Schule». Бот генерирует, например: «Ich bin müde. – Ich gehe früh ins Bett»; «Sie hat keine Zeit. – Sie kommt nicht zur Party»; «Wir lernen Vokabeln. – Wir schreiben morgen einen Test». Ключевое отличие от традиционного учебника состоит в том, что объём и содержание упражнений могут быть адаптированы к конкретной учебной ситуации. Как отмечает Б. В. Пеньков, интеграция чат-бота в смешанное обучение позволяет создавать режим погружения в языковую среду без выхода из класса, где каждый грамматический выбор учащегося получает немедленный отклик [Пеньков 2024: 176].

Третья тема – отделяемые и неотделяемые приставки – потребовала использования системы автоматической оценки письменной речи LanguageTool. Данный инструмент был выбран потому, что он, в отличие от генеративных чат-ботов, работает в режиме реального времени (подчёркивает ошибку по мере набора текста) и не требует постоянной отправки запросов. Учащиеся 8-го класса получили задание написать 10 предложений о своём распорядке дня, используя глаголы с отделяемыми приставками (*aufstehen*, *anziehen*, *zuhören*, *anrufen*, *mitnehmen*) и с неотделяемыми приставками (*erzählen*, *verstehen*, *bekommen*, *gehören*, *zerreißen*). LanguageTool, интегрированный в Google Docs, подчёркивал ошибочные формы и предлагал исправления. Наблюдение показало, что наиболее частотной ошибкой было неотделение приставки у глаголов с отделяемыми приставками («*ich aufstehe um 7 Uhr» вместо «ich stehe um 7 Uhr auf») и, напротив, отделение приставки у глаголов с неотделяемыми («*ich ver stehe» вместо «ich verstehe»). LanguageTool корректно исправлял обе ошибки. Однако, как показал анализ, автоматическая коррекция без метаязыкового комментария приводила к тому, что учащиеся не осознавали, почему их форма была неправильной. Поэтому учитель ввёл

дополнительный этап: после того как LanguageTool исправлял ошибку, учащийся должен был записать в тетрадь правило (например, «У глаголов с отделяемой приставкой в презенсе приставка стоит в конце предложения»). В группе, где этот этап отсутствовал (контрольная подгруппа, n=12), через две недели 67 % учащихся воспроизводили те же ошибки. В группе, где этап записи правила присутствовал (экспериментальная подгруппа, n=12), рецидив ошибок составил только 25 %. Данный результат подтверждает тезис Ю. С. Елагиной и К. С. Опариной о том, что автоматическая коррекция без формирования метаязыковой рефлексии не приводит к устойчивому навыку [Елагина, Опарина 2018: 74].

Заключение

Использование ИИ в обучении грамматике немецкого языка в средней школе имеет прочные теоретические основания в когнитивной психологии (автоматизация навыка), теории поэтапного формирования умственных действий (внешний ориентир) и концепции аффективного фильтра (снижение тревожности). Наиболее эффективной является комбинированная модель, включающая три типа ИИ-инструментов: генеративные чат-боты для объяснения ошибок и генерации упражнений, системы автоматической коррекции (LanguageTool) для мгновенной обратной связи и адаптивные тренажёры для запоминания форм. Обязательным условием выступает соблюдение принципа дополнительности: ИИ не заменяет учителя, а выполняет функции тренажёра и первичного корректора; учитель сохраняет за собой адаптацию объяснений, работу со сложными ошибками и развитие метаязыковой рефлексии. Описанные сценарии могут быть непосредственно использованы учителями немецкого языка в повседневной практике. Рекомендуется начинать с одной грамматической темы и одного ИИ-инструмента, и только после освоения переходить к комбинированным сценариям с чат-ботами и системами автоматической коррекции.

Список литературы

1. Аббас З. М. ИИ и русская грамматика: взгляд студентов на обучение в XXI веке // Инновационные исследования в современном мире : сборник статей международной научной конференции. СПб. : Международный институт перспективных исследований им. Ломоносова, 2025. С. 6–14. EDN: KJOYTM
2. Алиева А. А., Лапшова Е. С. Роль искусственного интеллекта в развитии навыков иноязычной письменной речи у студентов-лингвистов // Focus on Language Education and Research. 2024. Т. 5. № 1–2. С. 5–20. EDN: LOVTEW
3. Дрейфельд О. В. Искусственный интеллект как инструмент при выполнении творческих заданий в обучении РКИ // Современный культурно-социальный контекст и проблемы медицинского образования. Кемерово : Кемеровский государственный медицинский университет, 2025. С. 35–42. EDN: LWVIMQ
4. Евстигнеев М. Н., Лобеева П. И., Хаусманн-Ушкова Н. В. Формирование лексико-грамматических навыков студентов технического вуза на материале фразовых глаголов английского языка посредством практики с чат-ботом // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 3. С. 591–609. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-3-591-609 EDN: JPKZJO
5. Егорова Е. В., Лопатухина Т. А. Лингводидактика для учителей основной школы. Ростов-на-Дону : ИП Беспамятнов Сергей Владимирович, 2019. ISBN: 978-5-6043389-4-0 EDN: KXQJTS
6. Елагина Ю. С., Опарина К. С. Значение модульного подхода для самостоятельной работы студентов при изучении грамматики иностранного языка в неязыковом вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2018. № 3 (39). С. 69–81. EDN: VLXSOM
7. Кибиткин Е. А. Теоретические предпосылки использования генеративных мемов на уроках английского языка // Вестник Московской международной академии. 2024. № 1. С. 45–54. EDN: QOEUMP
8. Кувшинова Е. Е. Применение искусственного интеллекта в обучении иностранному языку // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13. № 2. С. 75–84. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.2.7 EDN: BDDVXH
9. Мингажева Е. А., Викторова Е. В. Интеграция современных инструментов искусственного интеллекта в образовательной языковой среде // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 105–115. DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-105 EDN: AUPMNL
10. Можеевская А. Е., Хайруллина М. В. Использование песен и искусственного интеллекта в преподавании русского языка как иностранного // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 5-3. С. 115–117. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.05-3.30 EDN: ZPYCUF
11. Пенёков Б. В., Алфёрова С. В., Кулик Л. В., Седых Е. В. Интеграция чат-бота в смешанное обучение иностранному языку // Актуальные вопросы современных научных исследований : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 175–177. EDN: SKQJRG
12. Трофименко Т. В. Использование искусственного интеллекта в преподавании: зарубежный и отечественный опыт (на примере английского языка) // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2025. № 22. С. 306–316. EDN: AKOXDC

References

1. Abbas Z. M. II i russkaya grammatika: vzglyad studentov na obuchenie v XXI veke [AI and Russian Grammar: Students' Perspectives on Learning in the 21st Century]. *Innovacionnye issledovaniya v sovremennom mire* [Innovative research in the modern world]. Sankt-Peterburg, Mezhdunarodnyj institut perspektivnyh issledovanij im. Lomonosova, 2025, pp. 6-14. EDN: KJOYTM (In Russ.).
2. Alieva A. A., Lapshova E. S. Rol' iskusstvennogo intellekta v razvitii navykov inoyazychnoj pis'mennoj rechi u studentov-lingvistov [The Role of Artificial Intelligence in Developing Foreign Language Writing Skills in Linguistic Students]. *Focus on Language Education and Research*. 2024, vol. 5, no. 1-2, pp. 5-20. EDN: LOVTEW (In Russ.).
3. Drejfel'd O. V. Iskusstvennyj intellekt kak instrument pri vypolnenii tvorcheskih zadaniy v obuchenii RKI [Artificial intelligence as a tool for performing creative tasks in teaching Russian as a foreign language]. *Sovremennyy kul'turno-social'nyj kontekst i problemy medicinskogo obrazovaniya* [Modern cultural and social context and problems of medical education]. Kemerovo, Kemerovskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2025, pp. 35-42. EDN: LWVIMQ (In Russ.).
4. Evstigneev M. N., Lobeeva P. I., Hausmann-Ushkova N. V. Formirovanie leksiko-grammatischeskih navykov studentov tehničeskogo vuza na materiale frazovyh glagolov anglijskogo yazyka posredstvom praktiki s chat-botom [Developing lexical and grammatical skills of students at a technical university using English phrasal verbs through practice with a chatbot]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Bulletin. Series: Humanities]. 2025, vol. 30, no. 3, pp. 591-609. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-3-591-609 EDN: JPKZJO (In Russ.).
5. Egorova E. V., Lopatuhina T. A. Lingvodidaktika dlya uchitelej osnovnoj shkoly [Linguodidactics for primary school teachers]. Rostov-na-Donu, IP Bespamyatnov Sergej Vladimirovich, 2019. ISBN: 978-5-6043389-4-0 EDN: KXQJTS (In Russ.).
6. Elagina Yu. S., Oparina K. S. Znachenie modul'nogo podhoda dlya samostoyatel'noj raboty studentov pri izuchenii grammatiki inostrannogo yazyka v neyazykovom vuze [The Importance of a Modular Approach for Independent Student Work in Studying Foreign Language Grammar in a Non-Linguistic University]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences]. 2018, no. 3 (39), pp. 69-81. EDN: VLXSOM (In Russ.).
7. Kibitkin E. A. Teoreticheskie predposylki ispol'zovaniya generativnyh memov na urokah anglijskogo yazyka [Theoretical background for using generative memes in English lessons]. *Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy]. 2024, no. 1, pp. 45-54. EDN: QOEUMP (In Russ.).
8. Kuvshinova E. E. Primenenie iskusstvennogo intellekta v obuchenii inostrannomu yazyku [Application of artificial intelligence in foreign language teaching]. *Gumanitarnij Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia]. 2024, vol. 13, no. 2, pp. 75-84. DOI: 10.18522/2227-8656.2024.2.7 EDN: BDDVXH (In Russ.).
9. Mingazheva E. A., Viktorova E. V. Integraciya sovremennyh instrumentov iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'noj yazykovoj srede [Integration of modern artificial intelligence tools in the educational language environment]. *Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. 2025, no. 4 (43), pp. 105-115. DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-105 EDN: AUPMNL (In Russ.).
10. Mozheevskaya A. E., Hajrullina M. V. Ispol'zovanie pesen i iskusstvennogo intellekta v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Using songs and artificial intelligence in teaching Russian as a foreign language]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorij i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Contemporary Science: Current Theory and Practice. Series: Humanities]. 2025, no. 5-3, pp. 115-117. DOI: 10.37882/2223-2982.2025.05-3.30 EDN: ZPYCUF (In Russ.).
11. Pen'kov B. V., Alfjorova S. V., Kulik L. V., Sedyh E. V. Integraciya chat-bota v smeshannoe obuchenie inostrannomu yazyku [Integrating a Chatbot into Blended Foreign Language Learning]. *Aktual'nye voprosy sovremennyh nauchnyh issledovanij* [Current issues of modern scientific research]. Penza, Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.YU.), 2024, pp. 175-177. EDN: SKQJRG (In Russ.).
12. Trofimenko T. V. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v prepodavanii: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt (na primere anglijskogo yazyka) [Using Artificial Intelligence in Teaching: International and Domestic Experience (using English as an example)]. *Aktual'nye problemy sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya* [Current issues of modern foreign language education]. 2025, no. 22, pp. 306-316. EDN: AKOXDC (In Russ.).

Информация об авторе

М. В. Боровикова – учитель немецкого языка, Гимназия № 1.

Information about the author

M. V. Borovikova – German Teacher, Gymnasium No. 1.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 25.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 25.03.2026.

Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 104–118.
Eurasian Humanitarian Journal. 2026. No. 2. P. 104–118.

Научная статья

УДК 37.01:004

EDN: ZRSUAE

doi:10.17072/2587-6589-2026-2-104-118

<https://elibrary.ru/zrsuae>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДУ ДИДАКТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМИ РИСКАМИ

Алексей Михайлович Гоголев¹, Илья Иосифович Кац²,
Алексей Владимирович Лесевицкий³
^{1,2,3} Пермский филиал Финансового университета, Пермь, Россия
¹ AGogolev@fa.ru
² ulushacats@gmail.com
³ lasev100@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление и системный анализ антропологических рисков и дидактических возможностей цифровой трансформации образования в контексте Четвертой промышленной революции. В статье на основе междисциплинарного подхода рассматриваются ключевые технологические тренды (искусственный интеллект, Big Data, VR/AR, нейротехнологии) и их влияние на субъекта образовательного процесса. Особое внимание уделяется феномену геймификации, который анализируется сквозь призму теории симулякра Ж. Бодрийяра, что позволяет выявить онтологическую глубину угрозы подмены реальности гиперреальностью. Методологическую базу исследования составляет интеграция диалектического, герменевтического и сравнительно-типологического методов, а также данных педагогической антропологии и неофрейдизма. Научная новизна работы заключается в разработке целостной, сбалансированной модели осмысленного внедрения цифровых инструментов в педагогическую практику, основанной на примате гуманистических целей над технологическими средствами. В результате исследования установлено, что цифровизация порождает некоторые синергетические риски: формирование «кибернетической личности», деструкцию мировоззренческой матрицы человека, «цифровое слабоумие», углубление антропологического неравенства и утрату педагогического суверенитета. Предложенная интегративная модель, включающая принципы содержательно-целевого приоритета, дополненной реальности, цифровой гигиены и антропологической соразмерности, позволяет минимизировать эти угрозы и превратить цифровую среду в пространство для развития свободной, творческой и ответственной личности.

Ключевые слова: цифровизация образования, геймификация, искусственный интеллект, симулякр, гиперреальность, антропологические риски, Ж. Бодрийяр, педагогическая антропология, «кибернетическая личность», цифровая дидактика.

Для цитирования: Гоголев А. М., Кац И. И., Лесевицкий А. В. Цифровая трансформация образования: между дидактическим потенциалом и антропологическими рисками // Евразийский гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 104–118. <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-104-118>. EDN: ZRSUAE

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION: BETWEEN DIDACTIC POTENTIAL AND ANTHROPOLOGICAL RISKS

Alexey M. Gogolev¹, Ilya I. Katz², Alexey V. Lesevitsky³
^{1,2,3} Perm Branch of the Financial University, Perm, Russia
¹ AGogolev@fa.ru
² ulushacats@gmail.com
³ lasev100@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to identify and systematically analyze the anthropological risks and didactic opportunities of digital transformation in education within the context of the Fourth Industrial Revolution. Based on an interdisciplinary approach, the article examines key technological trends (artificial intelligence, Big Data, VR/AR, neurotechnology) and their impact on the subject of the educational process. Special attention is paid to the phenomenon of gamification, which is analyzed through the lens of J. Baudrillard's theory of the simulacrum, revealing the ontological depth of the threat of reality being replaced by hyperreality. The methodological framework integrates dialectical, hermeneutic, and comparative-typological methods, along with data from pedagogical anthropology, neo-Freudianism, and addiction psychology. The scientific novelty lies in the development of a holistic, balanced model for the meaningful implementation of digital tools in pedagogical practice, based on the primacy of humanistic goals over technological means. The results show that digitalization generates synergistic risks: the formation of a «cybernetic personality», the destruction of the worldview matrix, «digital dementia», deepening inequality, and the loss of pedagogical sovereignty. The proposed integrative model, which includes the principles of content-target priority, augmented reality, digital hygiene, and anthropological proportionality, makes it possible to minimize these threats and transform the digital environment into a space for the development of a free, creative, and responsible individual.

Keywords: digitalization of education, gamification, artificial intelligence, simulacrum, hyperreality, anthropological risks, J. Baudrillard, pedagogical anthropology, «cybernetic personality», digital didactics.

For citation: Gogolev A. M., Katz I. I., Lesevitsky A. V. Digital transformation of education: between didactic potential and anthropological risks. *Eurasian Humanitarian Journal*. 2026;2:104-118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2587-6589-2026-2-104-118>. EDN: ZRSUAE

Введение

Современная педагогическая наука находится в состоянии методологического переосмысления своих оснований в условиях беспрецедентного технологического вызова. Традиционные исследовательские парадигмы, сосредоточенные на анализе классических дидактических систем и психологических механизмов усвоения знаний в относительно стабильной среде, сегодня демонстрируют свою недостаточность для понимания и управления процессами, происходящими в образовании. На наш взгляд, интеграция подходов из различных областей гуманитарного и технологического знания становится не просто желательной, а строго обязательной для формирования адекватных прикладных решений. Настоящая работа представляет собой результат такого интегративного исследования, фокус которого направлен на центральный парадокс современной образовательной реальности: одновременное расширение дидактических возможностей и нарастание антропологических угроз в процессе цифровизации обучения.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена не только скоростью технологических изменений в рамках педагогического универсума, но и глубиной их воздействия на экзистенциальные основы человеческого бытия. Речь идет уже не о простой замене мела на интерактивную доску, а о потенциальной трансформации самого субъекта образовательного процесса, его когнитивных и мировоззренческих стратегий, эмоциональной сферы, системы ценностей и социальных связей. Объектом нашего комплексного анализа выступают не изолированные технологические инструменты, а целостный феномен цифровой трансформации образовательной среды, понимаемый как системное изменение условий, способов и целей педагогического взаимодействия под влиянием проникновения цифровых технологий во все его элементы. Предмет исследования конкретизируется через призму двух взаимосвязанных процессов, служащих своего рода линзами для рассмотрения этой трансформации: геймификации как метода мотивации и организации учебной деятельности и собственно цифровизации как инфраструктурной и содержательной перестройки всей системы образования. Методологический каркас работы сознательно конструируется как междисциплинарный: диалектический метод Г. Гегеля позволяет выявить и проанализировать имманентные противоречия процесса развития; герменевтический подход дает ключи к интерпретации смыслов таких феноменов, как «игра», «симулякр», «гиперреальность»; инструментарий педагогической антропологии направлен на оценку влияния изменений на эмансипированное становление личности; а данные неофрейдистского дискурса и «психологии зависимости» [Корчагина и др. 2016; Фадеева 2010] обеспечивают эмпирическое основание для содержательных выводов.

Цель данной работы заключается в том, чтобы, преодолевая узкотехнологический или излишне консервативный взгляд, предложить научно обоснованную, сбалансированную модель осмысленного внедрения цифровых инструментов в педагогическую практику. Эта модель, на наш взгляд, должна быть ориентирована на нивелирование рисков и максимизацию потенциала технологий для развития целостной, критически мыслящей, творческой и нравственно ответственной личности, способной к жизни и деятельности в условиях неопределенности и сложности цифрового века. Достижение этой цели требует последовательного движения мысли через три ключевых исследовательских этапа: системную оценку макропроцесса цифровизации и аналитическую деконструкцию феномена геймификации, а также, наконец, синтез полученных паттернов в системе конкретных прикладных решений и педагогических принципов.

Основная часть

В рамках нашего исследования необходимо провести системный анализ основных технологических трендов, определяющих облик образования XXI века. Такой анализ требует интеграции знаний из областей технологического прогнозирования, экономики, социологии, права, медицины и кибербезопасности. Фундаментальная футурологическая работа Клауса Шваба «Технологии Четвертой промышленной революции» [Шваб 2018] служит здесь для нас важным ориентиром и источником, описывающим конвергенцию физических, цифровых и биологических технологий. Помимо этого, мы опирались на исследования Дж. Гэлбрейта [Гэлбрейт 2004], Э. Тоффлера [Тоффлер 2004] и Ф. Фукуямы [Фукуяма 2004]. Рассмотрим ключевые тренды и их педагогические импликации через призму уникальных возможностей и объективных порождаемых рисков.

Основные технологические тренды современного образования имеют следующий потенциал.

1. Аналитика больших данных (Big Data) и адаптивное обучение. Обработка колоссальных массивов данных об учебной деятельности каждого ученика позволяет перейти от унифицированного подхода к настоящей персонализации: «Если в 2018 году весь объем хранимой человечеством цифровой информации был равен чуть более 20 зеттабайтам, то уже к 2025 году он вырастет более чем в 8 раз и достигнет цифры более 160 зеттабайт» [Мальцев 2019: 32–33]. Алгоритмы могут выявлять важные педагогические закономерности в рамках деятельностного подхода: какие типы заданий вызывают затруднения, в какое время суток ученик наиболее продуктивен, какие темы требуют повторения и пр. На основе полученных данных формируются индивидуальные траектории, рекомендованные ресурсы, прогнозы успеваемости. Это радикально меняет роль учителя: из транслятора знаний он превращается в тьютора, навигатора, интерпретатора данных, который помогает ученику выстроить свой уникальный образовательный маршрут. Перспективным направлением является прогнозирование потенциального отставания учащегося на ранних стадиях, что позволяет преподавателю вовремя вмешаться и скорректировать процесс.

2. Искусственный интеллект (ИИ) и интеллектуальные обучающие системы. ИИ-ассистенты уже сегодня способны выполнять множество рутинных функций, помогая преподавателям проверять типовые тесты и упражнения, генерировать персональные задания, отвечать на часто задаваемые вопросы учеников в формате 24/7. Более сложные системы могут вести диалог на любом языке, выступая в роли виртуального репетитора (например, в изучении различных предметов). ИИ также используется для создания «цифровых двойников» учеников – виртуальных интеллектуальных моделей, которые позволяют тестировать различные педагогические стратегии без риска для реального ребенка. Это открывает путь к «масштабированию» индивидуально-личностного подхода, что особенно актуально в условиях нехватки педагогических кадров и обратного процесса роста численности обучающихся [Дидактическая концепция... 2019].

3. Интернет вещей (IoT) и «умная» образовательная среда. Оборудование учебных пространств датчиками, камерами, сенсорными панелями и другими подключенными устройствами создает принципиально новую педагогическую среду. «Умный класс» может автоматически регулировать освещение и температуру в зависимости от времени суток и

активности детей, проецировать необходимые материалы на любую поверхность, фиксировать ход эксперимента в цифровой лабораторный журнал, обеспечивать безопасность и пр. Это превращает школу из пассивного «контейнера» для обучения в активного, реагирующего на малейшие изменения участника образовательного процесса, снимая с учителя множество рутинных и организационных задач [Вербах, Хантер 2015].

4. Виртуальная (VR), дополненная (AR) и смешанная (MR) реальность. Эти современные технологии обеспечивают беспрецедентный уровень виртуального эффекта присутствия в рамках педагогического процесса: «Технологии VR, ДР и СР – это не просто новые способы испытывать на себе цифровые среды. Данные технологии представляют собой платформы и системы, в которых можно обеспечить создание, обмен и распространение ценностей. Предлагая совершенно новый канал восприятия мира и взаимодействия с ним, они становятся одной из самых мощных преобразующих мир технологий Четвертой промышленной революции. Однако из-за эффекта присутствия они более, чем другие цифровые каналы, будут размывать границу между искусственными технологиями, внешним миром и ролью человеческой интуиции и субъективности. Изменяя механизм нашего взаимодействия с Интернетом и цифровыми средами, VR и ДР поднимают важнейшие вопросы о мироощущении современного человека» [Шваб 2018: 205]. Современный ученик может «пройтись» по улицам древнего Рима, «уменьшиться» до размеров молекулы и пролететь сквозь нее, провести виртуальное вскрытие тела или отрепетировать публичное выступление перед цифровой аудиторией. VR – это мощнейший инструмент для развития пространственного мышления, эмпатии (например, через симуляции, позволяющие почувствовать себя человеком с ограниченными возможностями), отработки практических навыков в безопасных условиях. К. Шваб отмечает, что эти технологии «становятся одной из самых мощных преобразующих мир технологий», но и предупреждает, что они «будут размывать границу между искусственными технологиями, внешним миром и ролью человеческой интуиции» [Шваб 2018: 205].

5. 3D-печать и фабрикаторы. Возможность быстро и дешево материализовать любую цифровую модель превращает класс в мини-фабрику идей, которые могут найти свое материальное воплощение. Ученики могут проектировать и создавать прототипы изобретений, модели архитектурных сооружений, исторических артефактов, детали механизмов и пр. Это стирает грань между теоретическим обучением и практическим созиданием, способствуя развитию инженерного мышления, дизайн-мышления и разнообразных предпринимательских навыков. Современное цифровое образование становится проектно-ориентированным и тесно связанным с реальным миром: «Печать живых тканей или биопечать также стали быстро развиваться. Вероятно, в будущем будет возможна печать целых органов» [Шваб 2018: 168].

6. Нейротехнологии и биометрические данные. Это наиболее этически сложная область. Исследования в области нейроинтерфейсов, отслеживания движений глаз (eye-tracking), анализа паттернов мозговой активности (ЭЭГ) потенциально могут предоставить данные о концентрации внимания, когнитивной нагрузке, эмоциональном состоянии ученика в режиме реального времени. Теоретически это позволит создавать идеально адаптированные учебные материалы.

Каждый из описанных трендов порождает не только беспрецедентные возможности, но и достаточно специфические риски. Однако главная опасность, по нашему мнению, заключается в их синергетическом, мультипликативном эффекте, когда разные риски усиливают друг друга, создавая системную угрозу для образования как гуманистического института.

Рассмотрев многообразные положительные факторы развития процесса цифровизации образования, перейдем к комплексной оценке мультипликативных рисков подобных инновационных изменений:

1. Формирование «кибернетической личности» (Э. Фромм) [Фромм 1994]. Неофрейдист и философ Эрих Фромм предупреждал об опасности симбиоза человека и машины, при котором техника становится объектом его экзальтированного нарциссического обожания: «Моноцеребральная личность настолько сильно вписана в автоматизированную систему, что

механизмы, созданные руками человека, становятся также объектами его нарциссизма. Он обожает машины как самого себя. Практически между ними складываются некоторого рода симбиозные отношения» [Фромм 1993: 303]. Цифровая среда, стремящаяся к тотальному учету и контролю, продуцирует именно такой тип личности: функциональный, эффективный, но эмоционально обедненный, с размытой идентичностью, для которого мир делится на «интерфейсы» и «пользователей». Это личность с «одномерным сознанием» (Г. Маркузе), не способная к критической рефлексии над основами существующего технологического порядка.

2. Деструкция мировоззренческой матрицы и когнитивные искажения. Постоянное взаимодействие с алгоритмизированными, предсказуемыми цифровыми системами формирует ожидание такой же предсказуемости от реального мира. Сложность, нелинейность, парадоксальность и непредсказуемость реальности начинают восприниматься цифровым «поколением Z» как своеобразная досадная помеха. Продуцируется психологическое отчуждение от реальности. Происходит когнитивное упрощение. Более того, гиперперсонализация информационного потока (создаваемая Big Data и ИИ) нередко ведет к попаданию в «мировоззренческий калейдоскоп», что затрудняет формирование целостной, объективной картины мира и способствует продуцированию «расколотого Я» (Р. Лэнг) личности [Кириченко 2021].

3. Цифровое слабоумие (Digital Dementia). Современные нейропсихологические исследования указывают на то, что активное использование гаджетов с раннего детского возраста может негативно влиять на развитие тех отделов мозга, которые отвечают за память, концентрацию, эмоциональный контроль [Тихон 2020]. Постоянное переключение между разными задачами, привычка к быстрой, поверхностной обработке информации («клиповое мышление») снижают способность к глубокому, системному мышлению, рассеивают внимание, необходимое для высокоэффективной интеллектуальной работы: «Интеллектуальный инсульт – болезнь, которая широко распространится в ближайшем будущем, и, увы, это окончательный диагноз. Философ Дуглас Рашкофф называет схожее с этим состояние диджифренией – цифровой шизофренией – и определяет ее как новый вид психического расстройства. Это точка невозврата, когда атрофируются критически важные части нейронных связей в мозге человека, он теряет долговременную память, способность принимать решения и возможность существовать самостоятельно. Интеллектуальный инсульт провоцирует полную зависимость от устройств, обеспечивающих жизнедеятельность и социализацию в среде. Иными словами, это высокотехнологичный путь в абсолютное рабство. Условным бонусом станет только выбор компании, которой вы доверите свою жизнь и отдадите свободу» [Николаев 2016: 163–164].

4. Риск деградации и своеобразной «маргинализации» профессии педагога. Логика экономической оптимизации в перспективе может привести к попыткам замены учителя комбинацией цифровых платформ и далеких от педагогики «тьюторов-модераторов». Это не только уничтожает уникальную воспитательную и смыслообразующую функцию учителя, но и ведет к депрофессионализации целого слоя высококлассных специалистов. Однако, по мнению авторов данного исследования, полностью исключить педагога из процесса обучения не представляется возможным без тотального разрушения всего педагогического процесса: «Характерным в этом отношении является признание международной группы футурологов о том, что обучение «от человека к человеку», по всей видимости, и впредь будет оставаться ключевым фактором развития, самой эффективной формой обучения и в случае направляемого и в случае «самоуправляемого обучения». Таким образом, если не созданы условия для специальной (педагогической) подготовки обучающихся к эффективному использованию ресурсов образовательной среды, существует риск превращения онлайн-обучения в «суррогатное обучение» или обучение «второго сорта»» [Дидактическая концепция... 2019: 64].

5. Риск диктата технократов и утраты педагогического суверенитета. На наш взгляд, это один из принципиальных вопросов современного процесса обучения. Кто определяет, каким будет образовательный контент в цифровую эпоху? Зачастую это крупные IT-корпорации и платформы, чьи интересы лежат в области монетизации данных и удержания

внимания пользователя, а не в развитии личности обучающегося. Педагогическое сообщество рискует потерять контроль над содержанием учебного контента и методами обучения, превратившись в обезличенных операторов чужого инновационного продукта. Возникает насущная необходимость появления «методиста-архитектора цифровых средств» – это своеобразная попытка вернуть педагогике субъектность в технологическом диалоге.

6. Риск углубления образовательного неравенства («цифровой разрыв») [Грамши 1991]. Цифровизация педагогического процесса требует достаточно дорогостоящей инфраструктуры, разнообразных устройств, качественного высокоскоростного интернета, цифровой грамотности потребителей. Это создает риск нового, еще более глубокого раскола между «цифровой элитой», имеющей доступ к лучшим ресурсам и персонализированным траекториям, и «цифровыми аутсайдерами», ограниченными «примитивными» или бесплатными версиями продуктов. Образование вместо социального лифта может превратиться в механизм закрепления социального неравенства: «Разделение на элиту и массу доходит до уровня чистой модели – на тех, кто понимает законы существования этого общества, и тех, кто просто нажимает на кнопки. «Человек массы» наполнен сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Это человек, считающий себя образованным, но образованным именно чтобы быть винтиком – «специалист»» [Кара-Мурза 2010: 56].

7. Риск потери физического и психического здоровья. Длительная работа с цифровыми устройствами приводит к компьютерному «зрительному синдрому», нарушениям осанки (сколиоз, кифоз), гиподинамии, связанным с ней заболеваниям (ожирение, сердечно-сосудистые проблемы и пр.): «Длительная работа за компьютером ведет к ухудшению зрения, гиподинамии, социальной изоляции. Вредное влияние электронных устройств на обучающегося проявляется в электромагнитном облучении организма. Большие дозы вредных физических воздействий, которые могут накапливаться в течение нескольких лет в конечном счете могут вызвать серьезные последствия» [Тихон 2020: 37]. Помимо уже упомянутой целым рядом психологов и нейрофизиологов зависимости от разнообразных «гаджетов» и инновационных технических средств, исследователи фиксируют рост тревожности, депрессии, социофобии среди подростков, активно пользующихся соцсетями и пр. Феномен FOMO (Fear Of Missing Out – страх упустить что-то важное), кибербуллинг, давление необходимости создавать «идеальную» цифровую личность становятся источниками хронического «кибернетического стресса» [Кузнецов, Лебедев 1972]. Государство достаточно жестко регламентирует количество времени, которое учащийся может проводить перед компьютером в целях сохранения его здоровья [Постановление... 2020].

8. Риск утраты кибербезопасности и персональных данных. Образовательные платформы аккумулируют гигантские объемы конфиденциальных данных об учащихся: не только их успеваемость, но и биометрические параметры (в системах с распознаванием лиц), психологические профили и пр. Утечка этих данных, их использование в коммерческих или даже мошеннических целях представляет собой серьезную угрозу для субъектов образовательной деятельности любого уровня.

9. Геополитические риски. В условиях технологического и междисциплинарного противостояния России и «коллективного Запада» зависимость от зарубежного программного обеспечения (операционные системы, офисные пакеты, системы управления обучением и пр.), а также от контента, пропитанного чуждыми ценностными установками, становится вопросом национальной безопасности и сохранения государственного суверенитета. Необходимость «инновационного возврата» к лучшим отечественным педагогическим традициям и создания собственной, защищенной цифровой образовательной экосистемы – это не консервативный тезис, а стратегическая насущная задача.

Таким образом, системный анализ цифровизации через призму междисциплинарного подхода раскрывает всю сложность и противоречивость этого процесса. Технологии предстают не как нейтральные инструменты, а как силы, перестраивающие саму антропологическую, социальную и культурную ткань образования: «Появление новой

виртуальной реальности, усложнение познавательного и ценностного отношения человека к действительности с учетом формирования виртуальной реальности, появление новых виртуальных ценностей, новых социальных связей в информационных сообществах, информационный взрыв – это такие основания изменений человека информационного общества, которые через прямые и опосредованные причинно-следственные связи могут детерминировать полное качественное превращение человека в иное существо, в сравнении с критериями человека, человеческих качеств, которые вырабатывались в рамках религий, философских систем, художественного творчества, научных исследований прошлых эпох» [Поросенков, Власова 2012: 47–48]. Этот процесс трансформации требует не адаптации к изменениям, а активного, осмысленного управления ими на основе четких гуманистических принципов классической педагогики.

Второй этап нашего исследования требует глубокого погружения в природу игры как фундаментального антропологического феномена. Такой анализ невозможно осуществить в рамках одной лишь дидактики: он требует интеграции историко-культурологического, философского и психологического подходов. Опора на классический труд Йохана Хейзинги «*Homo Ludens*» является здесь отправной точкой [Хейзинга 1992]. Культуролог не просто констатирует повсеместность игры, но утверждает ее первичность по отношению к культуре: «Существование игры не привязано ни к определенной ступени культуры, ни к определенной форме мировоззрения. Любое мыслящее существо может немедленно представить себе эту реальность – игру, «играние» – как самостоятельное, самодовлеющее нечто, если даже его собственный язык не располагает общим словесным выражением этого понятия. Игру нельзя отрицать. Можно отрицать почти все абстрактные понятия: право, красоту, истину, добро, дух, Бога. Можно отрицать серьезность. Игру – нельзя» [Хейзинга 1992: 12]. Игра, по Хейзинге, есть свободная деятельность, осознанно находящаяся вне «обыденной» жизни, но при этом могущая полностью захватывать играющего. Она протекает внутри определенных границ места, времени и смысла, по добровольно принятым общим правилам. Этот анализ важен для педагогики, ибо указывает на то, что игровое начало не является внешним, привнесенным в обучение элементом, а соответствует глубокой потребности человеческой природы в освоении мира через свободное, творческое, условное действие.

Историко-педагогический обзор наглядно демонстрирует, как эта потребность находила свое выражение в различных образовательных системах. В античной пайдеей состязательность (агон) была не только элементом физического воспитания на Олимпийских играх, но и основой интеллектуальной культуры: философские диспуты, соревнования раторов, театральные представления были формами игрового освоения идеалов истины, красоты и добродетели. В средневековых университетах диспуты и защиты тезисов также носили ярко выраженный игровой, ритуализированный характер с четкими правилами и распределенными ролями. Эпоха Возрождения и гуманизма сделала игру осознанным педагогическим инструментом: Эразм Роттердамский в «Похвале Глупости» использовал ироническую, игровую форму для серьезной критики общества, а в педагогических сочинениях ратовал за привлекательность и легкость обучения. Ян Амос Коменский, провозглашая принцип природосообразности, прямо указывал на необходимость сделать школу «мастерской гуманности», а учебу – «приятным и легким занятием», что предполагало широкое использование игровых элементов, драматизаций, наглядных пособий. В Новое время игру как мощный социальный и воспитательный инструмент блестяще использовал советский педагог Антон Макаренко в своей коммунаской методике, создавая систему коллективных творческих дел, смотров, соревнований между отрядами. Зарубежные педагоги-реформаторы – Мария Монтессори с ее идеей развивающей среды, Джон Дьюи с обучением через опыт – также встраивали игровое начало в саму ткань образовательного процесса.

Таким образом, исторический анализ позволяет сделать первый важный вывод: игровые методы являются не модным нововведением, а традиционным, проверенным временем инструментом педагогики, корни которого уходят в глубь человеческой культуры. Однако следующий шаг анализа приводит нас к более сложному аспекту. Все описанные

исторические формы игры обладали одним принципиальным свойством: они были укоренены в реальности непосредственного, «живого» межличностного взаимодействия. Это была игра «лицом к лицу», где эмоции, мимика, интонация, физическое присутствие, спонтанная и непредсказуемая реакция создавали уникальный, неповторимый контекст. Эта игра не подменяла реальность, а создавала внутри нее особое, специфическое пространство, которое, однако, оставалось частью общего социального и материального мира. Именно это свойство классической игры радикально изменяется с приходом геймификации в педагогический процесс.

Для осмысления этого изменения необходим переход от историко-педагогического анализа к философско-культурологическому, в частности, к концепциям постмодернистской философии. Ключевой фигурой в контексте наших размышлений является французский философ Жан Бодрийяр с его теорией симулякра. Постмодернист утверждает, что в современную эпоху произошел разрыв между знаками (смысловыми системами) и реальностью, которую они призваны обозначать (отражать). Симулякр – это не просто копия объективной реальности, а копия, утратившая связь с оригиналом и существующая самостоятельно: «Воображаемое было алиби реального, в мире, управляемом принципом реальности. Сегодня реальное само стало алиби модели, в универсуме, управляемом принципом симуляции. И парадоксально то, что именно реальное стало нашей настоящей утопией» [Бодрийяр 2021: 142]. Симулякр продуцирует гиперреальность – мета-реальность, сконструированную медиа и высокотехнологичными симуляциями, которая воспринимается как более подлинная и настоящая, чем объективная реальность, ибо она идеальна, очищена от случайностей, непредсказуемости и спонтанности и полностью управляема акторами манипуляции.

Применение этой философской концепции в анализе геймификации в образовании оказывается чрезвычайно плодотворным. Виртуальная образовательная среда, immersive-симуляторы, gamified-платформы с их баллами, бейджами и рейтингами – это и есть порождение новой педагогической гиперреальности [Николаев 2016]. Это симулякры учебной деятельности: виртуальная лаборатория, где эксперимент всегда проходит идеально; историческая реконструкция, где ученик является центральным героем событий прошлого; языковая среда, где искусственный интеллект бесконечно терпеливо исправляет ошибки учащихся. В этой технологической реальности исчезает фундаментальное для традиционного обучения напряжение между замыслом и воплощением, между правилом и исключением, между успехом и неудачей. Риск, усилие, случайность, непредсказуемость – все то, что составляет ткань реального опыта и реального познания, – в определенном смысле нивелируется. Ученик взаимодействует не с объективной, сопротивляющейся реальностью, а с ее идеализированной, алгоритмизированной, не существующей объективно моделью.

Философский анализ позволяет зафиксировать фундаментальный онтологический вызов: если традиционная педагогическая игра создавала внутри реальности условный мир, обогащавший и усложнявший ее саму, то цифровая геймификация, основанная на симулякрах, стремится подменить реальность, предложив взамен более комфортную, но иллюзорную гиперреальность. Наш предварительный вывод напрямую связан с психологическими концепциями, описывающими последствия перманентной жизни в цифровой среде. Понятия «цифрового аутизма» (снижение способности к эмпатии и живому межличностному общению), «клипового мышления» (фрагментарность восприятия, отсутствие продолжительной концентрации внимания), отчуждения от своего «подлинного Я» (когда виртуальная идентичность и мотивация вытесняет неповторимый внутренний мир личности) получают в свете теории Ж. Бодрийяра глубокое философское обоснование. Они предстают уже не как случайные побочные эффекты, а как некие закономерные следствия жизни в мире симулякров, где граница между реальным и смоделированным постепенно упраздняется.

Таким образом, интеграция философского подхода в проблемное поле нашего исследования позволяет перевести обсуждение геймификации из сугубо практической плоскости («эффективно/неэффективно») в экзистенциально-психологическую («аутентично/неаутентично», «реально/симулировано», «абсурдно/осмысленно»), что задает совершенно иной уровень постановки педагогических проблем и поиска их решений.

На следующем этапе нашего исследования необходимо перейти с философско-метатеоретического уровня на уровень конкретно-научного анализа, интегрируя данные педагогической дидактики и психологии. Это позволит верифицировать философские тезисы эмпирическими данными и структурировать поле практического применения феномена геймификации в педагогическом процессе. Современные исследования, проводимые в разных странах, предоставляют обширный материал, подтверждающий как значительный потенциал подобного инновационного феномена, так и некоторые риски [Колосова и др. 2022; Мурзагалина и др. 2022].

На наш взгляд, цифровая геймификация педагогического процесса обладает целой палитрой преимуществ и положительных аспектов:

1. Мотивационный эффект. Это наиболее часто упоминаемое в исследовательской литературе преимущество. Геймификация, используя такие элементы, как очки, уровни, бейджи, прогресс-бары, таблицы лидеров, немедленную обратную связь, напрямую воздействует на систему вознаграждения мозга, стимулируя выброс дофамина. Для «поколения Z», сформированного цифровой культурой мгновенного отклика-стимула, такой формат является привычным и психологически привлекательным. Исследования современных педагогов показывают повышение вовлеченности обучающихся, регулярности выполнения заданий и общего времени, уделяемого учебной деятельности на геймифицированных платформах по сравнению с традиционными методами [Вербах, Хантер 2015].

2. Практико-ориентированность и безопасное моделирование. Цифровые симуляторы предоставляют уникальную возможность «проживания» сложных, дорогостоящих или опасных профессиональных ситуаций. Медицинские симуляторы внутрисюстных операций, виртуальные тренажеры управления самолетом или атомным реактором, бизнес-симуляторы, воссоздающие жесткую рыночную конкуренцию – все это позволяет получить умения и навыки в условиях, где цена ошибки может быть катастрофически высока (условия реального процесса). Это реализация принципа практического обучения в его наиболее технологически продвинутой инновационной форме.

3. Персонализация и адаптивность. Хорошо спроектированные геймифицированные системы могут анализировать действия пользователя и подстраивать уровень сложности, тип заданий и темп прохождения под индивидуальные возможности каждого обучающегося. Это позволяет избежать как ситуации избыточной простоты (скука), так и ее непосильной сложности (фрустрация), поддерживая ученика в «зоне эффективного развития».

4. Развитие «мягких навыков» (soft skills). Многие образовательные игры, особенно многопользовательские или командные, способствуют развитию коммуникации, кооперации, элементов стратегического планирования, распределения ролей, управления ресурсами, решения проблем в условиях неопределенности. Студент учится не только предметному содержанию искомой дисциплины, но и социальным и метакогнитивным компетенциям, критически важным для экзистенции в XXI веке.

5. Формирование устойчивой учебной траектории и привычки к обучению. Игровые механики, поощряющие регулярные, пусть и небольшие, действия (например, ежедневные квесты или серии заданий), могут способствовать выработке привычки к систематическим занятиям, преодолению прокрастинации.

С другой стороны, процесс геймификации системы образования содержит, на наш субъективный взгляд, ряд рисков и негативных последствий:

1. Подмена внутренней мотивации внешней («эффект сверхоправдания»). По нашему мнению, это один из главных психологических рисков. Когда внешние награды (очки, бейджи, рейтинги) становятся слишком весомыми, внутренняя же мотивация, основанная на интересе, любознательности, чувстве долга или стремлении к мастерству, может ослабеть или вовсе исчезнуть. Ученик начинает учиться не ради знаний, а ради «высокого рейтинга» или возможности окунуться в виртуальный мир симулятора. Как только внешние технологические стимулы-симулякры исчезают, пропадает и желание заниматься предметом. Это делает его познавательную активность крайне неустойчивой, ситуационной и зависимой от внешнего инновационного подкрепления [Корчагина и др. 2016].

2. Формирование зависимого поведения (игровая/компьютерная зависимость). Нейропсихологические механизмы, лежащие в основе геймификации (дофаминовая система вознаграждения за предвкушение и достижение цели), идентичны механизмам, вовлеченным в формирование поведенческих зависимостей. Чрезмерно увлекательные, бесконечно генерирующие контент системы могут привести к потере контроля над временем, пренебрежению базовыми потребностями (сон, еда, общение), синдрому отмены при невозможности играть. Ряд исследователей прямо сравнивают этот тип зависимости с химическим: «В 90-х г. XX в. термин «компьютерная зависимость» классифицируется как разновидность эмоциональной «наркомании», вызванной техническими средствами и характеризуется как патологическое пристрастие человека к работе, игре или проведению времени за компьютером. Однако если наркотическую зависимость относят к фармакологическим, то компьютерную к субстанциональным. Несмотря на различие агентов, вызывающих данные аддикции, характерными особенностями проявлений той и другой являются синдром абстиненции, стремление любой ценой заполучить желаемый объект, поведение, направленное на приобретение этого объекта, снижение критического отношения к негативным сторонам зависимости, потеря интереса по отношению к социальной стороне жизни, внешнему виду, удовлетворению других потребностей» [Фадеева 2010: 218].

3. Упрощение и тривиализация знания. Стремление «упаковать» сложный, многогранный, часто амбивалентно противоречивый учебный материал в формат простых квестов, бинарных выборов и четких правил ведет к его неизбежному упрощению. История превращается в цепочку битв, литература – в сборник моральных дилемм, физика – в набор головоломок. Исчезают нюансы, противоречивая сложность, контекст, возможность множественных интерпретаций, что формирует упрощенную, «черно-белую» и примитивную картину мира [Колосова и др. 2022].

4. Риск латентной манипуляции и идеологического воздействия на сознание («процедурная риторика»). Игровой дизайнер, создавая правила и возможные действия в обучающей игре, неявно закладывает в нее определенную систему ценностей и модель мышления, продуцируя поведение определенного типа. Игрок, следуя данным правилам, усваивает и эту систему, часто не отдавая себе отчета (воздействие на сферу бессознательного). Этот феномен, описанный Яном Богостом, называется «процедурной риторикой». Обучающая игра может незаметно транслировать определенные политические, экономические или культурные установки (например, крайний индивидуализм, консьюмеризм, безнравственность, эгоизм, материализм и пр.).

5. Социальное отчуждение и кибербуллинг. Хотя многопользовательские игры декларируют развитие коммуникации, эта коммуникация часто остается поверхностной, инструментальной и анонимной. Более того, конкурентная игровая среда (таблицы лидеров, PvP-механики, рейтинги) может провоцировать агрессию, кибербуллинг и формирование токсичного сообщества, что особенно опасно в школьной и студенческой среде. По мнению некоторых авторов, цифровое отчуждение может продуцировать достаточно серьезные последствия: «В некоторых клинических случаях, как указывает автор, социальная изоляция подобного круга может также участвовать в генезисе развития настоящей шизофрении, придавая последней черты своеобразия» [Кузнецов, Лебедев 1972: 31].

Интеграция дидактического и психологического анализа таким образом позволяет перейти от абстрактных философских категорий к конкретным, измеряемым параметрам оценки образовательных игровых практик, что является необходимым условием для разработки прикладных рекомендаций по их использованию.

Полученные на предыдущих этапах исследования данные – от философской деконструкции симулякра до эмпирического анализа рисков цифровизации – необходимо синтезировать, на наш взгляд, в целостную систему принципов и конкретных прикладных решений. Цель такого объединения – предложить работающую модель, которая позволила бы образованию не стать заложником технологического детерминизма, а поставить технологии на службу высшим гуманистическим целям. Эта модель базируется на интеграции классических педагогических ценностей с компетентным, критическим и подчиненным управлением цифровыми инструментами. Обозначим основные принципы:

1. Принцип содержательно-целевого приоритета (примат педагогики над технологией). Любое внедрение цифрового инструмента должно начинаться не с вопроса «Какую технологию использовать?», а с вопросов: «Какую педагогическую задачу мы решаем?», «Какой дефицит в текущем учебном процессе восполняем?», «Как это обогатит содержание и углубит понимание?». Технологии – средство, а не цель. Например, использование VR для реконструкции битвы на уроке истории должно быть встроено в более широкий контекст изучения прошедшей эпохи: предваряться работой с источниками, архивными документами, научной литературой, а завершаться рефлексивным обсуждением моральных дилемм войны, написанием эссе или мини-исследования, сравнением точек зрения разных ученых, обстоятельными выводами. Цифровые инструменты – это один из важных современных этапов педагогического процесса, но далеко не вся цепочка обучения.

2. Принцип дополненной, а не замещающей реальности. Цифровые практики должны не вытеснять, а обогащать и дополнять традиционные формы живого взаимодействия. Речь идет о создании концепта «смешанного обучения» в его наилучшем понимании: онлайн-активности (лекции, тренажеры, тесты, видеолекции и пр.) готовят базу, экономят время, а очные занятия (семинары, дискуссии, проектная работа, лабораторные эксперименты) направлены на углубление, интерпретацию, проектную деятельность, творческое применение ЗУН, сложное социальное взаимодействие. Баланс соотношения инновации и традиции должен быть зафиксирован в учебных планах и программах.

3. Принцип осознанности и цифровой гигиены. Образовательные программы должны включать в себя не только предметное содержание, но и целенаправленное формирование у обучающихся «цифровой грамотности» (digital literacy) в самом широком смысле: понимание алгоритмов работы платформ, критическое отношение к непроверенной информации, глубокие навыки защиты персональных данных, осознание механизмов формирования игровой и интернет-зависимости, эффективное управление своим временем и вниманием. Это такая же базовая грамотность в современном мире, как чтение и письмо.

4. Принцип антропологической соразмерности. Использование технологий должно учитывать возрастные, психофизиологические и индивидуальные особенности обучающихся. Жесткое соблюдение санитарных норм (СанПиН) – не бюрократическое препятствие в рамках педагогического процесса, а условие сохранения здоровья обучающихся [Постановление... 2020]. Для младших школьников доминирующими должны оставаться сенсомоторные, игровые (нецифровые) и социальные формы активности на занятиях. По мере взросления доля цифровых инструментов может возрастать, но никогда не должна становиться тотальной и определяющей.

5. Принцип внедрения Национальной образовательной цифровой платформы (НОЦП). По мнению авторов, это должна быть открытая, но защищенная экосистема, создаваемая консорциумом из ведущих педагогов, ученых, IT-разработчиков и специалистов по кибербезопасности. Платформа должна включать:

- а) верифицированный, качественный образовательный контент по всем предметам, выстроенный в соответствии с ФГОС, но допускающий вариативность;
- б) инструменты для проектной и исследовательской деятельности;
- в) систему для дистанционного взаимодействия с защищенными каналами амбивалентной связи;
- г) аналитические инструменты для преподавателей и администрации.

6. Принцип создания системы сертификации цифрового образовательного контента и приложений. На наш взгляд, независимая экспертиза должна оценивать не только техническое и технологическое качество, но и педагогическую адекватность, соответствие возрастным нормам, отсутствие скрытой манипуляции сознанием и рекламы, требования к защите данных. Только сертифицированный и абсолютно безопасный для физического и психического здоровья обучающихся цифровой контент может использоваться в государственных и муниципальных образовательных организациях.

7. Принцип масштабной программы переподготовки педагогических кадров. По мнению авторского коллектива, акцент должен быть смещен с курсов по освоению конкретных компьютерных программ на фундаментальную подготовку (переподготовку):

философия цифрового образования, психология цифровой эпохи, дизайн учебного опыта, основы аналитики данных в педагогике, цифровая этика и ее правовые аспекты. Современный преподаватель должен стать архитектором образовательной среды, интегратором технологий.

8. Принцип разработки и принятия своеобразного локального этико-технологического кодекса. Этот внутренний документ должен регламентировать: нормы времени использования цифровых устройств на уроках и дома; принципы жесткого отбора и использования цифрового контента; правила защиты персональных данных всех участников педагогического процесса; политику своевременного реагирования на случаи кибербуллинга и возникновения цифровой зависимости; приоритет живого очного взаимодействия в учебной и воспитательной работе.

9. Принцип введения новой должности педагога-методиста по цифровой трансформации (или «цифрового куратора»). На наш взгляд, этот специалист, прошедший углубленную профильную подготовку, должен координировать внедрение цифровых технологий, проводить внутренний аудит цифровых практик, консультировать коллег, выступая связующим звеном с IT-службой.

10. Принцип организации образовательного пространства по соблюдению своеобразного «цифрового баланса». В школе должны быть созданы зоны разного типа: технологически насыщенные («умные» классы, медиалаборатории, коворкинги с соответствующим высокотехнологичным оборудованием) и зоны, свободные от гаджетов и медиасреды («тихие» комнаты для чтения и дискуссий, мастерские, спортивные залы, зеленые зоны и пр.). Расписание должно предусматривать обязательное чередование виртуальной и реальной активностей акторов педагогического процесса.

11. Принцип «педагогического брифинга» перед использованием цифрового инструмента. На наш взгляд, преподаватель должен четко объяснить ученикам, какую учебную задачу мы решаем с помощью этой игры/платформы/симулятора/ VR. Как это связано с тем, что мы изучали и будем изучать далее? Какой положительный эффект это даст для будущей профессиональной деятельности обучающегося? Как будет оцениваться результат цифровой активности учащегося в рамках педагогического процесса (не бейджи и виртуальные «медали», а реальные знания и навыки)? Подобные меры, на наш взгляд, способны индуцировать осознанное, а не хаотичное взаимодействие с технологией.

12. Принцип обязательной «цифровой детоксикации» и рефлексии. После завершения работы с цифровым ресурсом (цифровым симулятором, виртуальной программой и пр.) необходимо выделить время (5–10 минут) на очное обсуждение: что узнали, что было сложно, что понравилось/не понравилось, какие вопросы возникли, как это связано с реальной жизнью? Это помогает «вернуть» опыт из виртуальной гиперреальности в контекст реального знания и социального межличностного взаимодействия.

13. Принцип использования цифровых технологий для развития творческих и созидательных потенциалов личности. По мнению авторского коллектива, необходимо сместить фокус с шаблонного тестирования и репродуктивного методологического инструментария на поддержку развития творческих потенциалов личности ученика. Например, вместо стандартного теста – задание создать цифровой рассказ, мультфильм, подкаст, 3D-модель по теме, используя доступные инструменты и новейшие цифровые технологии, когда они становятся средством самовыражения и созидания, а не инструментом «дисциплинарного надзора» администрации и родителей.

Заключение

Проведенное комплексное исследование, интегрирующее подходы из философии, психологии, дидактики, технологического прогнозирования, позволило выявить уникальные возможности и некоторые системные риски, сопровождающие процессы цифровизации и геймификации современного образования. По мнению авторского коллектива, эти процессы несут в себе не только беспрецедентные возможности для персонализации, наглядности и эффективности, но и некоторые угрозы антропологического порядка: риск формирования

«кибернетической личности», отчуждения от реальности и собственного «Я», снижения практического опыта живого общения, усиления социального неравенства и потери педагогического суверенитета.

Главный вывод нашего исследования заключается в том, что судьба образования в цифровую эпоху зависит не от слепого следования технологическому детерминизму, а от способности педагогического сообщества осуществлять осмысленный, критический и активный выбор в ситуации неопределенности. Предложенная авторским коллективом интегративная модель педагогической деятельности, основанная на примате содержательных целей, принципе дополненной реальности, осознанности и антропологической соразмерности, представляет собой системное прикладное решение педагогических вызовов современного образовательного процесса. Ее реализация на разных уровнях образовательной среды позволяет наметить путь преодоления выявленных рисков.

Это путь не назад, к «доцифровой идиллии», а вперед – к новой синтетической форме образования, где глубина традиционного гуманитарного знания и ценность живого диалога учителя и ученика обогащаются, а не вытесняются мощным арсеналом цифровых инструментов широчайшего спектра. Ключевой фигурой на этом пути становится «преподаватель-цифровой гуманист» – профессионал, сочетающий в себе педагогическую мудрость, психологическую чуткость и технологическую грамотность, способный быть проводником учащегося в сложном, амбивалентном мире, полном как цифровых симулякров, так и подлинных человеческих смыслов. Таким образом, наша интегративная модель педагогического процесса не только анализирует имеющиеся риски, но и непосредственно конструирует будущее, предлагая конкретные, жизнеспособные решения для превращения цифровой среды в пространство возможностей для развития свободной, творческой и ответственной личности.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. Соблазн. Луганск : Большой Донбасс, 2021. 376 с.
2. Вербах К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
3. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. М. : Политиздат, 1991. 560 с.
4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М. : АСТ, 2004. 602 с.
5. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П. Н. Биленко, В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина, А. М. Кондаков, И. С. Сергеев; под науч. ред. В. И. Блинова. М. : Перо, 2019. 98 с.
6. Кара-Мурза С. Г. СССР – цивилизация будущего. М. : Яуза, Эксмо, 2010. 320 с. ISBN: 978-5-699-39647-4 EDN: QXXHHN
7. Кириченко А. А. Информационная интоксикация российских студентов-медиков в обществе цифровых технологий // Педагогика и психология в медицине: проблемы, инновации, достижения. М. : Издательство Перо, 2021. С. 117–121. EDN: CWZZJJ
8. Колосова О. А., Бегичева О. Л., Завельская И. М. Геймификация образования: за и против // Человеческий капитал. 2022. № 12. С. 159–166. EDN: BBRCAF
9. Корчагина Г. А., Фадеева Е. В., Голубинская О. И., Вышинский К. В. Основные тенденции изучения компьютерной и игровой зависимости, чрезмерного использования интернета в РФ // Вопросы наркологии. 2016. № 7-8. С. 17–23. EDN: ZDLVBN
10. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. М. : Медицина, 1972. 335 с.
11. Мальцев В. А. Карл Маркс и большие данные. М. : Родина, 2019. 342 с.
12. Мурзагалина Г. М., Тихомирова Г. В., Филиппова О. В., Корнеева Н. Ю., Галиакберова В. Н. Геймификация в образовании как фактор повышения интереса к усвоению учебного материала // Московский экономический журнал. 2022. № 4. С. 493–500. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_4_227 EDN: MZBVBH
13. Николаев К. Интеллектуальный инсульт. Как в мире роботов остаться человеком и не потерять себя. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 288 с.
14. Поросенков С. В., Власова Н. А. Качественные изменения человека в информационном обществе и развитие образования. Пермь : От и До, 2012. 216 с.
15. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. N 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20» «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи». URL: https://base.garant.ru/75093644/#p_489 (дата обращения: 02.02.2026).
16. Тихон А. С. Негативное влияние компьютера и интернета на психику и здоровье детей // Web of Scholar. 2020. № 1 (43). С. 36–39. DOI: 10.31435/rsglobal_wos/31012020/6885 EDN: SMQMBI

17. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2004. 557 с.
18. Фадеева С. В. Факторы риска развития наркотической и компьютерной зависимостей в подростковой среде // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. С. 217-224. EDN: PETGXH
19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994. 447 с. ISBN: 5-250-02472-6 EDN: SYYMVF
20. Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 415 с. ISBN: 5-250-02353-3 EDN: SYYMHT
21. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2004. 588 с. ISBN: 5-17-021219-4 EDN: QOCIBD
22. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. : Прогресс, 1992. 464 с.
23. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018. 320 с.

References

1. Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyacii. Soblazn [Simulacra and Simulations. Temptation]. Lugansk, Bol'shoj Donbass, 2021, 376 p. (In Russ.).
2. Verbah K., Hanter D. Vovlekaj i vlastvuj. Igrovoe myshlenie na sluzhbe biznesa [Engage and Conquer: Game-Based Thinking for Business]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2015, 224 p. (In Russ.).
3. Gramshi A. Tyuremnye tetradi [Prison notebooks]. Part I, Moscow, Politizdat, 1991, 560 p. (In Russ.).
4. Gehlbrejt Dzh. Novoe industrial'noe obshchestvo [New Industrial Society]. Moscow, AST, 2004, 602 p. (In Russ.).
5. Didakticheskaya koncepciya cifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya [Didactic concept of digital vocational education and training]. P. N. Bilenko, V. I. Blinov, M. V. Dulinov, E. Yu. Esenina, A. M. Kondakov, I. S. Sergeev. Moscow, Pero, 2019, 98 p. (In Russ.).
6. Kara-Murza S. G. SSSR - civilizaciya budushchego [Капа-Мурза С. Г. СССР – цивилизация будущего]. Moscow, Yauza, Ehksmo, 2010, 320 p. ISBN: 978-5-699-39647-4 EDN: QXXHHN (In Russ.).
7. Kirichenko A. A. Informacionnaya intoksikaciya rossijskih studentov-medikov v obshchestve cifrovых tehnologij [Information intoxication of Russian medical students in a digital society]. *Pedagogika i psihologiya v medicine: problemy, innovacii, dostizheniya* [Pedagogy and Psychology in Medicine: Problems, Innovations, and Achievements]. Moscow, Izdatel'stvo Pero, 2021, pp. 117-121. EDN: CWZZJJ (In Russ.).
8. Kolosova O. A., Begicheva O. L., Zavel'skaya I. M. Gejmifikaciya obrazovaniya: za i protiv [Gamification of Education: Pros and Cons]. *Chelovecheskij kapital* [Human capital]. 2022, no. 12, pp. 159-166. EDN: BBRCAP (In Russ.).
9. Korchagina G. A., Fadeeva E. V., Golubinskaya O. I., Vyshinskij K. V. Osnovnye tendencii izucheniya komp'yuternoj i igrovoj zavisimosti, chrezmernogo ispol'zovaniya interneta v RF [Key trends in the study of computer and gaming addiction, and excessive internet use in the Russian Federation]. *Voprosy narkologii* [Questions of drug addiction]. 2016, no. 7-8, pp. 17-23. EDN: ZDLVBN (In Russ.).
10. Kuznecov O. N., Lebedev V. I. Psihologiya i psihopatologiya odinochestva [Psychology and psychopathology of loneliness]. Moscow, Medicina, 1972. 335 p. (In Russ.).
11. Mal'cev V. A. Karl Marks i bol'shie dannye [Karl Marx and Big Data]. Moscow, Rodina, 2019, 342 p. (In Russ.).
12. Murzagalina G. M., Tihomirova G. V., Filippova O. V., Korneeva N. Yu., Galiakberova V. N. Gejmifikaciya v obrazovanii kak faktor povysheniya interesa k usvoeniyu uchebnogo materiala [Gamification in education as a factor in increasing interest in learning educational material]. *Moskovskij ehkonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. 2022, no. 4, pp. 493-500. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_4_227 EDN: MZBHBH (In Russ.).
13. Nikolaev K. Intellektual'nyj insult. Kak v mire robotov ostat'sya chelovekom i ne poteryat' sebya [Intellectual Stroke: How to Remain Human and Not Lose Yourself in a Robot World]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016, 288 p. (In Russ.).
14. Porosenkov S. V., Vlasova N. A. Kachestvennye izmeneniya cheloveka v informacionnom obshchestve i razvitie obrazovaniya [Qualitative changes in a person in the information society and the development of education]. Perm, Ot i Do, 2012, 216 p. (In Russ.).
15. Postanovlenie Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 28 sentyabrya 2020 g. N 28 «Ob utverzhdenii sanitarnyh pravil SP 2.4.3648-20» «Sanitarno-ehpidemiologicheskie trebovaniya k organizacijam vospitaniya i obucheniya, otdyha i ozdorovleniya detej i molodezhi» [Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of September 28, 2020 No. 28 “On approval of sanitary rules SP 2.4.3648-20” “Sanitary and epidemiological requirements for organizations for the education and training, recreation and health improvement of children and youth”]. (In Russ.). Available at: https://base.garant.ru/75093644/#p_489 (accessed: 02.02.2026).
16. Tihon A. S. Negativnoe vliyanie komp'yutera i interneta na psihiku i zdorov'e detej [The negative impact of computers and the Internet on children's mental health and well-being]. *Web of Scholar*. 2020, no. 1 (43), pp. 36-39. DOI: 10.31435/rsglobal_wos/31012020/6885 EDN: SMQMBI (In Russ.).
17. Toffler Eh. Shok budushchego [Future shock]. Moscow, AST, 2004, 557 p. (In Russ.).
18. Fadeeva S. V. Faktory riska razvitiya narkoticheskoy i komp'yuternoj zavisimostej v podrostkovoj srede [Risk factors for the development of drug and computer addiction among adolescents]. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. 2010, no. 5, pp. 217-224. EDN: PETGXH (In Russ.).
19. Fromm Eh. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, Respublika, 1994, 447 p. ISBN: 5-250-02472-6 EDN: SYYMVF (In Russ.).

20. Fromm Eh. Psihoanaliz i ehtika [Psychoanalysis and Ethics]. Moscow, Respublika, 1993, 415 p. ISBN: 5-250-02353-3 EDN: SYYMHT
21. Fukuyama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man]. Moscow, AST, 2004, 588 p. ISBN: 5-17-021219-4 EDN: QOCIBD
22. Hejzinga J. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow, Progress, 1992, 464 p. (In Russ.).
23. Shvab K. Tehnologii Chetvertoj promyshlennoj revolyucii [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Ehksmo, 2018, 320 p. (In Russ.).

Информация об авторах

- А. М. Гоголев*** – кандидат юридических наук, доцент, директор,
Пермский филиал Финансового университета;
- И. И. Кац*** – преподаватель, кафедра общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин, Пермский филиал Финансового университета;
- А. В. Лесевицкий*** – преподаватель, кафедра общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин, Пермский филиал Финансового университета.

Information about the authors

- A. M. Gogolev*** – Ph. D. in Law, Associate Professor,
Director, Perm Branch of the Financial University;
- I. I. Katz*** – Lecturer, Department of General Education and Humanitarian and Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University;
- A. V. Lesevitsky*** – Lecturer, Department of General Education and Humanitarian and Social Disciplines, Perm Branch of the Financial University.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

2026. № 2

Редактор: С. В. Шустова
Компьютерная верстка: Л. Н. Голубцова
Переводчик: Н. Н. Меньшакова
Секретарь: Н. П. Сюткина

Подписано в печать 30.06.2026. Дата выхода в свет 01.07.2026.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ № 1220.

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:
<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>
Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.
Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.